КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Сочиненія М. ТРОИЦКАГО:

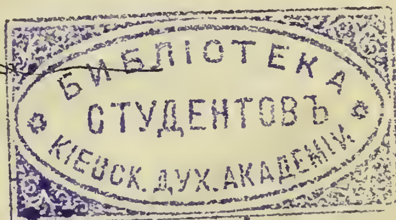
„НѢМЕЦКАЯ ПСИХОЛОГІЯ

ВЪ ТЕКУЩЕМЪ СТОЛѢТІИ,

Историческое и Критическое изслѣдованіе, съ предварительнымъ очеркомъ успѣховъ психологіи со временъ Бекона и Локка“
Москва, 1867 г.

С. Г.

Второе, дополненное изданіе.



КІЕВЪ.

Типографія В. А. Менчицъ, Подолъ д. Миклашевскаго.
1877.

умственнаго и нравственнаго совершенства, психологія, при основательномъ и широкомъ изученіи, можетъ много способствовать осмысленію цѣлаго міросозерцанія; такъ-какъ міросозерцаніемъ предполагается опредѣленное пониманіе порядковъ и соотношенія жизни физической и нравственной. Но наука не можетъ разомъ охватить всей полноты нашего внутренняго міра. Не смотря на многіе замѣчательные труды въ этой области знанія, быть можетъ, иподна наука не имѣетъ такого множества самыхъ разнохарактерныхъ направленій, какъ психологія. Не всегда можно это разногласіе ставить въ вину изслѣдователямъ. Самое свойство предмета психологіи таково, что оно открываетъ болѣе простора не только разногласію, но даже и противоположности во взглядахъ; потому что предметъ ея не только не имѣетъ видимыхъ, внѣшнихъ очертаній, но и внутри самаго изслѣдователя переплетенъ съ его собственною жизнію, и разомъ требуетъ отъ него двухъ ролей—и судьи и подсудимаго, и испытывающаго и испытываемаго. Достаточно, если неутомимыми изслѣдованіями вопросы ея одинъ за другимъ будутъ, по крайней мѣрѣ, разъясниться такъ, что проложатъ путь не разладу, а гармоніи; когда основательно и точно разсмотрѣны будутъ какъ причины разногласія, такъ и тѣ точки соприкосновенія, которыя нерѣдко скрываются даже между самыми, по видимому противоположными направленіями. При мысли о важномъ значеніи подобныхъ научныхъ изслѣдованій въ дѣлѣ такой высокой науки,

къ наука о духѣ, мы съ невольнымъ удовольствіемъ

встрѣчаемъ всякое психологическое сочиненіе въ нашей литературѣ. Съ удовольствіемъ взялись мы и за этотъ психологическій трудъ почтеннаго автора, и прежде всего, порадовались самому выбору вопроса, которому авторъ посвятилъ свое изслѣдованіе и свой даръ изложенія. Отношеніе философіи, и въ частности, психологіи нѣмцевъ къ философіи и психологіи англичанъ представляетъ такъ много контрастовъ, хотя бы иной разъ только кажущихся, такъ поучительно по многимъ результатамъ для успѣховъ науки и образованія, что самое вниманіе къ нему уже достойно сочувствія.

Какъ же выполнена почтеннымъ авторомъ избранная имъ задача? Какъ онъ понялъ и изобразилъ замѣчательнѣйшія направленія въ историческомъ развитіи психологіи? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ не станемъ входить въ далекія подробности, и ограничимся только немногими примѣчаніями, которыя сами собою могутъ объяснить и многія частныя особенности въ трудѣ автора.

I.

Главный вопросъ, какъ самое оглавленіе книги показываетъ, состоялъ въ томъ, чтобы изобразить нѣмецкую психологію въ текущемъ столѣтіи и показать,—представляетъ ли она достаточныя причины, для отрицанія исключительныхъ правъ индуктивной методы въ наукѣ о духѣ (стр. 3). А для того, авторъ считаетъ нужнымъ

предпослать сперва предварительный очеркъ успѣховъ психологіи со временъ Бэкона и Локка, какъ въ Англіи, такъ и на материкѣ Европы, въ XVII и XVIII вѣкѣ. Самый разборъ нѣмецкой психологіи въ текущемъ столѣтіи, авторъ желаетъ довести до того момента, когда она достигла наиболѣе уважительнаго вида (стр. 4). Мысль о сравненіи методы, принятой англійскими психологами, съ методами, господствовавшими у замѣчательнѣйшихъ психологовъ германскихъ, достойна самаго серьёзнаго ученаго труда; но намъ кажется, что авторъ въ самомъ выполненіи своей задачи допустилъ значительное несоотвѣтствіе цѣли, такъ что трудно рѣшить, что́ именно хотѣлъ авторъ представить—сравненіе ли психологической методы въ Англіи и на материкѣ Европы, преимущественно же въ Германіи въ XIX вѣкѣ, или вообще историческій ходъ понятій о методѣ и разныхъ направленій философіи и психологіи? Стройной и рельефной логической структуры въ сочиненіи автора мы не находимъ. Все сочиненіе раздѣлено на двѣ главныя части. въ первой изображаются *успѣхи психологіи со временъ Бекона и Локка*, во второй—*главныя направленія нѣмецкой психологіи въ текущемъ столѣтіи*. Въ первой части, состоящей изъ десяти главъ, нужно различать собственно четыре отдѣла: предметъ перваго—*успѣхи психологической методы* или проще историческій ходъ въ Англіи понятій о методѣ вообще и особенно въ примѣненіи къ психологіи (4 главы): предметъ втораго—*психологическая метода во Франціи и въ Германіи* (Глава V-ая); предметъ третьяго—

успѣхи психологическаго анализа; здѣсь авторъ представляетъ на дѣлѣ тотъ результатъ, до котораго достигла психологическая метода въ Англіи, и какъ она выразилась анализомъ чувственности, анализомъ ума, духовныхъ волненій и воли (глав. VI, VII, VIII и IX); наконецъ. въ четвертомъ отдѣлѣ авторъ изображаетъ психологическій анализъ въ Германіи въ XIX вѣкѣ. Вторая, главная часть раздѣлена на пять главъ, которыя совпадаютъ съ самимъ развѣтвленіемъ ея содержанія: въ первой говорится о психологіи нѣмецкаго идеализма, во второй — о психологіи Кантовой школы, въ третьей о психологіи Гербартовой школы, въ четвертой—о психологіи Бенеке, наконецъ, въ пятой—авторъ дѣлаетъ заключеніе и нѣкоторыя дополнительныя замѣчанія о примирительной методѣ, о нѣмецкомъ эклектизмѣ, о Фихте младшемъ, о Лёце, о Фортляге, о Фехнерѣ, Вундтѣ и о нѣмецкой физіологической литературѣ о духѣ (стр. 307—658). Понятно, что авторъ желалъ, по видимому, совмѣстить изображеніе историческаго хода понятій о психологіи и психологической методѣ у англичанъ и на материкѣ Европы отъ 17 до 19 вѣка, съ критическимъ разборомъ самыхъ методъ; но у него вышла какая—то довольно странная неопредѣленность и колебаніе между этими двумя формами въ развитіи его ученаго труда. Быть можетъ, это колебаніе не слишкомъ важно; но оно можетъ иногда вредить самому рѣшенію вопроса, не давая твердой опредѣленной мысли или цѣли, которая правила бы всѣми подробностями развитія, и онѣ по неволѣ будутъ раз-

бѣгаться во всѣ стороны, не приводя ни къ чему опредѣленному. Когда мы имѣемъ въ виду только изложеніе историческаго хода разныхъ доктринъ или чужихъ понятій о какомъ—нибудь вопросѣ, то иной разъ можно еще какъ—нибудь обойтись безъ самостоятельно—выработаннаго понятія о немъ, безъ одной, общей точки зрѣнія, направленной къ опредѣленію относительнаго значенія взглядовъ, высказанныхъ другими; но когда прямую задачу нашу составляетъ сопоставленіе и сравнительное изложеніе различныхъ направленій въ какой—либо наукѣ, напримѣръ, въ психологіи, то уже мало одного историческаго знакомства съ ними; тогда необходима еще и выработанная общая точка зрѣнія, которая пособила бы намъ выразумѣть внутренній смыслъ и относительное значеніе ихъ въ общемъ составѣ психологическихъ задачъ и цѣлаго зданія психологіи. И это относительное значеніе разныхъ направленій должно предстать, какъ результатъ сравнительнаго ихъ разбора. Задавшись только первымъ дѣломъ и потомъ усиливаясь перейти въ другое, мы можемъ очутиться безъ общаго, живаго и зрѣлаго начала для правильной оцѣнки и группированія психологическихъ трудовъ, и по-неволѣ будемъ потомъ ограничиваться только изложеніемъ ихъ непосредственнаго содержанія и хронологическою послѣдовательностію. Все дѣло критической оцѣнки будетъ ограничиваться развѣ какими нибудь однообразными примѣчаніями, вышедшими изъ субъективныхъ случайностей, ничего не опредѣляющими и не ведущими ни къ чему цѣлому. Это

именно случилось и съ авторомъ. Судя по утомительной однообразности его критическихъ примѣчаній о разныхъ психологическихъ ученіяхъ и общихъ направленіяхъ философіи на материкѣ Европы, можно думать, что сочиненіе первоначально имѣло характеръ простыхъ выписокъ и случайныхъ замѣтокъ, касавшихся историческаго хода философіи и психологіи въ ихъ хронологическомъ порядкѣ; но потомъ, возникла у автора попытка сообщить имъ характеръ сравнительнаго изображенія главныхъ направленій психологіи, и—вышло нѣчто въ родѣ сборника, безъ единства опредѣленной мысли, безъ всякаго цѣльнаго понятія о постепенномъ развитіи и органическомъ соотношеніи главныхъ видоизмѣненій науки о человѣческомъ духѣ.

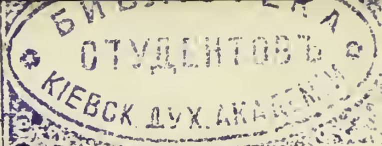
Но оставимъ эту неопредѣленность въ общей формѣ сочиненія, и, каковы бы ни были недостатки въ цѣлой структурѣ его, будемъ соображать наши требованія только съ тѣмъ, что достаточно ясно авторъ желалъ высказать и высказалъ. Авторъ, какъ мы уже знаемъ, изображаетъ сперва исторію взглядовъ на психологію и психологическую методу у англичанъ (стр. 7—100); потомъ разсматриваетъ психологическую методу во Франціи и Германіи отъ XVII-го до XIX-го вѣка (10—129), и затѣмъ, показавши образецъ психологическаго анализа у англичанъ и нѣмцевъ, преимущественно занимается изображеніемъ нѣмецкой психологіи, съ главными ея направленіями, въ XIX вѣкѣ. Всѣ эти направленія психологіи внѣ Англіи разсматриваются у автора по отноше-

нію ихъ къ психологіи англійской. Итакъ, читателю очень естественно ожидать, что авторъ, изобразивши сперва характеръ психологіи и психологическаго метода у англичанъ, представитъ потомъ точное понятіе какъ объ общемъ отличительномъ характерѣ психологическихъ пріемовъ и психологическихъ изслѣдованій у французовъ, и особенно у нѣмцевъ, такъ и о замѣчательнѣйшихъ направленіяхъ, въ которыхъ выразилась ихъ идея психологіи и все это изложеніе направитъ къ тому, чтобы сдѣлать сравнительную оцѣнку психологическаго метода и содержанія съ обѣихъ сторонъ. Въ особенности, очевидна была необходимость—критически разсмотрѣть значеніе индуктивной методы въ примѣненіи къ задачамъ психологіи и изслѣдовать ее сравнительно съ тѣми пріемами, которыми пользовались въ психологіи разныя школы германскихъ мыслителей. Подобное изображеніе состоянія психологіи въ новыя времена, выполненное основательно и безъ всякихъ тенденціозностей, само собою способствовало бы образованію болѣе правильной и лучшей точки зрѣнія на ея задачи. Къ сожалѣнію у автора опять вышло далеко не то, чего мы вправѣ были ожидать, а на послѣдній, существенно-важный вопросъ даже ровно никакого нѣтъ отвѣта. Сначала, пока авторъ дѣлаетъ (стр. 7—101) выписки изъ сочиненій англійскихъ мыслителей и только передаетъ ихъ понятія о методѣ и задачѣ психологическихъ изслѣдованій, и потомъ, далѣе (въ третьемъ отдѣлѣ, стр, 131—267), гдѣ предлагается какъ бы самый образчикъ классификаціи психическихъ

явленій, по принятой у нѣкоторыхъ англійскихъ психологовъ методѣ, трудъ его, какъ разсказъ, какъ изложеніе результатовъ, добытыхъ учеными трудами мыслителей, меньше имѣетъ недостатковъ и отличается ясностію и отчетливостію: можно даже сказать, что начало въ трудѣ почтеннаго автора, когда забывается прямая цѣль его сочиненія, пріятно дѣйствуетъ на читателя; по крайней мѣрѣ, такъ оно подѣйствовало на насъ своимъ началомъ. Авторъ серьёзно приступаетъ къ своимъ изслѣдованіямъ, довольно заботливо излагаетъ историческое развитіе взглядовъ англійскихъ мыслителей на задачу и методъ психологическихъ изслѣдованій; самое изложеніе какъ и вездѣ почти отличается какою-то классическою правильностію и изяществомъ. Въ первомъ отдѣлѣ самая однообразность матеріала меньше давала поводовъ къ какимъ-нибудь значительнымъ недостаткамъ; такъ-какъ дѣло не дошло еще до другаго, несходнаго съ англійскимъ содержанія психологіи и до другихъ психологическихъ пріемовъ, которые вызывали бы къ широкой сравнительной оцѣнкѣ однихъ психологическихъ направленій съ другими. А потому, намъ и нѣтъ нужды долго останавливаться на этой части; ограничимся только немногими примѣчаніями и перейдемъ прямо ко второй.

Разсказывая о томъ, что сдѣлалъ Бэконъ для сообщенія наукѣ вообще новаго направленія, почтенный авторъ, какъ намъ кажется, обнаруживаетъ большую поверхностность во взглядѣ на бэконовское дѣленіе человѣческихъ знаній (стр. 24—25). Авторъ находитъ въ бэ-

коновскомъ раздѣленіи всѣхъ человѣческихъ знаній на три вѣтви—исторію, поэзію и философію какой-то *важный шагъ въ исторіи наукъ,* и думаетъ такъ именно потому, что это раздѣленіе было въ неразрывной связи съ торжествомъ индуктивной методы. Высказавши этотъ взглядъ на бэконовское раздѣленіе наукъ, авторъ тутъ же (стр. 24) говоритъ, что оно было очень важно особенно по сравненію съ энциклопедіею наукъ у схоластиковъ. Но всѣ эти три положенія не получили ровно никакого развитія и оправданія; авторъ даже вовсе не поясняетъ, какую онъ разумѣетъ энциклопедію наукъ схоластическую, и что̀ онъ понимаетъ подъ самою энциклопедіею? Если онъ разумѣетъ краткое изложеніе всѣхъ наукъ, то Бэконъ вовсе не представлялъ краткаго изложенія всѣхъ наукъ. Если же онъ разумѣетъ систематическое распредѣленіе или расчлененіе цѣлаго организма науки, то, какъ мы сказали, нужно было привести схоластическое распредѣленіе наукъ, чтобы одно съ другимъ свѣрить. Но и это сличеніе не привело бы къ превозношенію бэконовскаго раздѣленія наукъ на три вѣтви; потому что для XIX вѣка оно просто нелѣпо, и было-бы очень плохою рекомендаціею успѣхамъ индуктивной методы. Извѣстно, что у Бэкона дѣленіе наукъ основывалось на трехъ способностяхъ души—памяти, воображеніи и разсудкѣ; но никто теперь не станетъ превозносить подобнаго раздѣленія, смѣшивающаго науку съ искусствомъ или съ поэзіею, не станетъ и раздѣленіе знаній основывать на воображеніи и памяти; иначе мы произ-



ведемъ хаосъ въ энциклопедіи наукъ не хуже схоластическаго, который будетъ только доказывать жалкое положеніе психологическаго анализа и сбивчивость въ понятіяхъ о значеніи и послѣдовательности такъ называемыхъ способностей души. Чтобы выяснить читателю смыслъ этого вопроса, скажемъ кратко, что такъ-какъ наука есть наука или знаніе предмета, то естественно что организмъ или систематическое распредѣленіе наукъ основывается и должно основываться, *во-первыхъ*, на мышленіи или мыслящей дѣятельности, *во-вторыхъ*, на различіи предметовъ знанія или степеней жизни. Воображеніе и память могутъ доставить только матеріалъ наукѣ, но не самую организацію науки; кромѣ того, воображеніе можетъ облекать иногда содержаніе науки въ образныя формы. Вообще, можно сказать, что во всѣхъ послѣдовательныхъ проявленіяхъ познавательной дѣятельности—ощущеніи, представленіи, памяти и т. д. выражается только какъ-бы внутренній ростъ душевнаго субъекта, постепенно развивающагося до той степени, когда, наконецъ, окрѣпнетъ мыслящее сознаніе, какъ прямой органъ науки. Смѣшивая же, подобно Бэкону, поэзію съ наукою, авторъ не замѣчаетъ, что самъ же переходитъ въ схоластику и притомъ существовавшую даже очень недавно, когда напримѣръ, трактовавшіе объ artes liberales и belles lettres сами не знали что это такое—науки, или искусства? Находить, по этому, важный шагъ науки въ ложномъ выводѣ разныхъ отраслей знанія, въ смѣшеніи науки съ искусствомъ—

крайне странно. Такъ-же странно думать, будто индуктивная метода находится въ связи именно съ этою ложною классификаціею знаній, а не съ другою болѣе правильною. Изъ того, что Бэконъ возставалъ противъ схоластики и силлогизма и заботился объ индукціи, вовсе еще не слѣдуетъ, что индуктивная метода была въ неразрывной связи съ его раздѣленіемъ энциклопедіи наукъ. Невѣрно также и то, что Бэконъ устранилъ совершенно прежнее метафизическое содержаніе изъ своей энциклопедіи. По крайней мѣрѣ, слѣдовало оправдать этотъ взглядъ на отношеніе бэконовской энциклопедіи къ схоластической точнымъ указаніемъ содержанія той и другой; потому что въ бэконовскомъ распредѣленіи наукъ именно есть еще много остатковъ прямой схоластики. Но авторъ слабо коснувшись бэконовской энциклопедіи, ничего не говоритъ и о схоластической, и только увѣряетъ въ нѣсколькихъ словахъ, что ею заправлялъ силлогизмъ съ своими широкими притязаніями; но почему это именно такъ, въ чемъ она состояла, кто именно ее высказалъ въ средніе вѣка,—все это осталось неизвѣстнымъ. Быть можетъ, почтенный авторъ подъ прежнею энциклопедіею разумѣлъ ту, въ которой все знаніе, или по крайней мѣрѣ философское знаніе дѣлилось на три отрасли,—на семіотику или логику, практическую философію и физику, Но это дѣленіе принадлежитъ не схоластикѣ, а древнимъ мыслителямъ и, кромѣ того, не имѣетъ связи съ бэконовскимъ дѣленіемъ знаній, основаннымъ на способностяхъ души и утверждается именно только на высшей познаватель-

ной дѣятельности въ примѣненіи ея къ степенямъ познаваемой жизни. Далѣе, авторъ довольно сбивчиво объясняетъ значеніе локковой *рефлексіи* (36—40), и усиливается непремѣнно осмыслить ее въ локковскомъ значеніи, какъ другое, кромѣ *ощущенія* начало познавательной дѣятельности. Почтенный авторъ не хочетъ замѣтить, что, ставя *рефлексію,* какъ особенное начало нѣкорыхъ психическихъ явленій, онъ вводитъ психологію и гносеологію (теорію познанія) на первыхъ же порахъ въ безвыходное противорѣчіе. Одно изъ двухъ: или, если *рефлексія* есть другое, высшее въ сравненіи съ ощущеніемъ, начало нѣкоторыхъ психическихъ отправленій, если есть даже идеи, исключительно образуемыя рефлексіею, то, какъ рефлектирующая, она уже выше одного механическаго или безотчетнаго сцѣпленія психическихъ явленій, совершающихся только подъ вліяніемъ внѣшняго толчка; она непремѣнно должна имѣть въ себѣ какое нибудь начало, независимое отъ ощущенія и сообщающее извѣстную сознательную форму, структуру ея работѣ. Или, если рефлексія есть только дальнѣйшее развитіе ощущенія и не имѣетъ у себя ничего самостоятельнаго, никакого предрасположенія къ тому порядку, въ которомъ явятся потомъ образуемыя подъ ея вліяніемъ идеи, то нужно допустить не два начала психической дѣятельности, а одно—ощущеніе. Такъ именно, и совершенно правильно, пользуясь Локкомъ, поступилъ Кондильякъ (въ XVIII в.), развивая далѣе его понятіе объ этихъ двухъ началахъ или источникахъ нашихъ идей;

съ такимъ же правомъ могъ отказаться отъ локковской рефлексіи и Гертли, ограничивши все дѣло познаванія только ассоціацією перцепцій и представленій; такъ-какъ Локкъ вовсе не показалъ, почему именно рефлексія служитъ основаніемъ нѣкоторымъ идеямъ, а затѣмъ, въ самомъ обозрѣніи получается у него только перечисленіе ихъ, безъ всякой генетической связи ихъ съ самою натурою рефлексіи. Различіе между Гертли и Кондильякомъ только то, что въ кондильяковскомъ развитіи и метаморфозѣ ощущенія видно болѣе жизненнаго чутья, нежели въ механической ассоціаціи Гертли. Съ признаніемъ ощущенія за единственное начало всѣхъ дальнѣйшихъ явленій душевной дѣятельности, оставалось бы только показать, какимъ образомъ ощущеніе или ощущающее въ насъ начало переходитъ изъ свойственнаго ему пассивнаго состоянія въ воззрѣніе на него, какъ изъ свойственной ему слитности оно переходитъ въ состояніе раздѣльности, сопровождающей рефлексію. Но авторъ такъ объясняетъ Локково понятіе о двухъ источникахъ идей, какъ будто оно въ самомъ дѣлѣ вполнѣ состоятельно.

Нельзя не обратить вниманія еще и на все развитіе и содержаніе перваго отдѣла. Задачею его было изложеніе успѣховъ психологической методы въ Англіи со временъ Бэкона и Локка; но выполненіе этой задачи по самой формѣ своей, нисколько ей не соотвѣтствуетъ. У автора этотъ отдѣлъ содержитъ въ себѣ нѣчто въ родѣ историческаго разсказа о различныхъ англійскихъ док-

тринахъ—и психологическихъ, и логическихъ, и гносеологическихъ въ хронологическомъ порядкѣ: выводятся на сцену разныя лица—Локкъ, Гертли, Юмъ, Ридъ, Стюартъ, излагаются ихъ мысли, споры, дѣлаются изъ ихъ сочиненій выписки: но этотъ историческій и притомъ, съ такимъ неопредѣленнымъ содержаніемъ, способъ изложенія, по крайней мѣрѣ самъ по себѣ, не достигаетъ цѣли безъ опредѣленнаго научнаго объясненія успѣховъ, именно психологической методы въ продолженіе почти трехъ вѣковъ. Быть можетъ, слѣдовало бы присоединить опредѣленное логическое указаніе различныхъ направленій, которыя существовали въ психологическихъ изслѣдованіяхъ англійскихъ мыслителей, начиная съ Бэкона и отражались въ самомъ состояніи психологіи въ разныя времена. Это указаніе было бы важно потому, что въ Англіи господствовалъ не одинъ эмпиризмъ, но были представители и нѣкотораго идеализма. Знаніе отношенія ихъ къ индуктивной методѣ пособило бы лучше выразумѣть кто больше правъ въ назначеніи предѣловъ изслѣдованіямъ индуктивной методы въ области психологіи. Необходимо было-бы также, для доказательства успѣховъ индуктивной методы, привести и психологическую литературу въ Англіи, начиная съ Бэкона; такъ-какъ только психологическими сочиненіями и разборомъ ихъ можно бы было окончательно доказать успѣхи англійскихъ психологовъ. Это было бы и фактическимъ подтвержденіемъ взгляда автора. Одни трактаты о методѣ еще не всегда могутъ быть доказательствомъ успѣшно-

сти психологическихъ изслѣдованій и богатства въ содержаніи психологическихъ трактатовъ, и смѣшивая одно съ другимъ можно иногда впадать въ большія ошибки. Указанные нами недостатки довольно важны; потому что читатель, прочитавши этотъ первый трактатъ автора *объ успѣхахъ психологической методы*, вовсе не видитъ, какимъ же образомъ хвалимая авторомъ метода, по самому понятію и существу своему, непремѣнно ведетъ къ успѣхамъ, и какимъ образомъ, далѣе, преимущества ея выразились на самомъ дѣлѣ въ какихъ нибудь монументальныхъ психологическихъ произведеніяхъ? Но гораздо важнѣе недостатокъ перваго отдѣла тотъ, что въ немъ нигдѣ не видно самостоятельной мысли, которая изъ хронологическаго преемства разныхъ доктринъ, взглядовъ и споровъ образовала бы потомъ одно сосредоточенное и цѣльное понятіе объ индуктивной методѣ (въ родѣ наприм., трактата Апельта, или Шилля объ индукціи) съ самостоятельнымъ критическимъ разборомъ ея значенія именно въ области психологіи. Не смотря на всю важность индуктивной методы въ области психологіи, тамъ, гдѣ дѣло идетъ именно объ индуктивной методѣ, никакъ нельзя было ограничиваться только изложеніемъ мнѣній о ней другихъ. Необходимо было самостоятельно разсмотрѣть ея значеніе именно въ области изслѣдованія психическихъ явленій, далеко несходныхъ съ явленіями физическими, и тѣ неудобства, на которыя указываютъ иногда, при исключительномъ господствѣ ея въ изслѣдованіяхъ психической жизни. Но чѣмъ же у

автора ограничивается все доказательство успѣховъ психологической методы (т. е., англійской)? Тѣмъ, что онъ только перечисляетъ на одной страничкѣ четыре закона или четыре момента *общей* индуктивней методы высказанные Миллемъ. Но тутъ нѣтъ еще ровно никакого доказательства успѣховъ ея въ области психологіи. Всякая метода, въ чемъ бы она ни состояла, предполагаетъ болѣе или менѣе продолжительное сцѣпленіе сужденій, и потому, должна имѣть въ своемъ процессѣ исходное начало или первую точку опоры и потомъ-конецъ или цѣль. Но могутъ сказать, не представляетъ ли взятая сама по себѣ индуктивная метода, въ области психологіи, и въ своемъ базисѣ, и въ своемъ продолженіи, и на вершинѣ такихъ затрудненій и недостатковъ, которыя требуютъ внимательнаго разсмотрѣнія, особенно въ сочиненіи, ищущемъ лучшей психологической методы? Стоитъ только обратить вниманіе на матеріалъ психологическихъ изслѣдованій, и тотчасъ будетъ видно, что первое же исходное начало ея въ этой области имѣетъ дѣло съ такими явленіями, которыхъ нельзя такъ удержать предъ собою для опытовъ, какъ предметы вещественные; самое направленіе къ нимъ нашего вниманія уже отнимаетъ у нихъ типическую силу, либо и совсѣмъ уничтожаетъ ихъ. Другія недоумѣнія могутъ быть еще важнѣе. Индуктивная метода есть метода аналитическая и частнѣе—скептическая; она отправляется отъ наблюденія психическихъ явленій; но почему же, скажутъ, предметомъ ея должно быть только преемство явленій? Почему предметомъ ея

не можетъ быть еще что-либо болѣе? Чтобы получить точное указаніе касательно задачи и предѣловъ индуктивной методы въ примѣненіи къ психической жизни, нужно обратиться уже не къ методѣ, а къ наблюденію самаго матеріала, или точнѣе, къ самонаблюденію. Чтоже указываетъ намъ наблюденіе надъ нашею психическою жизнію? Одно ли преемство явленій, или что-нибудь болѣе? Физическія явленія не только находятся внѣ насъ, но и совершаются независимо отъ насъ. Когда естествоиспытатель изслѣдываетъ явленія электричества и гальванизма, когда астрономъ вычисляетъ орбиты планетъ, или время возвращенія какой-либо кометы, то тотъ и другой хорошо знаютъ законы въ преемственномъ ходѣ изслѣдуемыхъ ими явленій; но въ сферу ихъ наблюденія нисколько не входитъ та общая, присущая имъ цѣль, къ которой направлены всѣ процессы природы, всѣ движенія небесныхъ тѣлъ; потому что она внѣ нашего сознанія и наблюденія. Но отношеніе къ намъ психическихъ явеній нѣсколько иначово. Психическія явленія, кромѣ стороны безотчетной, независимой отъ насъ, кромѣ механической, безмысленной преемственности, имѣютъ еще сторону зависимую отъ нашей воли, отъ нашего самосознанія. Въ ихъ порядкѣ наше самосознаніе занимаетъ мѣсто центральной дѣятельной силы, хотя бы оно и не всецѣло вліяло на ихъ теченіе; кромѣ того, къ нему же, къ развитію и полнѣйшему выраженію его и направляется психическая дѣятельнсоть. Значитъ, въ нашемъ внутреннемъ мірѣ есть еще нѣчто такое, чего нѣтъ

въ цѣлой совокупности явленій внѣшняго міра. Какъ бы ни была значительна та часть въ нашемъ существѣ, которая изъята отъ нашего сознанія и воли, и проявляется только подъ вліяніемъ внѣшняго и безъотчетнаго для насъ импульса, но одно то, что въ сферѣ явленій нашей психической жизни возникло нѣчто сознательное, разсматривающее свой внутренній міръ, какъ свой, уже значительно измѣняется характеръ этой жизни, и отношеніе между ея явленіями: въ ней преемство явленій получаетъ для себя опредѣленіе съ двухъ сторонъ,—и со стороны предшествовавшаго имъ толчка, и со стороны внутренно-присущей нашему развитію цѣли. Если такъ, то намъ основательно могутъ замѣтить, что въ примѣненіи къ сферѣ психической жизни должна значительно измѣниться и самая задача наблюденія и изслѣдованія. Въ этой сферѣ мы должны изслѣдовать не одно преемство психическихъ явленій во времени, но самое развитіе и конструкцію ихъ, соотвѣтствующую нашему самосознанію; отъ насъ могутъ потребовать не только изученія механическаго закона ихъ преемства, но и постепеннаго, цѣлесообразнаго развитія ихъ, которое опредѣляется не только снизу, наблюденіемъ чего-то разбѣгающагося въ видѣ линіи съ двумя безпредѣльными концами, но и сверху, или извнутри, самосознаніемъ, какъ центральною ихъ силою. А понятіе психической жизни, принимающее въ соображеніе и этотъ другой путь изслѣдованія, уже не сходно съ тѣмъ понятіемъ, которое можетъ доставить индуктивная метода, въ томъ смыслѣ, какъ ее иногда

понимаютъ: оно выясняетъ не только преемстю, но и смыслъ каждаго ряда психическихъ явленій, въ общей экономіи душевной жизни. Не слѣдуетъ только смѣшивать внутренней цѣли, присущей развитію нашей психической жизни, съ какою-нибудь метафизическою цѣлію міра; первая проявляется въ нашемъ собственномъ самосознаніи, а вторая—недоступна нашему наблюденію на столько, чтобы помощію ея можно было объяснить значеніе всѣхъ явленій. Мы нисколько не хотимъ отрицать важнаго значенія индукціи въ дѣлѣ психическихъ изслѣдованій; но думаемъ только, что въ сочиненіи разсматривающемъ главныя направленія психологіи и ея методы, никакъ нельзя было оставить безъ обстоятельнаго разбора ея значенія въ области явленій психической жизни, дабы потомъ можно было судить о ней въ сравненіи съ другими методами. Сколько бы кто ни разграничивалъ частные оттѣнки въ общемъ складѣ индуктивной методы, какъ напримѣръ, законъ согласія, разности, остатковъ и тому под., оттого нисколько еще не выясняется ея смыслъ и степень примѣнимости въ области психологіи. Да и желательно было бы знать какъ авторъ примѣнилъ бы къ индуктивному изслѣдованію воображенія, фантазіи, памяти и т. д. законы согласія, разности, остатковъ и такъ далѣе. Если бы авторъ имѣлъ въ виду только изображеніе одной индуктивной методы въ отношеніи ея къ психологіи, то и тогда недостаточно было бы одного перечисленія главныхъ правилъ общей индуктивной методы и разсказа о томъ, что̀ сдѣлали для нея другіе; но въ

историко-критическомъ изслѣдованіи разныхъ направленій психологической методы и психологіи, уклоненіе отъ разбора индукціи, для сравнительной оцѣнки ея съ другими методами, составляетъ капитальный недостатокъ, не гармонирующій съ задачею ученаго труда. Иное дѣло излагать только мысли другихъ въ хронологическомъ порядкѣ, а иное—изображать достоинство одного метода сравнительно съ другими, и притомъ, въ примѣненіи къ психологіи.

Въ связи съ первымъ отдѣломъ въ сочиненіи автора можно упомянуть и о третьемъ отдѣлѣ (13—267), на который можно смотрѣть какъ на продолженіе перваго, или какъ на приложеніе къ нему. Въ этомъ отдѣлѣ передается, въ извлеченіяхъ изъ нѣкоторыхъ произведеній англійскихъ психологовъ, образецъ ихъ психологическаго анализа (успѣхи психологическаго анализа). Разборъ его былъ бы излишенъ, такъ—какъ въ немъ автору принадлежитъ только изложеніе; самое же изложніе отличается достаточною ясностію. Можно только пожалѣть объ одномъ, что авторъ и здѣсь поскупился на самостоятельное составленіе общаго типа, общаго характера этого анализа въ примѣненіи къ цѣльной внутренней жизни человѣка, чтобы потомъ лучше можно было судить, въ чемъ именно заключается существенная разница между содержаніемъ психологіи въ двухъ различныхъ сферахъ психологическихъ изслѣдованій. Общій взглядъ на характеръ психологическаго анализа у англичанъ тѣмъ необходимѣе, что ниже (стр. 268) будетъ рѣчь и о психологическомъ анализѣ въ Германіи.

II.

Еще болѣе недостатковъ представляетъ работа автора тамъ, гдѣ онъ оставляетъ однообразное поле англійской психологической методы, и роль повѣствователя перемѣняетъ на роль самостоятельнаго судьи и критика (102—130, 268—658). Съ переходомъ къ изображенію направленій философіи и психологіи въ XVII и XVIII вѣкѣ внѣ Англіи и потомъ частнѣе въ Германіи, особенно въ XIX вѣкѣ, когда предметъ становится шире и разнообразнѣе, авторъ ограничивается по большей части или крайне неопредѣленнымъ, или даже прямо ошибочнымъ изложеніемъ какъ философскихъ началъ, такъ и психологическихъ ученій, развивавшихся подъ вліяніемъ разныхъ философскихъ системъ. Въ особенности скудны и сбивчивы понятія автора о философскихъ системахъ и методахъ, оказывавшихъ больше или меньше вліянія на психологію. Что касается критической оцѣнки психологическихъ и философскихъ системъ, то она почти вездѣ, какъ увидимъ ниже, ограничивается только самыми общими мѣстами, нисколько не выражающими ихъ духа и характера.

Остановимся сперва на второмъ отдѣлѣ, начинающемся съ пятой главы (стр. 102). Общая задача этого отдѣла заключается въ разборѣ психологической методы во Франціи и въ Германіи въ XVII, XVIII и XIX вѣкѣ. Судя по оглавленію (стр. 111), авторъ желалъ разсмотрѣть сперва судьбы психологической методы во Франціи, и для

того сравниваетъ Гертли и Кондильяка, а потомъ переходитъ къ Ляромигьеру, Ройе-Колляру, Менъ-де-Бирану и Кузену. Отъ Франціи авторъ переходитъ къ психологической методѣ въ Германіи, и въ этомъ отдѣлѣ говоритъ сперва о Лейбницѣ, Вольфѣ, Дальгамѣ, Кантѣ, Фихте, Фризѣ, Гербартѣ, Бенекѣ и о матеріалистической физіологіи; потомъ упоминаетъ о двухъ энциклопедіяхъ науки у Вольфа, объ изслѣдованіи сущностей у Лейбница и Вольфа, у Канта, Фихте, Фриза, Гербарта и Бенеке и, въ заключеніе, о состояніи индуктивной методы, объ отсутствіи критицизма и объ индукціи у Фриза и Бенеке. Судя даже по одному оглавленію, содержаніе его такъ многосложно и обхватываетъ такой огромный періодъ (почти три столѣтія), что его никакъ нельзя было основательно изложить на двадцати осьми страницахъ, особенно послѣ того, какъ разсказъ объ одномъ историческомъ ходѣ гносеологическихъ и психологическихъ началъ въ Англіи занялъ у него почти сто страницъ. Но положимъ, что авторъ желалъ изложить все существенное въ самомъ сжатомъ видѣ, и будемъ разсматривать этотъ отдѣлъ въ томъ видѣ, какъ онъ есть. Но чтобы явственнѣе была поверхностность сужденій автора въ этомъ отдѣлѣ, а потомъ, въ четвертомъ и пятомъ, перескажемъ сперва въ немногихъ словахъ общій ходъ умственнаго движенія, вліявшаго на психологическую методу и на направленіе психологическихъ идей и изслѣдованій, начиная съ XVII вѣка.

Новое движеніе философіи въ XVII вѣкѣ начинается

съ того, что Декартъ, желая какъ можно прочнѣе и самостоятельнѣе поставить всю систему философіи на основаніи своего cogito ergo sum (я мыслю, слѣдоват., существую), призналъ *мышленіе* за существенное свойство духа, а *протяженіе* за существенный признакъ вещественнаго міра. Точка отправленія декартовской философіи была направлена противъ схоластики, довольствовавшейся только заимствованнымъ содержаніемъ и силлогистическою формою, какъ единственною опорою его. Такъ-какъ оба предиката—мышленіе и протяженіе взаимно себя исключаютъ, то началомъ, связующимъ двѣ субстанціи—мыслящую и протяженную, а въ насъ душу и тѣло, познающее и внѣшній предметъ познанія, Декартъ призналъ существо Божіе. Таково было исходное начало философіи, долго вліявшее на материкѣ Европы и на психологическую методу. Со взглядомъ Декарта неразрывны были слѣдующія отличительныя черты психологическаго направленія: *во первыхъ*, въ психологіи водворился крайній дуализмъ; душа и тѣло признаны были двумя противоположными субстанціями; *во вторыхъ*, не смотря на это крайнее раздвоеніе человѣческаго существа, задачею психологіи сдѣлалось опредѣленіе самаго существа души и связи души съ тѣломъ, хотя въ обоихъ отношеніяхъ оно было сопряженно съ неодолимыми затрудненіями. *Въ третьихъ*, такъ-какъ существо души разсматривалось какъ нѣчто, существующее за предѣлами ея проявленій и какъ противоположное явленіямъ тѣлесной жизни, то и самое мышленіе, не смотря на то, что признано было

существенно принадлежащимъ духу, удержало, наравнѣ съ другими явленіями душевной жизни, неопредѣленный характеръ такъ-называемой способности души; самое же существо души опредѣлялось какъ простое, несложное и неразрушаемое. Такимъ образомъ, и вопросъ о связи души и тѣла остался въ своей метафизической недоступности, потому что указывалось только на противоположность ихъ, какъ двухъ субстанцій, и внутренняго соотношенія между простотою души и ея способностями вовсе не видно было: способности души обыкновенно только перечислялись, какъ существующія въ простомъ существѣ души, хотя вовсе не видно было закона, связующаго ихъ съ самою натурою и коренною дѣятельностію духа. Подобныя психологическія понятія были въ неразрывной связи и съ особенною психологическою методою, господствовавшею и въ общей сферѣ философіи; ее можно назвать отвлеченною и частнѣе разсудочною: она только разграничиваетъ вещи; потомъ внѣшно объединяетъ ихъ общими ихъ группамъ отвлеченными понятіями, но вовсе не разсматриваетъ самаго процесса жизни объединяющаго и связующаго ихъ. Такова же эта метода была и въ психологіи, носившей названіе *раціональной* (rationalis); она только опредѣляетъ отличныя свойства души и тѣла, какъ двухъ отдѣльныхъ субстанцій, но не процессъ внутренней жизни неразрывный съ тѣлеснымъ организмомъ, какъ средою и орудіемъ своихъ проявленій; *въ четвертыхъ*, должно присовокупить, что если и въ то время возможно было эм-

пирическое описаніе состояній души и душевной дѣятельности, то по самой идеѣ систематической психологіи, оно не могло имѣть особеннаго значенія, и занимало только отдѣльное мѣсто, внѣ этой раціональной (rationalis) психологіи. Идеи Декарта были поддержаны Гейлинксомъ, Мальбраншемъ и многими другими его послѣдователями и такимъ образомъ, господство ихъ на долго осталось непоколебимымъ. Даже Спиноза одною стороною своего ученія удерживалъ это раздѣленіе между мышленіемъ и протяженіемъ, между душою и тѣломъ, хотя съ другой—отождествляя эти противоположности въ единствѣ всеобщей субстанціи, онъ пролагалъ издалека путь идеѣ тождества духа и вещества. Но въ этомъ же періодѣ преобладанія декартовскихъ началъ, Лейбницъ высказалъ свой новый взглядъ на душу и тѣло далеко не сходный съ декартовскимъ. По смыслу этого взгляда, душа и тѣло составляютъ не двѣ отдѣльныя субстанціи какъ у Декарта, но какъ-бы два полюса въ существѣ каждой монады или какъ бы каждой субстанціи, изъ коихъ одинъ отличается пассивностію, безсознательностію,—свойствомъ отличающимъ все вещественное, другой—ясностію представленій и дѣятельнымъ характеромъ, какъ такимъ свойствомъ, которое мы приписываемъ духу. Какъ жизнь монады, одушевляющей человѣческое существо, такъ и послѣдовательный порядокъ всѣхъ монадъ состоитъ по Лейбницу, въ постепенномъ повышеніи отъ жизни пассивной до состоянія активнаго, надѣленнаго совершенно яснымъ представленіемъ. Примѣняя этотъ взглядъ на

монаду къ цѣлому міросозерцанію, Лейбницъ пытался связать въ одно цѣлое порядокъ жизни механическій и цѣлесообразный. Таковъ былъ общій взглядъ Лейбница, со стороны содержанія, имѣвшій близкое отношеніе и къ психологіи, но очень долго не оказывавшій почти никакого вліянія. Что касается формы или методы, то эту часть Лейбницъ оставилъ въ прежнемъ положеніи, не смотря на то, что самое содержаніе его взгляда было таково, что рано или поздно должно было измѣнить и понятіе какъ о методѣ вообще, такъ и въ примѣненіи ея къ психологіи. Нельзя не замѣтить еще одной особенности, которая сама собою возникала изъ духа Лейбницевой монадологіи въ примѣненіи къ психологіи. Въ то время какъ у Декарта изученіе нашей чувственной жизни, по совершенной отдѣльности всего вещественнаго отъ духовнаго, было для психологіи безразлично; по смыслу лейбницева ученія, и экспирементальный путь психологическихъ изслѣдованій пріобрѣталъ нѣкоторое значеніе; потому что какъ отъ ясно-представляющаго и дѣятельнаго полюса монады можно было низойти къ пассивному и вещественному, какъ неразрывно связаннымъ и предполагающимъ другъ друга, такъ, на оборотъ, отъ этого послѣдняго можно было подойти къ первому или ясно-представляющему. Но, какъ мы сказали, взглядъ Лейбница на-долго остался безъ всякаго вліянія; мало того, прежнее направленіе не только удержалось, но и сильно было поддержано послѣдователемъ Лейбница Вольфомъ. Отказавшись отъ монадологіи Лейбница и предуо-

ставленой гармоніи въ томъ смыслѣ, какъ понималъ ее Лейбницъ, Вольфъ, можно сказать, только дальше развилъ и систематически провелъ тотъ-же декартовскій дуализмъ. Вотъ откуда вышли у него двѣ психологическія науки—empyrica и rationalis; это было только выводомъ изъ началъ, положенныхъ Декартомъ. Такъ-какъ двѣ субстанціи, составляющія человѣческое существо, не смотря на то, что имъ свойственно дѣйствовать другъ на друга, отличаются только взаимно себя исключающими свойствами, то прямая психологія могла быть только раціональною или апріорною; а описаніе душевныхъ явленій, утверждавшееся на наблюденіи, могло итти только своимъ отдѣльнымъ путемъ. Но было бы въ высшей степени неосновательно (какъ увидимъ ниже) думать, что этотъ именно дуализмъ въ наукѣ удержался и въ XIX вѣкѣ, и особенно въ Германіи.

Въ этихъ немногихъ строкахъ мы представили общій ходъ философскихъ началъ, бывшихъ въ тѣсной связи съ духомъ психологіи XVII и XVIII вѣка, сперва преимущественно во Франціи, а потомъ, въ Германіи. Кантъ, заставшій это направленіе психологіи, ничего новаго не сдѣлалъ для нея. Признавши апріорныя формы познавательной дѣятельности и не выяснивши ни ихъ генезиса, ни связи съ самою натурою или дѣятельностію души, онъ оставилъ теорію способностей, можно сказать, въ томъ же самомъ видѣ, какъ она существовала до него. Вліяніе его было важно только въ общемъ направленіи философіи, и только въ послѣдствіи эта общая перемѣна, произшедшая подъ его

вліяніемъ, обнаружилась, въ видѣ реакціи его же началамъ, и въ психологіи; она проявилась германскимъ идеализмомъ, со свойственными ему новымъ направленіемъ психологіи и съ новыми пріемами психологическихъ построеній. Кантъ отрицалъ возможность познанія существа вещей, а германскій идеализмъ, особенно въ апогеѣ своего развитія, даже не признавалъ этой сущности; находя въ ней только слово безъ мысли, онъ пытался и въ философіи, и въ психологіи провести ту мысль, что идея и явленіе, душа и тѣло, механическій и телеологическій порядокъ такъ переплетены между собою, что составляютъ одинъ цѣльный міръ, одну цѣльную жизнь, вполнѣ доступную нашему знанію. Ниже мы еще коснемся германской философіи и психологіи XIX вѣка, какъ въ предѣлахъ идеализма, такъ и послѣ него. Тамъ же мы разсмотримъ и сужденіе автора о направленіяхъ германской психологіи XIX вѣка; теперь мы должны только присовокупить, что въ то время, какъ Вольфъ поддерживалъ въ Германіи XVIII вѣка прежнее направленіе философіи и психологіи, весьма близкое по духу къ декартовскому, во Франціи, подъ вліяніемъ Локкова опыта о разумѣ, водворился сенсуализмъ. Провозвѣстникомъ его былъ Кондильякъ. Отличительный характеръ этого сенсуализма состоялъ въ томъ, что онъ занимался не опредѣленіемъ отдѣльнаго отъ тѣла существа души, съ ея способностями и прирожденными идеями, но описаніемъ какъ вслѣдъ за ощущеніемъ послѣдовательно появляются всѣ такъ называемыя способности ея и вся многослож-

ная ткань дѣятельности теоретической и практической. Въ скоромъ времени, и почти рядомъ съ сенсуализмомъ, водворился во Франціи матеріализмъ не отличавшійся впрочемъ научнымъ характеромъ; но въ свою очередь, подъ конецъ XVIII вѣка и особенно въ XIX вѣкѣ, уступилъ мѣсто французскому идеализму, также не имѣвшему особеннаго значенія. Считаемъ достаточнымъ этотъ краткій обзоръ для того, чтобы можно было судить соотвѣтствуетъ ли второй отдѣлъ труда автора сколько-нибудь своей задачѣ—изображенію психологической методы во Франціи и въ Германіи, въ XVII, XVIII и XIX вѣкѣ. Разборъ этого отдѣла пособитъ намъ выразумѣть потомъ, —насколько авторъ понялъ самый смыслъ направленій германской психологіи XIX вѣка, которыхъ онъ касается въ дальнѣйшихъ отдѣлахъ.

И во первыхъ, правильно ли авторъ начинаетъ хотя бы даже и мнимое, изображеніе психологической методы новыхъ временъ во Франціи съ Кондильяка, то есть, съ половины XVIII вѣка? Каковы бы ни были причины этого исходнаго историческаго начала, всѣ онѣ окажутся несостоятельными: потому что цѣлымъ столѣтіемъ раньше уже произошло, и именно изъ Франціи, новое направленіе психологіи,—разумѣемъ то направленіе которому начало положено было Декартомъ. Самъ же авторъ упоминаетъ объ немъ; только безъ всякой нужды помѣщаетъ его слишкомъ поздно и притомъ, подъ рубрикою Германіи, рядомъ съ Вольфомъ. Быть можетъ, авторъ не зналъ, гдѣ и какъ упомянуть о Декартѣ, и сознавая у него сход-

ство съ Вольфомъ по направленію психологическихъ идей, помѣстилъ ихъ рядомъ, поставивши такимъ образомъ вмѣстѣ XVII-й вѣкъ Франціи и XVIII-й вѣкъ Германіи. Но это сближеніе неправильно и только мѣшаетъ потомъ точному пониманію историческаго развитія психологіи и психологическской методы; потому что Декартомъ начато во Франціи еще въ XVII вѣкѣ новое направленіе философіи и психологіи; съ него и слѣдовало начать обзоръ различныхъ направленій психологической методы; тогда только понятна была бы и генетическая связь между ними. И это было тѣмъ необходимѣе, что декартовское направленіе было сначала общее, какъ для Франціи, такъ и для Германіи. Только въ послѣдствіи, чѣмъ дальше отходитъ исторія отъ среднихъ вѣковъ и начинаютъ совершенствоваться народные языки вмѣсто латинскаго, начинаетъ развиваться и рѣшительное различіе между ними въ направленіи философіи и психологіи. Отъ этого пропуска характеристика духа и методы психологическихъ изслѣдованій на материкѣ Европы въ XVII и XVIII вѣкѣ уже изчезла; но если бы объяснены были сперва декартовскія психологическія начала, тогда рельефно обозначилась бы и та реакція, которую съ одной стороны, задумалъ Лейбницъ въ Германіи еще въ концѣ XVII вѣка, а съ другой—Кондильякъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ.

Такую же неправильность авторъ допустилъ, заговоривши сперва о Лейбницѣ, а потомъ, о Декартѣ, и оттого, снова затруднилъ правильное пониманіе идей Лейбница, имѣющихъ существенное отношеніе къ психологіи; потому

что новое понятіе Лейбница о душѣ и отношеніи души и тѣла могло бы явственно обозначиться только какъ реакція Декарту и Спинозѣ — дуализму одного и пантеизму другаго. Правда, авторъ упоминаетъ о Декартѣ въ самомъ началѣ отдѣла (стр. 103, 104), но только мимоходомъ, ни сколько не опредѣляя духа его психологіи и психологической методы и не ставя его, какъ первое звено дальнѣйшаго развитія. Точно также и о другихъ замѣчательныхъ дѣятеляхъ, о которыхъ, упоминается въ оглавленіи, авторъ говоритъ только мимоходомъ и нигдѣ ни одинъ изъ нихъ не разсмотрѣнъ со стороны своихъ главныхъ характеристическихъ свойствъ.

Далѣе, на какомъ основаніи авторъ, задумавши изобразить психологическую методу въ Франціи и въ Германіи въ новыя времена, останавливается только на Бенеке, и пропускаетъ значительное количество другихъ не менѣе, а можетъ быть и гораздо болѣе замѣчательныхъ психологовъ? Какимъ образомъ, предпринявши заняться разборомъ психологическихъ методъ, авторъ говоритъ не о методахъ, а о разныхъ вещахъ, не идущихъ къ дѣлу—о двухъ энциклопедіяхъ науки, объ изслѣдованіи „сущностей“, о теоріи духовныхъ способностей, когда все это могло бы быть упомянуто, только какъ результатъ, какъ плодъ этой методы, и при томъ тамъ, гдѣ авторъ начнетъ разсуждать о психологическомъ анализѣ и о главныхъ направленіяхъ психологіи, т. е. въ послѣднемъ отдѣлѣ? Но быть можетъ это только роскошь, которая ни сколько не помѣшала и основательному изслѣдованію

главнаго, а именно вопроса о психологической методѣ въ XVII, XVIII и XIX вѣкѣ? Можно было бы признать эти уклоненія неважными, если бы авторъ не выпускалъ изъ виду и главнаго; но въ томъ то и дѣло, что онъ разсказываетъ только о внѣшнихъ судьбахъ разныхъ ученій, касаясь только слегка чего нибудь, только издалека подходящаго къ методѣ и не представляетъ собственно разбора психологическихъ методъ, такъ что весь этотъ отдѣлъ едва ли имѣетъ характеръ научнаго изслѣдованія; скорѣе онъ похожъ на фельетонную статью, наполненную совершенно излишними шутками и остротами. А между тѣмъ, основательный разборъ психологическихъ методъ, преобладавшихъ долгое время во Франціи и въ Германіи въ XVII, XVIII и XIX вѣкѣ, необходимъ; потому что онъ въ неразрывной связи съ характеромъ психологическаго анализа и главныхъ направленій психологіи въ Германіи, о чемъ дальше говорится и у автора. Въ числѣ психологическихъ методъ преимущественнаго вниманія заслуживали бы по крайней мѣрѣ тѣ, которыя, больше возбуждали вниманія. Сюда относится, во первыхъ, аналитическая, отличающаяся только описательнымъ характеромъ,метода Кондильяка, который въ своемъ Essay собственно только описываетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ главныя проявленія души, но вовсе не разсматриваетъ закона ихъ происхожденія, ни со стороны ихъ генезиса, ни со стороны ихъ внутренней цѣли. Далѣе, требовала точнаго разбора та синтетическая разсудочная метода, которая господствовала у послѣдоват-

лей Декарта и Вольфа и потомъ, можно сказать, значительно удержалась и въ кантовской школѣ. За разсудочною методою еще большаго вниманія заслуживала метода умозрительная, со всѣми ея видоизмѣненіями, и особенно въ томъ законченномъ видѣ, который пытался сообщить ей Гегель. Послѣ разбора методы вольфіанской или разсудочной и умозрительной, удобнѣе было бы объяснить и тѣ методы, которыя появились въ Германіи послѣ методы умозрительной и отличаются неопредѣленнымъ, смѣшеннымъ характеромъ. Преимущественно требовали бы самаго отчетливаго разбора разсудочная метода школы декартовской и вольфіанской и умозрительная—господствовавшая въ Германіи въ первыя три десятилѣтія девятнадцатаго вѣка. Обѣ онѣ по видимому очень сходны; потому что обѣ отличаются характеромъ отвлеченнымъ, апріорнымъ; даже синтезъ по видимому также преобладаетъ въ умозрительной, какъ и въ разсудочной; и однако же, не смотря на это поверхностное сходство, между ними есть почти діаметральная противоположность, и пока не выяснено ихъ различіе, до тѣхъ поръ неизбѣжны глубокія ошибки въ понятіяхъ какъ о психологическомъ анализѣ, такъ и о направленіи германской психологіи XIX вѣка. У автора же всѣ германскіе мыслители и психологи перемѣшаны; всѣмъ имъ приписано ученіе о какихъ то сущностяхъ, эссенціяхъ и такъ дал. (121...). Отличительная черта отвлеченной разсудочной методы та, что въ основаніе она ставитъ общія понятія или опредѣленія о предметахъ разсужденія, и по-

томъ внѣшно и голословно соединяетъ съ ними, или подводитъ къ нимъ всѣ частныя свойства и составныя стороны. Въ психологіи она ставитъ общія понятія о душѣ и тѣлѣ, какъ объ отдѣльныхъ субстанціяхъ, добытыя путемъ отвлеченія отъ тѣхъ проявленій, которыми онѣ обнаруживаются, или путемъ отрицанія ихъ (говоря напримѣръ, что душа есть нѣчто не многое, а единое, простое; тѣло же есть существо сложное), и за тѣмъ снова присоединяетъ къ нимъ тѣ ихъ свойства, на которыя указываетъ наблюденіе и анализъ. Но это сочетаніе синтеза и анализа только внѣшнее; потому что вовсе не видно, откуда происходитъ необходимая связь между ними, (напримѣръ между общимъ понятіемъ простаго существа, т. е., духа и между мышленіемъ, представленіемъ и т. д.), не видно—правитъ ли синтезъ анализомъ, или анализъ синтезомъ, или оба вмѣстѣ правятся какимъ-нибудь высшимъ закономъ мысли, не видно также, въ какомъ отношеніи находится метода къ содержанію и задачѣ психологіи. Такое же внѣшнее отношеніе вводитъ эта метода между субстанціями души и тѣла и ихъ свойствами. Умозрительная же психологическая метода тѣмъ существенно отличается отъ разсудочной, что, во первыхъ, усиливается соединить въ себѣ внутренно синтезъ и анализъ, и изъ соединенія ихъ—составить одну высшую методу; во вторыхъ что она приводитъ въ неразрывную связь методу и содержаніе. Сущность ея состоитъ не въ опредѣленіяхъ, но въ идеѣ развитія, правящей сочетаніемъ синтеза и анализа (диффе-

ренцированіемъ и интегрированіемъ). Въ психологіи она руководствуется не общими понятіями субстанціи духовной и тѣлесной, но идеею дѣятельности обнаруживающейся въ жизни духа; и какъ этой дѣятельности свойственны синтезъ и анализъ вмѣстѣ, т. е.. духъ самъ и даетъ себѣ свои частныя обнаруженія и связуетъ ихъ въ своемъ внутреннемъ единствѣ, то тѣлесная субстанція, въ силу этой методы, теряетъ свой субстанціальный характеръ и превращается только въ явленіе того же духа; равно и способности души составляютъ только результатъ его собственнаго внутренняго анализа (какъ бы дифференціаціи), который непрерывно поемлется и поглощается его же внутреннимъ синтезомъ (или интеграціею). Понятно, что между обѣими методами есть огромное различіе требовавшее основательнаго изслѣдованія. Какъ разсудочная метода, послѣ Декарта, особенно со стороны своей формы, достигла крайняго проявленія въ математической или геометрической методѣ Спинозы, такъ и умозрительная—достигла выработанной формы въ діалектической методѣ Гегеля, а потому, при разборѣ умозрительной психологической методы необходимо было разсмотрѣть сперва и ту довольно неопредѣленную форму, которую она имѣла въ школѣ Шеллинга (у Шуберта, Эшенмайера, въ генетической методѣ Каруса и т. д.), отдѣльно отъ той законченной и выработанной формы, которую сообщилъ ей Гегель, признавши противоположеніе и возсоединеніе закономъ всякаго развитія. Тамъ, въ школѣ Шеллинга,

сочетаніе синтеза и анализа не имѣло еще закона и руководствовалось больше субъективными условіями вдохновенія, умственнаго созерцанія и даже просто даровитости; здѣсь, въ діалектической методѣ, оно получило своего рода законъ. Какого рода этотъ законъ, входитъ ли его начало въ предѣлы нашего сознанія—это другой вопросъ; но и безъ рѣшенія его, подробный разборъ этого сочетанія синтеза и анализа въ умозрительной и частнѣе въ діалектической методѣ тотчасъ показалъ бы значительное несходство ихъ съ разсудочною. Но что еще важнѣе, этотъ разборъ показалъ бы, что умозрительная и особено діалектическая метода психологическая въ результатѣ своемъ ближе къ сенсуалистической Кондильяка, нежели къ разсудочной, что она только поглощаетъ въ себѣ сенсуалистическую. Точнымъ научнымъ разборомъ ихъ облегчилось бы и правильное понятіе о позднѣйшихъ, смѣшенныхъ методахъ германской психологіи, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ наприм., Фихте мл., не утрачивая вполнѣ своего умозрительнаго характера, еще ближе подходятъ къ методѣ сенсуалистической, а другія, какъ напримѣръ Бенеке, оставаясь на почвѣ сенсуалистической, индуктивной, не отказываются вполнѣ и отъ стихій апріорныхъ. Отъ попытки Гегеля—соединить въ своей методѣ синтезъ и анализъ измѣнилось потомъ и понятіе о такъ называемой *апріорности*. У Канта ею выражается независимость отъ внѣшнихъ впечатлѣній тѣхъ формъ или какъ-бы угловъ зрѣнія (количества, субстанціи и т. д.), по которымъ мы разсматриваемъ все

предметы наблюденія; у позднѣйшихъ же психологовъ (напримѣръ, у того же Фихте мл., Ульрици), *апріорность*, означаетъ то, что формамъ высшей дѣятельности разума и воли предшествуетъ нѣчто аналогическое въ тѣхъ формахъ нашей низшей или чувственной жизни, которыя существуютъ въ ней еще *до появленія* (a priori) дѣятельности сознательной. Необходимо также было разсмотрѣть математическую методу въ примѣненіи къ психологіи у Гербарта и физико-математическую у Фехнера и показать, какъ именно авторъ понимаетъ ея значеніе въ предѣлахъ психологіи. Но въ особенности, если авторъ желалъ, чтобы его сочиненіе соотвѣтствовало цѣли, необходимо было разсмотрѣть, чѣмъ отличается объясненіе причиннаго послѣдованія психическихъ проявленій отъ телеологическаго и въ чемъ состоитъ ихъ соединеніе? Пока этотъ вопросъ не разобранъ какъ можно основательнѣе (остроты тутъ ничего не помогутъ), до тѣхъ поръ нѣчего и думать о пониманіи существеннаго различія между главными германскими психологами и англійскими, а равно, и объ основательномъ отвѣтѣ на вопросъ о психологическомъ методѣ. Мы обращаемъ вниманіе на эти частности потому, что изслѣдованіе ихъ существенно необходимо, если желаемъ, чтобы историко-критическое изслѣдованіе о методахъ имѣло предметный, научный характеръ. Наконецъ, только послѣ строгаго научнаго изслѣдованія о психологическихъ методахъ, и въ особенности о послѣдней телеологической, объяснилось бы, можетъ ли психологія быть естественною наукою въ томъ

же смыслѣ, какъ физика, и на оборотъ, потеряетъ ли она отъ того характеръ естественной науки, что не станетъ ограничиваться наблюденіемъ только преемства явленій нашей психической жизни. Но сравнительная оцѣнка предъидущихъ психологическихъ методъ съ индуктивною невозможна безъ опредѣленнаго понятія о задачѣ психологіи, а задача психологіи въ связи съ теоріею познанія и съ понятіемъ о человѣкѣ, какъ существѣ, не только физическомъ, но и нравственномъ. Но почтенный авторъ не сдѣлалъ сравненія психологическихъ методъ и даже не коснулся вопроса объ отношеніи между методою и содержаніемъ психологіи. На послѣднихъ страницахъ этого отдѣла говорится въ разныхъ варіяціяхъ только о томъ, что у Канта, Фриза, Бенеке не было индуктивной методы; упоминается въ двухъ, трехъ шуточныхъ фразахъ о Фехнерѣ, Фортляге и на томъ оканчивается ученый трактатъ подъ заглавіемъ «психологическая метода во Франціи и въ Германіи».

Но въ какой степени по крайней мѣрѣ то, что авторъ высказалъ о каждомъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей въ области психологіи, относится къ нимъ и выражаетъ существенную отличительную черту ихъ? Иногда и бѣглое поверхностное изложеніе какой нибудь системы, даже не сообщающее объ ней основательнаго понятія, по крайней мѣрѣ не отходитъ отъ нея слишкомъ далеко и какъ—нибудь передаетъ ее въ простой, популярной формѣ. Къ сожалѣнію, у автора, кромѣ крайней бѣглости въ сужденіи о предметахъ, даже имѣющихъ

прямое отношеніе къ вопросу, часто встрѣчаются понятія самыя ошибочныя и совершенно искажающія дѣйствительный смыслъ ученій, которыхъ онъ касается. Укажемъ только на нѣкоторыя главнѣйшія.

О Лейбницѣ авторъ говоритъ на стран. 112, 113, 114 и 121-ой; но на первыхъ трехъ страницахъ онъ только разсказываетъ о столкновеніи Лейбница съ Ньютономъ и съ философіею Локка и слегка упоминаетъ о нѣкоторыхъ частныхъ особенностяхъ ученія Лейбница, хотя изъ нихъ нисколько не видно ни отличительнаго духа лейбницевой философіи, ни его методы. Въ четырехъ словахъ высказано, что Лейбницъ преобразовалъ по своему систему Декарта; но какъ ни важно было разъяснить,— въ чемъ именно состояло это преобразованіе, ибо это обрисовало бы тотчасъ духъ лейбницевой философіи, авторъ оставляетъ этотъ вопросъ въ сторонѣ. На страницѣ 113-ой авторъ говоритъ, что Лейбницъ, вопреки Локку, отстаивалъ врожденность идей, или точнѣе, врожденность разсудка (praeter intellectum); но опять и это—только частная черта философіи Лейбница, которая нисколько не разграничиваетъ ее съ фиоософіею Декарта. На стран. 121-ой атворъ, въ трехъ строкахъ, касается повидимому самаго духа Лейбницевой философіи: онъ говоритъ, что „Лейбницъ и Вольфъ съ этими монадами и предуставленною гармоніею чаяли раскрыть человѣчеству истинную сущность и незыблемое основаніе міра". И въ этихъ словахъ также никакой нѣтъ характеристики Лейбница; но за тоже въ нихъ выразилось уже прямое

непониманіе дѣла. Авторъ думаетъ, что Вольфъ вмѣстѣ съ Лейбницемъ принималъ теорію *монадъ* и *предуставленную гармонію*; но это напрасно; потому что отличительная черта философіи Вольфа отъ лейбницевой и состоитъ въ томъ, что онъ не принялъ его монадологіи; даже взглядъ Лейбница на предуставленную гармонію понятъ у Вольфа довольно поверхностно. Смѣшеніе одного съ другимъ показываетъ, что авторъ не выяснилъ себѣ, въ чемъ именно состоитъ существенное различіе между ними; а это различіе довольно важно; потому что проливаетъ свѣтъ на духъ не только философіи, но и вообще образованія въ XVIII и XIX вѣкѣ. Важно оно и для уразумѣнія тѣхъ типическихъ особенностей, которыми отдѣлились психологическія идеи XIX вѣка отъ тѣхъ же идей въ вѣкѣ XVIII-мъ. Существенный характеръ Лейбницевой философіи состоитъ не въ томъ, что онъ хотѣлъ открыть *истинную сущность и незыблемое основаніе міра*; —подобныя фразы не имѣютъ ни какого содержанія, и могутъ имѣть мѣсто развѣ только для наполненія чѣмъ нибудь страницъ. У Лейбница, какъ мы уже отчасти сказали выше, отличительныя черты не только отъ Вольфа, но и отъ Декарта, и вообще отъ духа философіи XVII и XVIII вѣка, состоятъ въ той, если можно такъ сказать, формулѣ, въ которой онъ желалъ представить идею духа и его отношеніе къ веществу, къ тѣлу. Душа и тѣло у Лейбница,—это не двѣ отдѣльныя субстанціи, а какъ-бы два полюса жизни, изъ коихъ одному свойственно ясное представленіе и дѣятельный характеръ, а

другому—представленіе темное и безотчетное, или пассивное состояніе, соотвѣтствующее вещественной сторонѣ ея. Всѣ монады различаются между собою по степени преобладанія того или другаго изъ этихъ двухъ полюсовъ ихъ состава. Подобный же смыслъ имѣла у Лейбница и предуставленная гармонія между цѣлесообразнымъ и механическимъ порядкомъ вещей. Вольфъ, отказавшись отъ манодологіи Лейбница, отсталъ и отъ самой характеристической черты его философіи, и снова остановился на прежнемъ декартовскомъ, или вульгарно-дуалистическомъ понятіи объ отношеніи души и тѣла. Пониманіе различія между ними, какъ мы уже сказали, очень важно; въ немъ—ключъ къ уразумѣнію важнаго различія между двумя эпохами образованія, которыя у автора совершенно не поняты; а потому, уже не возможно выразумѣть важнаго различія между понятіями XVIII и XIX вѣка объ исторіи, человѣческомъ словѣ, объ искусствѣ, въ частности о поэзіи и т. д. Нужно только присовокупить, что Лейбницъ далеко не вполнѣ созналъ начала своей монадологіи и не сдѣлалъ изъ нихъ почти никакихъ примѣненій, хотя они въ зародышѣ тамъ уже заключались.

У Лейбница не одни ясныя понятія и представленія составляютъ область духа; жизнь его простирается и за предѣлы сознательности; у Вольфа духъ только тамъ, гдѣ есть ясныя представленія. Отсюда, отъ этого лейбницева взгляда, начало впервые вырабатываться иное, въ сравненіи съ прежнимъ, понятіе о различіи

между концепціею художественною и логическою, о чемъ не имѣли еще понятія ни Вольфъ, ни Баумгартенъ. По смыслу Лейбницевой монадологіи, искусство есть сочетаніе помысла или самаго содержанія внутренней жизни съ неясною въ логическомъ смыслѣ формою; у Вольфа—это такое сочетаніе формъ, которое мы внѣшно привносимъ къ матеріалу, подъ вліяніемъ идеи совершенства и логическаго соображенія.

По смыслу лейбницевой философіи, способности души нужно признать не безсвязными, другъ-подлѣ-друга находящимися свойствами,но степенями ея напряженія или развитія; у Вольфа—это прямо способности, неизвѣстно какъ связанныя съ простотою и несложностію души.

У Лейбница—цѣлесообразность міра внутренно ему присуща и поглощаетъ въ себѣ и механическій его порядокъ; у Вольфа—эта цѣлесообразность получаетъ характеръ чего-то внѣшняго, привносимаго только формами нашего разсудка.

У Лейбница—веществу свойственно не одно протяженіе, и міръ физическій не разобщенъ съ нравственнымъ, но представляетъ въ себѣ послѣдовательныя ступени жизни, наблюдаемыя естественною исторіею; *) у Вольфа физическій міръ, почти также, какъ и у Декарта, нѣчто совершенно отдѣльное отъ нравственнаго и противоположенъ ему.

По духу лейбницевой философіи, формы нравственной жизни и права составляютъ столько же постоя-

*) Лейбницъ даже называетъ ее довольно оригинально естественною исторіею просвѣщенія.

ніе духа, сколько и результатъ естественнаго развитія человѣка или его исторіи; по Вольфу—это правила, приносимыя нашимъ разсудкомъ къ матеріалу, данному борьбою людскихъ страстей и эгоизма.

Такъ можно понимать духъ лейбницевой философіи, высказанный имъ въ монадологіи, въ отличіе отъ философіи картезіанской. Но, какъ мы сказали, хотя эти начала требовали уже существеннаго преобразованія не только психологіи, но и теоріи познанія и методы, однако Лейбницъ оставилъ ихъ въ прежнемъ положеніи, и дѣло методы существенно не подвинулось впередъ въ сравненіи съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ оно было и при Декартѣ. Вся методологія ограничивалась только формальными логическими правилами, основанными на началахъ тождества, противорѣчія и т. д., которыя разсудокъ отъ себя привноситъ къ матеріалу, сообщаемому внѣшнею и внутреннею жизнію; но даже и вопроса не было о методѣ, нужной для уразумѣнія того, что свойственно самимъ явленіямъ. Какъ бы мы ни ограничивали выводъ всѣхъ частныхъ свойствъ философіи Лейбница и Вольфа, существенное различіе между ними въ основномъ для психологіи вопросѣ—непреложно; авторъ же и не сказалъ о нихъ ничего идущаго къ дѣлу, и кромѣ того, высказалъ понятія самыя ошибочныя, да еще съ такимъ страннымъ тономъ самоувѣренности, что читатель не знакомый съ исторіею философіи подумаетъ, что и въ самомъ дѣлѣ таковы были мысли Лейбница.

Что же говоритъ авторъ о Кантѣ и о другихъ,

елѣдовавшихъ за нимъ представителяхъ философіи, имѣвшихъ вліяніе и на психологическія идеи? „У Канта говоритъ авторъ (стр. 117), привиллегированный классъ идей, господствующій въ духѣ человѣка, раньше всякаго ощущенія, получилъ привиллегированную роль въ дѣлахъ опыта и наблюденія, и средневѣковыя претензіи силлогизма, какъ независимой отъ индукціи методы философствованія, были такимъ образомъ спасены.“ Что хотѣлъ почтенный авторъ сказать этимъ наборомъ словъ, мы рѣшительно не знаемъ; въ нихъ замѣтно только какое-то туманное понятіе о духѣ кантовской философіи и психологіи. У Канта нѣтъ именно того, что полагаетъ у него авторъ. И во первыхъ, Кантъ не говоритъ о врожденныхъ и предсуществующихъ ощущенію идеяхъ; мысль у него только та, что опытъ былъ бы невозможенъ, еслибы въ нашемъ духѣ не было апріорныхъ формъ; а формы и категоріи не одно и тоже съ идеями. Далѣе, Кантъ не только не отстаивалъ силлогизаціи, но напротивъ подорвалъ ея значеніе, и притомъ, по поводу тѣхъ самыхъ идей, которыя схоластики отстаивали силлогизмами. То и другое до очевидности ясно изъ тѣхъ мѣстъ его критики чистаго разума (въ діалектикѣ), гдѣ онъ въ примѣрахъ показываетъ несостоятельность силлогизма въ примѣненіи къ этимъ идеямъ; а въ первомъ изданіи тойже критики онъ высказывается противъ силлогистической формы доказыванія метафизическихъ истинъ еще иначе, находя имъ опору не въ силлогизмѣ, а въ непосредственномъ убѣжденіи, что и было причиною проис-

хожденія школы такъ называемаго *непосредственнаго убѣжденія* (Якоби). Тоже самое, только съ другой стороны, видно и изъ кантовой критики практическаго разума; потому что на чемъ онъ утверждаетъ въ этой критикѣ метафизическія идеи, отвергнувши ихъ силлогистическую опору? На непосредственномъ нравственномъ убѣжденіи, свойственномъ человѣческой природѣ, а это почти тоже самое, что у нѣкоторыхъ англійскихъ мыслителей нравственный инстинктъ или практика. Разница только въ томъ между Кантомъ и выставляющими практику, какъ опору высшихъ идей и особенно идею Бога, что у этихъ послѣднихъ какъ практика, такъ и самая идея Бога, получаютъ иногда значеніе только условное, зависящее отъ обстоятельствъ жизни, а у Канта идея Бога опирается въ насъ на сознаніи неизмѣннаго нравственнаго долга. Если Кантъ и употребилъ гдѣ-нибудь силлогистическую форму для какихъ-нибудь своихъ выводовъ, то это ни сколько не мѣшаетъ правильному пониманію духа критической философіи. Быть можетъ, Кантъ не поставилъ никакой другой психологической методы, вмѣсто прежней силлогистической; но чтобы онъ отстаивалъ силлогистическое доказываніе метафизическихъ идей—это болѣе нежели сомнительно. Наконецъ, крайне странно, что авторъ приписываетъ Канту занятіе какими-то сущностями и увѣряетъ, что онъ *пустилъ ихъ въ ходъ* (стр. 121, 122). Знающій критическую философію Канта ни въ какомъ случаѣ не позволилъ бы себѣ представлять ее въ такомъ видѣ. Кантъ прямо говоритъ, что

сущности вещей мы не знаемъ, а можемъ знать только явленія, къ которымъ приспособлены въ насъ и познавательныя формы. Чтобы какъ-нибудь поддержать свой неточный и поверхностный взглядъ на критическую философію, авторъ увѣряетъ, что вышеупомянутыя формы (познавательныхъ способностей) и категоріи *) означаютъ у Канта не иное что, какъ сущности или полусущности; это будто бы сущности не вещей, но явленій, нѣчто среднее между первою сущностію или сущностію въ собственномъ смыслѣ и явленіями. Но если мы такъ станемъ толковать основныя положенія критической философіи, не давая себѣ предварительно строгаго отчета, что̀ должно понимать подъ сущностію и явленіями, то отъ насъ всегда будетъ закрытъ прямой смыслъ ихъ, и невозможно будетъ правильное рѣшеніе вопроса ни о вліяніи критической философіи на психологію, ни объ отношеніи англійской философіи, и въ частности психологіи, къ философіи и психологіи германской. Правильно, или неправильно, Кантъ хотѣлъ своими формами и категоріями выразить только ту мысль, что все наше познаніе, хотя бы оно ограничивалось только явленіями и не касалось самаго существа вещей, не можетъ состоять только изъ перцепцій ощущенія и ихъ преемственнаго хода, но

*) Примѣч. Подъ формами Кантъ разумѣетъ собственно формы пространства и времени, которыя онъ называетъ чувственными, а подъ категоріями тѣ формы или какъ-бы углы зрѣнія, которыя свойственны разсудку. Сюда относятся— категоріи качества, количества, субстанціи и видоизмѣненій и т. д.

требуетъ еще этихъ формъ или какъ-бы угловъ зрѣнія (т. е., категорій качества, количества, субстанціи и видоизмѣненія и т. д.), свойственныхъ тому внутреннему въ насъ началу (у Милля реципіенту), которое воспринимаетъ перцепціи ощущенія. Какъ независимыя отъ ощущенія и не сообщаемыя имъ, онъ называетъ ихъ *апріорными*,—именемъ не тождественнымъ съ понятіемъ врожденности. Тутъ нѣтъ ничего похожаго ни на сущности, ни на полусущности, а просто Кантъ хотѣлъ только сказать, въ опровержевіе Юма, что даже и это доступное намъ познаніе явленій нельзя признать дѣломъ одного навыка (custom or habit), какъ думалъ Юмъ, но имѣетъ характеръ законосообразной необходимости, и при томъ, необходимости не такой, какую мы находимъ въ ассоціаціи представленій, или въ сцѣпленіи частицъ вещества, но кроющейся въ самомъ предрасположеніи къ этимъ формамъ субъекта рефлектирующаго, воззрѣвающаго на перцепціи ощущенія. Даже когда напримѣръ, Локкъ утверждаетъ, что не одно ощущеніе, но и рефлексія составляетъ источникъ идей, то хотя онъ во все не показалъ, какія именно стихіи вноситъ рефлексія во всѣ роды перечисленныхъ имъ идей; но съ признаніемъ рефлексіи, какъ источника ихъ, отдѣльнаго отъ ощущенія, уже неизбѣжно слѣдствіе, что рефлексія сообщаетъ нѣчто отъ себя матеріалу, данному ощущеніемъ. Что-же это такое? Это структура или координированіе матеріала, даннаго ощущеніемъ, превышающее одну ассоціацію представленій по соприкосновенію ихъ въ пространствѣ

и времени. Назовите эту структуру формами, или какъ угодно, или даже не признавайте ее; но дѣло въ томъ, что если эти идеи (наприм. дѣйствія, причины и субстанціи, и видоизмѣненія, цѣли и средства, подъ которыя мы подводимъ нѣчто съ выборомъ изъ даннаго ощущеніемъ матеріала) образуются въ насъ, то нужное для образованія ихъ сцѣпленіе психическихъ явленій далеко не сходно съ простымъ преемствомъ ихъ во времени. Если Кантъ не удачно назвалъ это предрасположеніе формами, то отъ этого самое дѣло нисколько не измѣняется: говоря о формахъ и категоріяхъ, Кантъ нисколько не разумѣлъ подъ ними сущностей, и будемъ ли мы признавать это предрасположеніе наше въ формахъ и категоріяхъ, или нѣтъ, значеніе индуктивной методы отъ того нисколько не пострадаетъ. Не входимъ здѣсь въ разборъ вопроса нѣсколько сторонняго, точно ли можно возставать противъ тѣхъ кто не признаетъ возможности—объяснить происхожденіе познанія на основаніи одниxъ перцепцій ощущенія, хотя и въ этомъ вопросѣ самыя точныя изслѣдованія физіологическія не могутъ найти основанія ни въ зрительныхъ нервахъ, ни въ движеніи мускуловъ даже происхожденію идеи пространства и времени или тому, что душа относитъ ощущенія въ зрительныхъ нервахъ къ внѣшнему міру, тогда какъ звуковыя ощущенія никогда не перелагаетъ изъ ихъ интенсивнаго сложенія въ экстенсивное или пространственное сопоставленіе (см. Loze, Medicinische Psychol. s. 377). Что Кантъ былъ далекъ отъ средневѣкой силлогизаціи т. е. отъ постройки

метафизики (въ томъ смыслѣ, какъ она существовала въ его время и до него) и отъ благоговѣнія къ силлогизаціи какъ ея опорѣ, это видно, если угодно, даже и изъ его критики способности сужденія. Въ ней какъ бы подтверждается на дѣлѣ тоже самое, что было высказано имъ отрицательно въ критикѣ чистаго разума, то есть, что сверх-чувственныя идеи не могутъ быть предметомъ научнаго знанія, что по этому онѣ не могутъ имѣть въ ней составительнаго значенія, но могутъ удержать значеніе только направительное—для жизни. Если и у Канта есть нѣчто въ родѣ метафизики природы и метафизики нравовъ, то знающему критическую философію очень хорошо извѣстно, что сходство его метафизики съ прежнею только въ названіи, но отнюдь не въ содержаніи. *) И

*) Въ метафизикѣ прежнихъ временъ обыкновенно только логически доказывалось, что въ природѣ или мірѣ, кромѣ причинной связи вещей, долженъ быть еще и цѣлесообразный ихъ порядокъ, направленный къ осуществленію нравственныхъ цѣлей жизни; далѣе, что есть бытіе человѣческой души, какъ разумнаго и безсмертнаго существа, наконецъ, что есть Божество, которому свойственно не только творить природу, но и направлять все теченіе явленій къ премудрой цѣли, къ идеѣ блага, которою проникнута и душа человѣческая. То есть, въ ней только логическими доводами доказывалось, что кромѣ вещества и механическихъ законовъ бытія должны быть еще разумное начало жизни и разумный порядокъ жизни; но дѣйствительной связи этихъ двухъ сторонъ, дѣйствительнаго присутствія высшаго начала и порядка въ наблюдаемой нами жизни эта метафизика не могла представить. Кантъ въ своей діалектикѣ чистаго разума и указываетъ на эту немощь бывшей метафизики и сильно подрываетъ ея значеніе. Но что значитъ у Канта метафизика, если онъ подорвалъ значеніе прежней метафизики? Нѣчто совсѣмъ другое. У Канта двѣ метафизики: *метафизическія начала*

это-то сходство названія можетъ вводить иногда въ ошибочныя заключенія о критической философіи Канта. Послѣ того, можно уже судить, имѣютъ ли какое-нибудь значеніе слѣдующія слова (стр. 117) автора: „А этого уже было достаточно, чтобы, съ помощію такого рычага, снова перевернуть вверхъ дномъ всю область знанія и

естество-знанія и *метафизика нравовъ*; но между ними нѣтъ внутренней связи и обѣ онѣ не имѣютъ ничего общаго съ прежнею метафизикою. Первая метафизика у него означаетъ только теорію или опытъ построенія природы на основаніи двухъ силъ—притяженія и отторженіе, а вторая ограничивается только тѣмъ, что считаетъ нужнымъ въ свободѣ нашей воли, могущей прерывать причинное теченіе явленій, признать нѣчто не физическое, но метафизическое. Ясно, что обѣ эти метафизики слишкомъ далеки отъ прежней метафизики. Задача метафизики состоитъ собственно въ томъ, чтобы доказать и какъ-бы показать, что высшее міротворящее, разумно-свободное начало вездѣ всѣми своими корнями и нитями какъ-бы переплетается съ міромъ явленій, носитъ и держитъ его. По этой-то связи между философіею природы и метафизическимъ смысломъ свободы воли у Канта во-все нѣтъ. На эту-то связь налегаетъ нескоро потомъ новѣйшая метафизика (Ульрици, Фихте млад., Вашро, Жане), чѣмъ и отличается она отъ прежней метафизики, какъ кантовской, такъ и вольфіанской. Можно прибавить, что эта-же связь составляетъ основную задачу германскаго абсолютнаго идеализма, только въ другомъ видѣ, въ сравненіи съ позднѣйшимъ идеальнымъ реализмомъ, а именно, метафизика абсолютнаго германскаго идеализма даже перестала называться метафизикою; потому что хотя она признаетъ творящимъ начало невещественное, идеальное; но это начало не раздѣльно, какъ-бы слито съ міромъ и не имѣетъ свойствъ личнаго, сознательнаго и нравственнаго могущества (Immanenz), тогда какъ позднѣйшій идеализмъ или идеальный реализмъ, удерживая имманентное пребываніе идеальнаго начала въ мірѣ, въ тоже время признаетъ въ немъ и сторону трансцендентную (Transcendenz).

вычурностію мечтательныхъ полетовъ въ область сущностей превзойти самую схоластику?“ У Канта авторъ нашелъ „мечтательные полеты въ области сущностей и даже нѣчто болѣе самой схоластики.“ Удивительная способность видѣть то, чего нѣтъ, и не видѣть—что̀ есть. И такихъ общихъ выраженій почти о каждомъ философскомъ и психологическомъ ученіи встрѣчается въ разсматриваемомъ нами сочиненіи весьма много, какъ будто вся забота писавшаго направлена не къ тому, чтобы какъ можно точнѣе выразумѣть и первый непосредственный смыслъ системы, и потомъ дальнѣйшій результатъ ея въ примѣненіи къ психологіи, но какъ бы поэффектнѣе разыграть роль побѣдителя какихъ-то сущностей, силлогизаціи и тому подоб.

Такимъ же повтореніемъ однихъ и тѣхъ же общихъ мѣстъ наполнены у автора тѣ страницы, въ которыхъ онъ изображаетъ, по видимому, направленіе и методы германскаго идеализма въ системахъ Фихте, Шеллинга и Гегеля (117, 122...). Что умозрѣнія ихъ подвержены большимъ недостаткамъ, это въ настоящее время извѣстно каждому, сколько-нибудь знакомому съ исторіею философіи; но изъ того еще не слѣдуетъ, что во всемъ, что бы мы ни говорили объ этихъ системахъ и ихъ недостаткахъ, будетъ выражено дѣло. Автору слѣдовало бы въ не-многихъ словахъ такъ передать самыя существенныя стороны этихъ системъ, что бы изъ его изображенія видна была и отличительная черта каждой изъ нихъ, и потомъ, то особенное направленіе, которое каждая изъ

нихъ представляла для психологіи и преимущественно для психологической методы. Но авторъ опять довольствуется такимъ поверхностнымъ фельетоннымъ изображеніемъ этихъ системъ, что совсѣмъ теряетъ изъ виду главную задачу и даже не упоминаетъ, что̀ именно возникло изъ нихъ особеннаго для психологической методы: все ограничивается одними и тѣми же выраженіями—силлогизація, буддизмъ, мистика, мистическая горячка и т. д., и т. д. Трудно даже рѣшить, для чего авторъ предпринялъ въ этомъ отдѣлѣ говорить о психологической методѣ во Франціи и Германіи (отъ Декарта до XIX в. включительно), когда въ немъ разбора этой методы вовсе нѣтъ, а говорится только слегка что-то о Лейбницѣ, Кантѣ, Фихтѣ, Шеллингѣ, Гегелѣ и т. д., и когда объ отношеніи ихъ философіи къ психологіи, со стороны содержанія и направленія, будетъ рѣчь ниже—во второй части сочиненія. Не входя еще въ разборъ, какъ понимаетъ почтенный авторъ вліяніе этихъ системъ на психологію, остановимся на время, на той страницѣ, гдѣ объясняется, какъ вышло Фихтово умозрѣніе изъ критической философіи Канта (122). По увѣренію автора, умозрѣніе Фихте и его школы произошло отъ того, что „въ кантовой сущности явленій отыскали почти все, чего только могло пожелать ихъ сердце; и кантову сущность вещей, или вещи сами по себѣ, *отчасти* отбросили, какъ лишній балластъ, мѣшающій свободнымъ полетамъ въ безвоздушныхъ пространствахъ.“ Спрашивается теперь: объясняется ли, хотя сколько нибудь, этими на удачу взятыми

словами генесисъ Фихтова идеализма и тотъ внутренній его типъ, который вышелъ изъ критической философіи Канта? Не ужели въ серьёзномъ сочиненіи можно объяснять происхожденіе этого идеализма тѣмъ, что Фихте понравилась Кантова сущность явленій? И опять, что̀ значитъ—кантову сущность вещей *отчасти* отбросили? Какую же часть они отбросили и какую удержали? Какой вышелъ оттого отличительный характеръ идеализма Фихте и какія послѣдствія для психологіи? На эти необходимѣйшіе вопросы у автора нѣтъ ровно никакого отвѣта. И вотъ образчикъ того способа, какъ почтенный авторъ обыкновенно относится и къ другимъ философскимъ системамъ. Гораздо лучше было бы забыть хотя на время тонъ фельетонной пародіи и сказать просто, что Фихте хотѣлъ уничтожить остатки кантовскаго дуализма между нашимъ знаніемъ явленій съ одной стороны и сокрытою сущностію вещей или вещію въ себѣ-съ другой, и показать, что сокрытой сущности и вещи въ себѣ, или какъ говоритъ Фихте, не Я и нѣтъ, что вещь или не Я есть плодъ творчества самаго же чистаго Я, а потому, изъ самой натуры и развитія самосознанія, свойственнаго нашему Я, возникаютъ съ одной стороны, тѣ формы и категоріи, которыя у Канта имѣли еще какое-то непонятное происхожденіе и оставались чѣмъ-то потустороннимъ, а съ другой-содержаніе ихъ, данное опытомъ: тогда читатель могъ бы понять и органическую связь Фихте съ Кантомъ и цѣль идеализма не только у Фихте, но и у дальнѣйшихъ представителей его; а эта цѣль заключалась

въ томъ, чтобы доказать, что никакой сущности, какъ чего-то по-ту-сторонняго и нѣтъ, что въ познавательной дѣятельности намъ предстаетъ вся дѣйствительность. Оставалось бы только рѣшить, правильна ли была эта цѣль и правиленъ ли былъ способъ, избранный Фихте и потомъ удержанный другими германскими идеалистами, для достиженія цѣли. Надобно еще присовокупить, что авторъ ни единымъ словомъ не доказалъ, что ему извѣстно отношеніе Фихтовой *Wissenschaftslehre* къ психологіи. А оно очень важно по совершенно-новому, великолѣпному взгляду на смыслъ такъ называемыхъ способностей души. На какіе бы недостатки ни указывали въ этомъ взглядѣ; но отрицать нельзя, что онъ въ свое время былъ новъ и всегда сохранитъ свою жизненность. Можно его видоизмѣнить, можно его развить другимъ методомъ, но отвергнуть его съ корнемъ невозможно, если въ комъ есть хотя капля дыханія и чутья жизни (см. далѣе стран. 65). Но довольно.

III.

Перейдемъ теперь къ общему взгляду на характеръ германской философіи и психологіи, въ сравненіи съ прежними направленіями той и другой въ XVII и XVIII вѣкѣ и къ общей оцѣнкѣ главныхъ психологическихъ направленій въ Германіи въ XIX вѣкѣ. Объ общемъ характерѣ германской философіи и психологіи XIX вѣка почтенный авторъ высказываетъ свои мысли въ тѣхъ мѣстахъ своего сочиненія, гдѣ дѣло идетъ о психологиче-

ской методѣ (стр. 102—129), о психологическомъ анализѣ 286—300) и о главныхъ направленіяхъ психологіи въ Германіи (207—657); но мы разсматриваемъ общую характеристику германской философіи и психологіи XIX вѣка отдѣльно отъ психологическихъ направленій того же времени, чтобы сообщить ей больше ясности и опредѣленности. Приступая къ обозрѣнію главныхъ направленій германской психологіи XIX вѣка, авторъ предпосылаетъ ему небольшую главу о психологическомъ анализѣ въ Германіи (глава X). Мы коснемся ея въ немногихъ словахъ только послѣ общаго очерка германской философіи и психологіи, такъ-какъ тамъ она будетъ понятнѣе.

Общій взглядъ на германскую философію XIX вѣка и на отличіе ея отъ прежнихъ направленій философіи въ XVII и XVIII вѣкѣ требуетъ особеннаго вниманія; потому что неправильность его можетъ потомъ мѣшать вѣрному пониманію особенностей германской психологіи отличающихъ ее отъ англійской индуктивной. По нашему мнѣнію, понятія автора, касающіяся общаго характера германской философіи, таковы, что не только не даютъ возможности отличить ее отъ прежнихъ направленій философіи и психологіи, но и спутываютъ понятія о современномъ имъ духѣ образованія. Всѣ направленія философіи и психологіи новаго времени сперва у Декарта, Лейбница и Вольфа, потомъ у Канта, Шеллинга, Гегеля и т. д. отличаются у автора такими же свойствами, какъ и средневѣковая философія,—силлоги-

зацією, схоластикою, мистикою, метафизикою, буддизмомъ и тому подобными чертами, въ которыхъ ничего нѣтъ, кромѣ словъ. Остановившемуся на такомъ хаотическомъ представленіи несходныхъ по направленію періодовъ философіи, нѣтъ уже никакой возможности ни уяснить себѣ правильно отношеніе германской философіи XIX вѣка къ философіи англійской и къ прежней философіи на материкѣ Европы, ни представить типическія особенности германской психологіи XIX вѣка, которыми она отличается отъ прежнихъ направленій психологіи XIX вѣка, не только въ Англіи, но и въ остальной Европѣ. А между тѣмъ, взявшемуся писать о германской психологіи XIX вѣка должно же знать, что германская философія XIX вѣка также отстала отъ средневѣковой философіи и схоластики и даже отъ философіи XVII и XVIII вѣка, какъ и индуктивная философія англичанъ. Потому-то и слѣдовало, какъ можно точнѣе показать, въ чемъ именно состояла главная задача, а равно и отличительный пріемъ германской философіи XIX вѣка, и почему, не смотря на то, что она, подобно англійской философіи, а можетъ быть даже и болѣе, выдѣлилась и очень далеко отошла отъ схоластики, тѣмъ не менѣе значительно отличается и отъ первой. Но авторъ не выяснилъ себѣ этого вопроса и довольствуется самыми общими, неопредѣленными выраженіями, не давая себѣ отчета, что подъ антагонизмомъ этихъ двухъ направленій скрывается довольно серьезный смыслъ.

Такъ-же смутно и ошибочно представляетъ себѣ ав-

торъ и отношеніе германской философіи XIX вѣка къ лейбницевольфіанской и декартовской, хотя между ними также есть существенное различіе. И пока не выяснено, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, типическое различіе германской философіи XIX вѣка, съ одной стороны отъ англійской, съ другой - отъ средневѣковой схоластики и отъ философіи XVII и XVIII вѣка, до тѣхъ поръ постоянно будетъ повторяться хаотическая неопредѣленность понятій (стр. 118—128, 270—273), отъ которой авторъ не можетъ избавиться, когда у него заходитъ рѣчь о характеристикѣ германской философіи XIX вѣка и объ отношеніи ея къ картезіанству и вольфіанству. Авторъ, напримѣръ думаетъ, что декартовскій и вольфіанскій дуализмъ перешелъ и въ германскую философію XIX вѣка, что въ ней такъ же существуетъ раздѣленіе науки, напримѣръ психологіи, на раціональную и эмпирическую (стр. 120), и что она, подобно *картезіанству*, занимается *мучительными вопросами объ отношеніи такихъ противоположныхъ субстанцій, какъ духъ и тѣло..!* (272). Нѣтъ ничего хуже, какъ темное и сбивчивое понятіе. Прежде всего слѣдовало бы выяснить, что̀ должно разумѣть подъ именемъ дуализма, и тогда уже рѣшать, можно-ли на основаніи этого понятія сближать два крайне не сходные періода философіи. Какой бы методѣ наука ни слѣдовала, научная разработка исторіи, или ботаники всегда будетъ отличаться отъ описаній какого-нибудь туриста, или составителя мемуаровъ Но. это различіе между однимъ и другимъ пріемомъ работы надъ однимъ и тѣмъ

же матеріаломъ еще нельзя назвать дуализмомъ. Когда у Декарта или у Вольфа выходили двѣ науки, двѣ психологіи, то основаніе этому двойству у нихъ было дѣйствительно дуалистическое въ полномъ смыслѣ: признавши душу и тѣло за двѣ противоположныя субстанціи, нельзя было избѣгнуть и того слѣдствія, что отъ изслѣдованій духа и его явленій нѣтъ перехода къ явленіямъ тѣлесной природы, и на оборотъ, что отъ изученія физической природы нѣтъ никакого перехода къ объясненію жизни душевной. Точно также космологія у нихъ распалась съ физикою, цѣлесообразный порядокъ природы съ механическимъ. Противъ этого то дуализма уже и направлена была хотя бы и косвенно монадологія Лейбница. Но его-то именно и нѣтъ въ германской философіи XIX вѣка и въ этомъ отношеніи она несравненно ближе къ Лейбницу, нежели къ Вольфу. Возьмемъ для примѣра любую германскую философію природы XIX вѣка, наприм., хотя бы Гегеля; найдемъ ли мы въ ней космологію отдѣльно отъ физики, какъ это часто можемъ встрѣтить у послѣдователей вольфіянской школы? Нѣтъ; германская философія XIX вѣка именно къ тому и была направлена, чтобы уничтожить вольфіанскій дуализмъ и найти въ самомъ порядкѣ природы, въ постепенности ея царствъ возможность подойти къ послѣдней и высшей степени жизни, выражающейся съ высшемъ созданіи природы—въ человѣкѣ, съ его душевною и нравственною жизнію; тогда какъ у Вольфа и въ періодъ вольфіанства мы найдемъ или космологію, съ ея общи-

ми понятіями о мірѣ, или рядомъ—космологію и физику, но не найдемъ философіи природы. Самъ же авторъ долженъ бы кажется догадаться, что въ германской философіи господствуетъ не дуализмъ, а что-то другое, когда говоритъ, что германскіе психологи XIX вѣка заняты теоріею превращенія силъ (стр. 272), т. е., силъ физическихъ въ психическія. Развернемъ еще любую психологію германскаго идеализма XIX вѣка, напримѣръ, гегелевскаго,—Мишле, или Розенкранца. Сравнивши ее даже на-скоро съ какою-нибудь вольфіанскою психологіею, нельзя не замѣтить, что тамъ нѣтъ этого раздѣленія между трактатами о душѣ, какъ субстанціи простой, недѣлимой и такъ далѣе, и объ эмпирическихъ ея проявленіяхъ; напротивъ, вся жизнь души разсматривается въ одной непрерывной ея нити, начиная отъ самыхъ существенныхъ ея свойствъ въ темпераментахъ, расахъ, полахъ и т. д., до самыхъ высшихъ въ мышленіи и волѣ. Вездѣ эта философія усиливается доказать, что въ механическомъ и безсознательномъ порядкѣ жизни совершается тоже самое, только въ другой, низшей формѣ, что явится потомъ въ концѣ, какъ сознанное и свободно разумное. Правильно-ли выполнена эта задача-это другой вопросъ; дѣло у насъ въ томъ, что перемѣшивая вольфіанство съ германскимъ идеализмомъ XIX вѣка, мы только производимъ путаницу понятій и не даемъ никакой возможности выразумѣть не только духъ философіи, но, какъ мы сказали, и духъ германской культуры въ XVIII и XIX вѣкѣ; потому что новое направленіе прав-

ственныхъ наукъ въ XIX вѣкѣ, которое, не подлежитъ ни какому сомнѣнію, находится въ самой тѣсной связи съ новымъ направленіемъ философіи XIX вѣка. Стоитъ только для примѣра сравнить XIX вѣкъ въ понятіяхъ объ изящномъ, объ искусствѣ, объ исторіи и мы найдемъ между ними огромную разницу, которая произошла наиболѣе: именно отъ германскаго идеализма XIX вѣка, подорвавшаго декартовскій, вольфіанскій и даже кантовскій дуализмъ. Такъ, напримѣръ, пока господствовалъ декартовскій и вольфіанскій дуализмъ, изящное представляли себѣ состоящимъ изъ логически-выработаннаго понятія, къ которому пріискивается потомъ чувственная, образная и звуковая форма. На долю изящнаго оставалось только быть чувственнымъ совершенствомъ. Иное понятіе выработалось объ изящномъ и объ искусствѣ, когда тѣлесность стали понимать не какъ субстанцію параллельную и противоположную душевной субстанціи, но какъ непосредственное, доступное чувствамъ выраженіе полноты душевной силы, которое совершается даже инстинктно, безъ отчетливой, логической преднамѣренности. Подобное же вліяніе философіи XIX вѣка было и на понятіе объ исторіи. Въ исторіи человѣчества и народа отражается исторія психофизической природы человѣка. Но пока господствовало понятіе о душѣ и о тѣлѣ, какъ о двухъ противоположныхъ субстанціяхъ,—мыслящей и протяженной и за тѣмъ, о душѣ, какъ субстанціи простой, а о способностяхъ, какъ, принадлежностяхъ простой душевной субстанціи, неизвѣстно

какъ соединенныхъ съ этою субстанціею, до тѣхъ поръ не могло образоваться руководительное начало и для понятія объ исторіи. Иныя слѣдствія вышли когда подъ способностями души стали разумѣть послѣдовательный порядокъ проявленій душевной жизни, въ которыхъ обнаруживается постепенное развитіе душевной сознательной мощи и въ теоретическомъ, и практическомъ отношеніи ея къ даннымъ ей природою матеріямъ и силамъ. Тутъ сама же душевная жизнь предстала, какъ исторія въ миньятюрѣ, Даже *превращеніе силъ,* которое въ XIX вѣкѣ изъ физики стали иногда переносить въ область психологіи, гораздо больше имѣетъ соприкосновенія съ новымъ понятіемъ исторіи, нежели декартовскій и вольфіанскій дуализмъ, представлявшій психофизическое существо человѣка, состоящимъ изъ двухъ параллельныхъ и другъ безъ друга какъ бы готовыхъ и однообразно пребывающихъ субстанцій. Можно бы указать и другіе выводы изъ философіи и психологіи XIX вѣка, далеко несходные съ прежними философскими и психологическими началами; но считаемъ достаточными и эти два примѣра.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при недостаткѣ опредѣленнаго понятія о содержаніи и методѣ германской философіи въ отличіе отъ англійской, авторъ не можетъ выяснить себѣ ни общей рельефной особенности германской психологіи XIX вѣка отъ англійской, ни внутренней связи между общимъ характеромъ психологіи и частными ея направленіями въ Германіи. Авторъ, какъ мы

уже сказали, не знаетъ другой характеристики для германской философіи XIX вѣка, кромѣ названій схоластики, мистики; по его мнѣнію, отличительная черта ея та, что она занимается *сущностями, врожденными идеями,* и тому подобными *фантазіями подъ вліяніемъ богини музы.* Но это только безполезныя общія мѣста, ровно ничего не опредѣляющія. Недостатокъ ея не въ схоластикѣ; потому что она не руководствуется преданіемъ, не беретъ содержанія отвнѣ, не вводитъ его внѣшнимъ образомъ въ формы силлогизма; ея содержаніе есть результатъ самостоятельный дѣятельности и углубленія мысли; ея форма и методъ вовсе не въ силлогизаціи. Различаясь вмѣстѣ съ англійскою философію отъ схоластической, германская философія страдаетъ, въ отличіе отъ англійской широкостію своихъ стремленій. А потому, нужно только выразумѣть, въ чемъ именно состоитъ эта широкость ея стремленій, и тогда понятно будетъ, что она занимается не сущностями, не врожденными идеями, и что въ этомъ находить ея отличительный храктеръ, значитъ ничего не объяснять. Ограничиваясь немногими словами, можно сказать, что германская философія и психологія XIX вѣка существенно отличается какъ отъ схоластики, не только средневѣковой, но и позднѣйшей, такъ и отъ направленія англійскихъ мыслителей и психологовъ. Схоластика, вызвавшая бэконовскую реакцію, дѣйствительно занималась сущностями, т. е., опредѣляла причину міра только предикатами, выражающими отрѣшенность ея отъ міра явленій, и самое отношеніе ея къ міру и человѣку

разсматривала только въ формѣ промышленія о мірѣ; но вовсе не задавалась вопросомъ о систематическомъ, научномъ указаніи ея выраженія въ мірѣ явленій, или о такой космологіи, которая была бы въ мѣстѣ и теодицеею. Подобный характеръ имѣла и схоластическая психологія, описывая только отвлеченныя свойства души-простоту, недѣлимость, невещественность, а равно и ея способности, соединяя ихъ только внѣшно, какъ другъ подлѣ друга находящіяся. Иначе ставитъ свое содержаніе англійская философія; она занимается изслѣдованіемъ законовъ міра вещественнаго и нравственнаго, насколько можно опредѣлить ихъ на основаніи явленій. Тоже самое дѣлаетъ и англійская психологія; она изслѣдываетъ только явленія психической жизни и, такъ сказать, только механическое сцѣпленіе и возрастаніе, усложненіе душевныхъ отправленій, начиная отъ ощущенія; но не задается вопросами ни объ отвлеченныхъ свойствахъ души, ни о внутренней связи порядка физическаго и нравственнаго какъ въ наблюдаемомъ нами мірѣ, такъ и въ человѣческомъ существѣ. Германская же философія XIX вѣка расходится и со схоластикою, и съ англійской философіею. Трудно въ не многихъ строкахъ и сжато опредѣлить, чѣмъ именно германская философія XIX вѣка существенно отличается отъ схоластики (а равно, отъ картезіанства и вольфіанства) и отъ англійской философіи. Но чтобы понятно было это различіе въ подробностяхъ, мы укажемъ покрайней мѣрѣ на общее руководительное начало, которое нужно имѣть въ виду. Въ

схоластикѣ, какъ и въ картезіанствѣ, а потомъ, и въ вольфіанствѣ, духъ и природу, субстанцію мыслящую и протяженную, какъ мы отчасти выше сказали, только отличаютъ одну отъ другой и одну другой противополагаютъ; отъ того, въ самой системѣ философіи отдѣлялась психологія раціональная отъ эмпирической, и рядомъ съ общими понятіями о бытіи (онтологія) и о мірѣ (космологія) ставилась (у вольфіанцевъ) въ краткомъ видѣ физика. У Канта метафизика также была раздвоена; она слагалась изъ теоріи природы физической и метафизики нравовъ, неимѣвшихъ между собою ничего общаго; потому что нравственная природа не обнаруживала никакихъ корней своихъ въ природѣ физичесской. Германская философія XIX вѣка сразу начинаетъ съ того, что перестаетъ заниматься различеніемъ и противоположеніемъ мыслящей субстанціи и протяженной, но, отличая одно отъ другаго, разсматриваетъ ихъ только во взаимной связи—мыслящую субстанцію, какъ идею или духъ, а протяженную, какъ вещественную или физическую природу. Самая связь между ними состоитъ въ томъ, что идея или духъ, постепенно все больше и больше, оказываетъ свою мощь надъ инертнымъ веществомъ, начиная съ механики и механическаго движенія до животнаго царства, а потомъ продолжаетъ развитіе собственнаго самосознанія до высшей степени его—въ искусствѣ, философіи и религіи. Тутъ уже не стало прежней метафизики съ потустороннимъ бытіемъ, не стало раздѣленія между физикою и онтологіею, между раціональ-

кою и эмпирическою психологіею; не стало и прежняго (кантовскаго) расторженія между идеею нравственнаго долга и физическими влеченіями; потому что весь космосъ представляетъ въ себѣ послѣдовательное усиленіе или возвышеніе силы идеальнаго начала посредствомъ орудія вещественнаго и въ самыхъ процессахъ природы. Таково было по крайней мѣрѣ общее новое направленіе абсолютнаго идеализма XIX вѣка; но потомъ, въ преобладающемъ направленіи германской философіи, удержалось это связное разсмотрѣніе міра идеальнаго и реальнаго, и устраненъ только пантеистическій характеръ абсолютнаго идеализма. Примѣромъ такой перемѣны можетъ быть популярная метафизика Ульрици подъ заглавіемъ *Богъ и природа*. Словомъ, тутъ рѣзко выступаетъ существенное несходство философіи съ прежнею схоластикою, какъ средневѣковою, такъ и картезіанскою, и вольфіанскою. Но выдѣляясь рѣзко отъ прежней схоластической философіи, она отличалась и отъ англійской въ томъ отношеніи, что въ этой послѣдней, во первыхъ, нѣтъ такого пантеистическаго направленія, во вторыхъ, что въ ней нѣтъ такого самоувѣреннаго абсолютнаго идеализма, наконецъ въ третьихъ, что въ ней всегда беретъ перевѣсъ вниманіе къ физической природѣ и къ физическимъ законамъ жизни. Такъ можно понимать самое общее типическое отличіе германской философіи отъ схоластики, въ разныхъ ея формахъ, и отъ англійской философіи. Вообще говоря, германская философія новѣйшая нисколько не отвергаетъ важности наблюденія и индукціи; даже у нѣкоторыхъ

германскихъ мыслителей и психологовъ эти пріемы играютъ довольно важную роль; но не имѣютъ исключительнаго и господствующаго значенія. По крайней мѣрѣ, германскій идеализмъ XIX вѣка, противодѣйствуя схоластикѣ и Канту, усиливался создать такое міросозерцаніе и такое понятіе о человѣческомъ существѣ, изъ которыхъ видно было бы, какъ можно мыслить взаимную связь и взаимное отношеніе между тѣми двумя рядами явленій, которые мы называемъ вещественными и духовными. То болѣе, то менѣе удачными способами онъ усиливался показать, что механическій ходъ явленій втекаетъ въ порядокъ высшій или цѣлесообразный, и что наоборотъ, высшимъ или цѣлесообразнымъ порядкомъ поглощается порядокъ низшій и механическій. Такимъ образомъ, по смыслу его, существуетъ одинъ гармоническій міръ, а не два, изъ коихъ одинъ, какъ сущность, былъ бы по одну сторону, а другой, какъ явленіе—по другую. Понятно, что этотъ идеализмъ, еще разъ повторяемъ, вовсе не похожъ ни на схоластику, ни на картезіанизмъ, ни на вольфіанство, и въ окончательномъ результатѣ велъ собственно къ тому же монизму, какъ и самый чистый реализмъ.

Соотвѣтственно этому общему характеру германской философіи XIX вѣка, имѣетъ свой отпечатокъ и германская психологія этого времени, не сходный не только съ англійскою и еще болѣе со схоластическою, но даже какъ мы отчасти уже сказали, съ психологіею, господствовавшею въ Германіи въ XVIII вѣкѣ. Психологія гер-

манскаго идеализма XIX в. не занимается сущностями или описаніемъ отвлеченныхъ предикатовъ души и способностей, существующихъ въ ней другъ подлѣ друга; не ограничивается и скромною задачею описанія явленій душевной жизни въ ихъ такъ-сказать механическомъ сцѣпленіи или преемствѣ и опредѣленіемъ ихъ законовъ помощію индукціи. Въ ней постоянно замѣтно усиліе найти въ составѣ и строеніи тѣлеснаго организма аналогію и приготовленіе строя силъ душевныхъ, и въ самыхъ психическихъ отправленіяхъ—такой порядокъ,начиная отъ сочетанія и преемства механическаго, который служилъ бы основою и оправданіемъ ихъ цѣлесообразнаго порядка, и на-оборотъ, найти въ нихъ такой порядокъ цѣлесообразный, чтобы высшія отправленія служили заправляющимъ началомъ и вершиною всего порядка низшихъ отправленій. Не всегда и не во всѣхъ психологическихъ трудахъ германскаго идеализма въ одинаковой степени проглядываетъ этотъ отличительный характеръ германской мысли XIX вѣка; не одинаковый пріемъ господствуетъ во всѣхъ трудахъ германскихъ психологовъ для выполненія этой широкой задачи;—одни изъ нихъ пользовались больше умозрительною конструкціею, другіе—поэтическимъ гаданіемъ, третьи діалектическою методою, иные —даже смѣшенными пріемами, не имѣющими одного исключительнаго характера; но дѣло въ томъ, что совпаденіе механическаго и телеологическаго порядка въ развитіи психическихъ отправленій составляетъ почти общій характеръ психологіи, долго преобладавшей въ Гер-

маніи въ XIX вѣкѣ. Только въ недавнее время германская психологія начала отчасти удаляться отъ прежняго направленія, обращая преимущественное вниманіе не на опредѣленіе послѣдовательнаго развитія и значенія психическихъ дѣятельностей помощію общей идеи духа, но на механическія, физическія и физіологическія основанія или условія психической дѣятельности. Тамъ изъ идеи духа выводили необходимость такихъ, а не другихъ качественно различныхъ психическихъ состояній и дѣятельностей; а здѣсь, изъ количественныхъ соотношеній между впечатлѣніями и ихъ реципіентомъ, усиливаются вывести и качественное различіе дѣятельностей души. Но можно сказать, что даже и это реалистическое направленіе психологіи въ Германіи остается вѣрнымъ общему духу германской философіи; потому что и послѣдователи этого направленія не ограничиваются разсматриваніемъ рядовъ психическихъ явленій только въ ихъ изолированномъ видѣ. Какъ идеалистическія школы психологическія, утверждаясь въ своемъ идеалистическомъ базисѣ, пытались охватить и матеріальную жизнь, на-сколько она примыкаетъ къ душевной, такъ на оборотъ, реалистическая школа думаетъ найти съ своей стороны такую формулу, которая объясняла бы самый способъ происхожденія проявленій психическихъ, при посредствѣ соотвѣтственныхъ имъ условій физическихъ и физіологическихъ. У Фехнера, наприм., такою формулою служитъ сохраненіе и превращеніе силъ, у Ноака, вещество и движеніе, и т. д. Не говоримъ уже о Фихте младшемъ и

Лоце, особенно о первомъ; такъ-какъ самую задачу ихъ психологическихъ идей составляетъ способъ, какъ можно понимать единство души и тѣла. Къ этому же разряду германскихъ психологовъ можно отнести отчасти и Вундта. Мы не говоримъ ничего ни въ защиту, ни противъ подобнаго направленія психологическихъ изслѣдованій; можно имъ слѣдовать, можно не слѣдовать; дѣло у насъ опять не въ томъ. Занимаясь оцѣнкою ихъ значенія, что̀ и поставилъ себѣ задачею авторъ монографіи—*Нѣмецкая Психологія*, мы рѣшительно не вправѣ, во первыхъ, смѣшивать ее со схоластикою; смѣшиваніе одного съ другимъ доказывало бы только то, что мы не уяснили себѣ главныхъ направленій психологіи; во вторыхъ, при разборѣ ея значенія, нужно имѣть въ виду не сущности, не силлогизацію, которыми нисколько не разграничивается одно направленіе отъ другаго, а тотъ именно типическій характеръ, который по преимуществу свойственъ германской психологіи. (См. въ концѣ 2 прогр. психол.).

Къ какимъ страннымъ сбивчивостямъ въ частныхъ вопросахъ приводитъ автора невниманіе къ общему характеру германской психологіи XIX вѣка, видно изъ тѣхъ мѣстъ сочиненія, гдѣ германскимъ психологамъ XIX вѣка приписывается ученіе о такъ—называемыхъ способностяхъ души. Странно даже читать подобное положеніе въ историко-критическомъ изслѣдованіи, когда это аксіома, что въ германской психологіи XIX вѣка нѣтъ и слѣду прежняго (XVIII вѣка) ученія о способностяхъ души. Изучавшему германскую психологію XIX

вѣка такъ и слѣдовало бы сказать о ней коротко и просто; между тѣмъ авторъ исписываетъ цѣлыя страницы (123—127) противъ этого не существующаго теперь ученія, и еще присовокупляетъ невѣдомымъ послѣдователямъ его самые неумѣстные эпитеты. Достаточно обратить вниманіе только на психологію германскаго идеализма, преобладавшаго въ Германіи не менѣе тридцати лѣтъ, чтобы понять совершенно новый взглядъ на душевныя способности; а дальнѣйшія психологическія ученія уже не поднимали прежняго взгляда, въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ у Декарта, Вольфа, или въ кантовской школѣ. Въ декартовской, вольфіанской и даже кантовской школахъ говорилось о способностяхъ души такъ, что во все не понятно было, почему этихъ способностей ни больше ни меньше, и въ какой онѣ связи съ самою натурою или главнымъ общимъ процессомъ душевной жизни. Германская же психологія XIX вѣка тѣмъ отличается отъ нихъ, что пытается такъ объяснить ихъ происхожденіе, чтобы видна была самая необходимость ихъ и взаимное соотношеніе. Но у однихъ представителей ея преобладаетъ способъ объясненія умозрительный, у другихъ механическій, или по крайней мѣрѣ, близкій къ механическому. Первый способъ всего явственнѣе въ школѣ гегелевской: по смыслу ея ученія, говоря какъ можно проще, въ способностяхъ души выражаются только степени развитія и напряженія самой же ея жизни. У Гербарта также подъ способностями разумѣются только различныя измѣненія въ полѣ сознанія, которыя происходятъ въ немъ, ни-

сколько не измѣняя самой монады, отъ взаимнаго давленія и различнаго сцѣпленія между представленіями. Бенеке прямо отрицаетъ прирожденныя способности въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимали прежде, и признаетъ ихъ только результатомъ тѣхъ слѣдовъ и перцепцій, которые образовались въ душѣ отъ неоднократно повторявшихся однообразныхъ впечатлѣній. Также точно и Фихте мл. вовсе не слѣдуетъ прежнему ученію о способностяхъ (Psych. § 109, 110, 111). Словомъ, частная отличительная черта германской психологіи XIX вѣка именно и состоитъ въ томъ, что она не принимаетъ прежней теоріи способностей и усиливается найти самый генесисъ ихъ путемъ ли то умозрительнымъ, или механическимъ. Умозрительный выводъ такъ называемыхъ способностей души, не смотря на всѣ его недостатки, проливаетъ свѣтъ на послѣдовательность теоретическаго и практическаго развитія человѣка, а второе—даетъ практическія средства для пробужденія и образованія душевныхъ силъ, тогда какъ прежнее ученіе было мало полезно въ томъ и въ другомъ отношеніи.

Послѣ общаго понятія о характерѣ германской философіи и психологіи XIX вѣка и о перемѣнѣ въ понятіяхъ германскихъ психологовъ XIX вѣка о такъ—называемыхъ способностяхъ души, удобнѣе будетъ понять и значеніе трактата автора о психологическомъ анализѣ въ Германіи (268—302). Здѣсь прежде всего можно спросить, что собственно хотѣлъ авторъ изобразить въ трактатѣ о психологическомъ анализѣ въ Германіи?

Всѣ акты, всѣ событія и состоянія нашей внутренней жизни представляются для непосредственнаго наблюденія такими цѣльными и такъ закрытыми отъ насъ по своему происхожденію, что не входя въ разсмотрѣніе ихъ состава и преемственнаго послѣдованія, мы приписываемъ ихъ безъ дальняго разсужденія такъ-называемымъ способностямъ души. Наука о духѣ вникаетъ въ преемственную ихъ зависимость, разлагаетъ ихъ на составныя стихіи, и такимъ образомъ, находитъ нѣкоторую причинную связь въ полномъ составѣ душевной жизни. Это-то разложеніе состава душевной жизни для объясненія доступной намъ причинной связи между составными ея стихіями и есть дѣло психологическаго анализа. Въ своемъ трактатѣ о психологическомъ анализѣ въ Германіи авторъ желалъ представить,—чѣмъ отличается этотъ анализъ отъ анализа нѣкоторыхъ англійскихъ психологовъ. Ествественно, что каковъ бы ни былъ у нѣмцевъ психологическій анализъ XIX вѣка, прежде всего слѣдовало показать его общій отличительный характеръ и, какъ у нихъ постоянно существовало два направленія, называемыя обыкновенно идеализмомъ и реализмомъ, то необходимо было показать и несходство какъ общее германскаго анализа отъ англійскаго, такъ и главнѣйшіе несходные оттѣнки его въ этихъ двухъ направленіяхъ. Само собою разумѣется, что изъясненіе всѣхъ этихъ разностей психологическаго анализа въ Германіи не могло обойтись безъ знанія общихъ направленій ея философіи; такъ—какъ одно въ ней всегда почти находится въ тѣсной

связи съ другимъ. Но авторъ не обращаетъ вниманія на внутреннія причины отличительныхъ свойствъ психологическаго анализа въ Германіи; не уяснивши сперва существеннаго характера германской философіи и психологіи XIX вѣка, авторъ смѣшиваетъ потомъ XIX вѣкъ съ XVIII-мъ, и затѣмъ, отличительный характеръ новѣйшей германской психологіи у него совершенно исчезъ; она слита съ психологіею XVIII вѣка (268), и всѣ ея черты сведены къ одной категоріи, о которой мы уже говорили,—*это какая-то незъдомия силлогизація, схоластика, буддизмъ, воздушные замки* и такъ далѣе.... (268). Разумѣется, что, при такомъ смѣшеніи двухъ несходныхъ періодовъ психологіи, не было возможности выяснить, въ чемъ заключается отличительный характеръ и психологическаго анализа у нѣмецкихъ психологовъ, каковы бы ни были его достоинства, или недостатки. При недостаткѣ яснаго понятія о типическихъ его особенностяхъ, у автора остался только общій критерій: —каждый, кто не эллинъ, тотъ варваръ; что не согласно съ положеніями Бэна и Броуна, то схоластика. Перемѣшавши одно съ другимъ, не представивши раздѣльнаго понятія о различіи между германскимъ психологическимъ анализомъ XIX вѣка и психологическою теоріею XVII и XVIII вѣка, длившеюся еще и въ кантовской школѣ, авторъ, въ добавокъ, ограничивается самыми скудными и отрывочными показаніями, которыя высказаны у него голословно и не проведены въ примѣрахъ изслѣдованій замѣчательнѣйшихъ нѣмецкихъ психологовъ XIX вѣка,

каковы наприм., кромѣ Гербарта и Бенеке, Лоце, Фехнеръ, Вундтъ, Фихте млад. и другіе. Весь свой разборъ этого анализа авторъ сводитъ къ тремъ положеніямъ, и по поводу каждаго изъ нихъ входитъ въ небольшія разсужденія, которыми старается какъ-нибудь поддержать ихъ. Нѣчто въ родѣ заключенія составляетъ критическая замѣтка о *сознаніи, внутреннемъ чувствѣ, самосознаніи*, а потомъ, *о памяти, воображеніи, сужденіи и умозаключеніи.*

Въ первомъ положеніи (269) авторъ говоритъ: «Нѣмецкіе психологи, не взирая на громадныя усилія и трату длиннаго періода времени; не успѣли установить ни одного широкаго психологическаго закона, и не объяснили ни одного важнаго психологическаго явленія, безспорно для всѣхъ своихъ школъ и партій.»

Для оправданія этого положенія, слѣдовало бы разсмотрѣть образцы анализа по крайней мѣрѣ въ замѣчательнѣйшихъ направленіяхъ германской психологіи XIX вѣка; но этого авторъ не сдѣлалъ. Читая нѣсколько страницъ (269—275), посвященныхъ доказательству такого общаго и рѣшительнаго приговора, нельзя не удивляться —какимъ образомъ нѣсколько взглядовъ, на удачу взятыхъ изъ XVII-го, XVIII-го и XIX вѣка, съ пропускомъ школы идеализма XIX вѣка и едва упоминая о замѣчательнѣйшихъ психологахъ за послѣднія два десятилѣтія, можно было выдавать за научный разборъ анализа. Прежде всего, авторъ увѣряетъ, въ немногихъ словахъ, что въ германской психологіи XIX вѣка осталась схоластика

(271), а съ нею и муки *картезіанства*, пытавшагося объяснить *взаимодѣйствіе субстанцій духа и тѣла*, что вслѣдствіе старой гипотезы объ actio in distans въ ней терминъ *силы* удержалъ свой прежній смыслъ (270), и что Кантъ, Гербартъ, Бенеке и Лоце не остановились на разсматриваніи психическихъ явленій только со стороны ихъ преемства, но предполагали въ основаніи его нѣчто болѣе, каждый съ своей точки зрѣнія (270). Такъ у Канта такимъ основаніемъ преемственной связи былъ прирожденный разсудокъ и его категоріи; у Гербарта—смежность субстанцій, и отсюда выступаніе въ качествѣ силъ или причинъ; у Бенеке—только предположеніе, что въ основаніи преемства (Nachher) должно быть нѣчто болѣе одного преемства, хотя это *нѣчто* намъ неизвѣстно. Отъ этого нежеланія германскихъ психологовъ—ограничиться въ психологіи однимъ преемствомъ явленій произошло то (271), что у нихъ, во первыхъ, вовсе нѣтъ анализа чувственности, нѣтъ и объясненія, какъ происходятъ у насъ представленія пространства, времени и матеріи. Послѣдній недостатокъ происходитъ у нихъ, по мнѣнію автора, между прочимъ, и оттого, что не оцѣнено значеніе мускульныхъ чувствъ (272). Вмѣсто того, чтобы заниматься анализомъ чувственности германскіе психологи, какъ говоритъ авторъ, даютъ у себя мѣсто картезіанству и схоластикѣ (272) и занимаются вопросами объ отношеніи духа и тѣла, какъ субстанцій. Высказавши на двухъ страницахъ весь характеръ психологическаго германскаго анализа въ примѣненіи къ чувствен-

ности, авторъ потомъ (273 и 274) прибавляетъ, что изслѣдованіе *внутренней причинности духовныхъ явленій* въ нѣмецкой психологіи XIX вѣка остается въ своемъ первобытномъ, средневѣковомъ видѣ. Въ подтвержденіе своего взгляда, авторъ говоритъ по нѣскольку строкъ о Кантѣ и Фризѣ (какъ будто кантовская психологическая школа относится къ XIX вѣку, какъ представительница его), потомъ упоминаетъ еще о Гербартѣ и Бенеке, изъ коихъ первый причинную связь духовныхъ явленій находилъ „во взаимной проницаемости представленій другъ для друга," а второй—въ этомъ вопросѣ отличался такимъ взглядомъ на взаимную зависимость духовныхъ явленій, что ее *трудно и передать.* (275). Другіе психологи, говоритъ авторъ, или вовсе не касались вопроса о причинной зависимости духовныхъ явленій и ограничивались все какими—то описаніями, или же продолжали и здѣсь мистику „превращенія", т. е., какъ и въ ученіи объ отношеніи тѣла и души (275).

Таково содержаніе разсужденія, подтверждающаго первое и главное положеніе. Доказалъ ли его авторъ? Можно ли въ этомъ отдѣлѣ находить что-нибудь хотя сколько-нибудь похожее на разборъ германскаго психологическаго анализа въ XIX вѣкѣ? Конечно въ немъ видно все усиліе выставить въ самомъ темномъ видѣ состояніе нѣмецкой психологіи XIX вѣка; но оно можетъ увлекать только людей не понимающихъ дѣла; знающіе же отнесутся къ нему съ улыбкою сожалѣнія объ опрометчивости автора. И во первыхъ, на какомъ основаніи

авторъ, вмѣсто того, чтобы представить дѣйствительный психологическій анализъ новѣйшей нѣмецкой психологіи, безпрерывно упоминаетъ о схоластикѣ, картезіанствѣ, когда это не только не даетъ никакого понятія о предметѣ трактата, но еще спутываетъ понятія у того, кто захотѣлъ бы, на основаніи словъ автора, узнать, въ чемъ состоитъ различіе между однимъ и другимъ анализомъ. Отъ этой смѣшенности авторъ или навязываетъ этой психологіи то, чего тамъ вовсе нѣтъ, или, что еще важнѣе, совсѣмъ не такъ оттѣняетъ самые взгляды психологическіе; а многіе изъ нихъ получили бы вовсѣмъ иной смыслъ, иное значеніе, если бы понята была связь ихъ съ цѣлымъ психологическимъ направленіемъ. Такъ на примѣръ, мы уже сказали, что въ нѣмецкой психологіи XIX вѣка не существуетъ прежняго понятія о способностяхъ души, а этотъ вопросъ принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ въ дѣлѣ психологическаго анализа. Между тѣмъ, у автора, не извѣстно почему, постоянно приписывается германскимъ психологамъ прежнее ученіе объ этихъ способностяхъ. Вѣдь это же просто самое странное незнаніе. Если-бы авторъ не перемѣшалъ, не извѣстно почему, однихъ періодовъ психологіи съ другими, то тутъ-то и было бы въ высшей степени интересно показать, какъ именно смотрятъ теперь на способности души—не Кантъ и не Фризъ, а напримѣръ, Лёце, Фортляге, Фихте мл., Вундтъ, или даже прежніе идеалисты XIX вѣка, Мишале, Розенкранцъ, Эрдманнъ и др. Но у почтеннаго автора все это обойдено. Смѣшива

также филиппика автора противъ германской психологіи за то, что у представителей ея вовсе нѣтъ анализа чувственности, и что они не хотятъ ограничиваться въ психологіи однимъ преемствомъ явленій. Стóитъ прочитать только то, чтó сказано о чувственности у Лёце, Вундта (physiologische Psychologie), Ульрици и Фихте мл. и каждый, сколько нибудь знакомый съ задачами психологіи, пойметъ, что ихъ анализъ въ этомъ вопросѣ нисколько не уступаетъ анализу английскихъ психологовъ, даже можно сказать, превышаетъ его глубокостію; потому что у нихъ въ разборѣ даже и этихъ самыхъ низшихъ проявленій душевной жизни есть уже указаніе на такія стихіи, которыя необъяснимы на основаніи однихъ раздраженій внѣшнихъ и внутреннихъ; а это очень важно. Не менѣе странно, что авторъ порицаетъ нежеланіе германскихъ психологовъ ограничивать теченіе проявленій психической жизни только одним преемствомъ;—странно потому, что нѣчто болѣе одного преемства въ этомъ теченіи дѣйствительно до очевидности ясно. Когда, напримѣръ, мы повторяемъ слова въ томъ порядкѣ, какъ мы ихъ заучили, или какъ они подвертываются нашему сознанію и дикціи безотчетно, то въ этомъ теченіи произносимыхъ словъ мы дѣйствительно находимъ только преемство. Но когда, пользуясь тѣми же словами, мы произносимъ ихъ въ томъ порядкѣ, какого требуетъ импульсъ сознательной мысли и воли, то въ этомъ теченіи словъ безспорно есть уже нѣчто болѣе одного преемства. Въ этомъ не будетъ сомнѣваться ни одинъ психологъ серьёз-

но относящійся къ своему дѣлу, хотя бы еще и встрѣтились большія трудности въ объясненіи самого способа, какъ именно импульсъ сознательной воли пользуется даннымъ ей механизмомъ преемства душевныхъ проявленій. Что же касается обвиненія въ схоластикѣ и картезіанствѣ, то, на основаніи вышесказаннаго нами, это ни больше, ни меньше, какъ нелѣпость. Нужно имѣть слишкомъ много не хорошаго мужества, чтобы прочитавши любой курсъ психологіи вольфіанской, или декартовской и затѣмъ психологическіе труды въ Германіи XIX вѣка, сказать, что между ними нѣтъ различія и притомъ, различія громаднаго и отраднаго.

Далѣе, желая доказать свое положеніе, авторъ увѣряетъ, что вопросы о пространствѣ, времени и матеріи въ нѣмецкой психологіи остались до сихъ поръ *совершенно неразработанными*, такъ что *психологія этого* отдѣла представляетъ въ цѣломъ явленіе, ни чѣмъ не отличающееся отъ явленій того же рода въ періодъ схоластики и картезіанства (271), а это будто-бы оттого, что ни одинъ изъ нѣмецкихъ психологовъ не умѣлъ достаточно оцѣнить значеніе мускульныхъ чувствъ (272). Приговоръ очень рѣшительный; читатель опять вправѣ ожидать подробнаго указанія, какъ объясняются эти вопросы у замѣчательныхъ германскихъ психологовъ; но никакого разбора нѣтъ. Сказавши, что этотъ недостатокъ произошелъ отъ невниманія къ значенію мускульныхъ чувствъ, авторъ только говоритъ въ двухъ трехъ строкахъ, что Фризъ и Гербартъ не отдѣляютъ этихъ чувствъ отъ чувства

осязанія, а Бенеке упоминаетъ объ нихъ только мимоходомъ. Но изъ того, что Бенеке упоминаетъ объ нихъ только мимоходомъ, еще не слѣдуетъ, что другіе позднѣйшіе психологи не разсматриваютъ ихъ съ большимъ вниманіемъ, что можно найти не только у такихъ извѣстныхъ психологовъ, какъ Лоце, но и у менѣе извѣстныхъ, какъ напримѣръ, Ульрици [1]) и Фихте мл. Но этого мало. Стоитъ внимательно прочитать весь трактатъ Ульрици, или Фихте мл. объ ощущеніи, о пространствѣ и времени, о локализаціи ощущеній и каждый пойметъ, что тамъ есть нѣчто гораздо болѣе. Тамъ есть самыя глубокія доказательства, что мускульныя чувства составляютъ только вспомогательныя средства для образованія представленій пространства и времени, которыя оказываютъ свое дѣйствіе при нужныхъ для того условіяхъ, со стороны самой души. Наконецъ, тамъ есть очень важныя заключенія и объ отношеніи душевной жизни къ пространству и времени. Словомъ, тамъ не только есть то, о чемъ авторъ не справился, но и несравненно болѣе. Потому-то, и нужно было точно и подробно показать, почему именно и какъ, не смотря на вниманіе къ мускульнымъ чувствамъ и ко всѣмъ физіологическимъ даннымъ, нѣкоторые германскіе психологи приходятъ, въ концѣ своего анализа, къ признанію необходимости еще особенныхъ условій, нужныхъ для того, чтобы могло образоваться представленіе пространства и времени [2]).

1). См. Ulrici Leib und Seele; Lpz., 1866, о чувствѣ, зрѣнія (стр. 151—165), слуха (193—215), осязанія и мускульнаго чувства (215).

2). См. тамъ же.

Прежде прибѣгали къ предположенію врожденности или апріорности формъ пространства и времени; но это объясненіе принадлежитъ давно минувшимъ днямъ, а нынѣшнее—несравненно глубже и жизненнѣе, хотя авторъ не коснулся его ни единымъ словомъ. Но какъ же читатель составитъ понятіе о современномъ психологическомъ взглядѣ на формы пространства и времени? Ему приходится повѣрить автору на слово, т. е., обречь себя на неминуемую отсталость, которой нисколько не скрасятъ ни смѣлость, ни самоувѣренность.

Напрасно авторъ также думаетъ, будто терминъ силы и до сихъ поръ не потерялъ у германскихъ психологовъ своего прежняго смысла (270), когда каждому ряду явленій, вмѣсто объясненія ихъ помощію связи съ другими явленіями или состояніями, придавали въ основаніе невѣдомое понятіе силы (270). Этотъ терминъ давно уже потерялъ свой прежній смыслъ, и если и теперь иногда онъ употребляется, то въ другомъ значеніи и въ другомъ болѣе широкомъ смыслѣ. Въ психологіи онъ мало имѣетъ мѣста. Уже въ идеализмѣ діалектической системы этотъ терминъ былъ низведенъ съ своего пьедестала и на мѣсто его поставленъ *законъ*; только подъ закономъ въ ней разумѣли не однообразность въ преемствѣ явленій, а нѣчто болѣе. Но для насъ не важенъ самый терминъ *силы*; важнѣе то, чтобы представить, каковъ именно выходилъ анализъ психическихъ явленій съ предположеніемъ въ основаніи ихъ не одного преемства, но и невѣдомой силы. Но авторъ, приписывши всѣмъ германскимъ

психологамъ понятіе *силы*, какъ орудіе для объясненія психическихъ явленій, избавляетъ себя отъ точнаго разбора внутренней причинности духовныхъ явленій по ученію нѣмецкихъ психологовъ XIX вѣка. Все ограничивается опять нѣсколькими словами о Кантѣ, Фризѣ, о Гербартѣ и Бенеке, изъ которыхъ первые даже не могутъ относиться къ представителямъ новѣйшей психологіи. Тотъ же анализъ позднѣйшій, на прим. у Фортляге или Фихте, Вундта, который былъ бы гораздо важнѣе и представилъ бы нѣчто другое, а не одно прежнее предположеніе силы въ основаніи психическихъ явленій, оставленъ у автора безъ всякаго вниманія.

Отличительный характеръ большей части германскихъ психологовъ состоитъ между прочимъ въ томъ, что въ составъ ихъ психологическихъ изслѣдованій входитъ и вопросъ объ отношеніи души и тѣла. Но и въ сужденіи о германской психологіи въ этомъ вопросѣ авторъ, по нашему мнѣнію, глубоко не правъ. Онъ совершенно напрасно находитъ у нихъ, какъ мы уже сказали, реставрацію картезіанства. Одинъ только Лоце нѣсколько близокъ къ окказіонализму (Декарта, или точнѣе Гейлинкса); но за то же есть у Лоце и несходство со школою декартовскою; не говоримъ уже о томъ что у Лоце и эта нѣкоторая доля окказіонализма, обставлена превосходными физіологическими примѣрами, и что, быть можетъ, сколько-бы мы ни боролись съ окказіонализмомъ, никогда для насъ не будетъ окончательно извѣстно, почему для какой-нибудь сознанной нами идеи мы мгновенно и

удачно можемъ употреблять нужные для выраженія ихъ мускулы. Притомъ же, если авторъ находитъ картезіанство или окказіонализмъ несостоятельнымъ и отсталымъ въ психологіи, то нужно было выяснить, что именно должно разумѣть подъ картезіанствомъ, и точно ли лучшіе изъ позднѣйшихъ психологовъ совершенно одолѣли психологическій взглядъ декартовской школы. Иначе, можно подумать, что картезіанство съ его крайнимъ дуализмомъ, было для автора только предлогомъ, чтобы уклониться отъ точнаго разбора позднѣйшихъ ученій касательно этого вопроса. Мы нисколько не намѣрены отстаивать мнѣнія новѣйшихъ германскихъ психологовъ о связи души и тѣла, но думаемъ только, что картезіанствомъ никакъ нельзя назвать преобладающее направленіе новыхъ германскихъ психологовъ въ рѣшеніи вопроса, объ отношеніи души и тѣла и что, коснувшись этого вопроса, необходимо было точно разсмотрѣть ученіе по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, у кого проявлялось совершенно новое направленіе (напримѣръ, у Ульрици, или у Фихте мл.) къ примиренію крайностей бывшаго идеализма и реализма, а въ немъ многое достойно вниманія, и кто внимательно прочтетъ ихъ психологическіе труды, всегда вынесетъ изъ нихъ много новыхъ понятій о душевной жизни и объ отношеніи ея къ тѣлесному организму. Въ чемъ же именно заключается отличіе новѣйшаго направленія германской психологіи отъ картезіанства и въ чемъ ошибка автора, навязывающаго имъ безъ всякой оговорки картезіанство? Въ томъ, ограничиваясь не много-

гими и самыми общими словами, что декартовская школа ставила сперва абсолютную противоположность души и тѣла, какъ двухъ субстанцій, и потомъ говорила объ ихъ связи; тогда какъ у новѣйшихъ германскихъ психологовъ преобладаетъ та мысль, что одна изъ этихъ двухъ сторонъ есть начало или производящее, а другая—явленіе или производимое. Но у идеалистовъ такимъ производящимъ началомъ есть душевный агентъ, а тѣло—его произведеніе или явленіе. а у реалистовъ существуетъ хотя бы и не ясно высказанное ими предположеніе, что душевный агентъ есть результатъ невѣдомой силы физической, возникающій процессомъ превращенія. Подобная характеристика германской психологіи въ этомъ вопросѣ будетъ, по нашему мнѣнію, гораздо вѣрнѣе, нежели картезіанство.

Перейдемъ теперь къ двумъ остальнымъ положеніямъ: „для нѣмецкихъ психологовъ, такъ говорится во второмъ положеніи, духъ есть арена, открытая заразъ для множества впечатлѣній или состояній, на которую онѣ вступаютъ въ одно и тоже время, пребывая такимъ образомъ въ отношеніи пространственной сопредѣльности или смежности, сходятся между собою и расходятся; соединяются въ дѣйствительныя сложности и раздѣляются, подобно тому, какъ приближаются другъ къ другу, или удаляются другъ отъ друга какія нибудь вещественныя субстанціи (стр. 277).“ По третьему положенію автора „нѣмецкіе психологи полагаютъ, что состоянія духа не суть состоянія преходящія, что они существуютъ и тогда,

когда исчезаютъ, или точнѣе, и послѣ того, какъ исчезаютъ,—и существуютъ въ одно итоже время съ состояніями дѣйстительно существующими (278)".

Оба эти положенія, въ особенности первое, до такой степени странны, что мы даже не знаемъ, что и сказать о нихъ. Авторъ ссылается въ первомъ положеніи опять на Канта и Фриза, которые вовее не идутъ къ дѣлу; потомъ приводитъ еще Гербарта и Бенеке, но въ такихъ ненаучныхъ выраженіяхъ, что изъ нихъ нельзя вывесть никакого опредѣленнаго результата. Слѣдовало бы прежде привести точный разборъ, что́ именно разумѣется у нихъ подъ вліяніями и состояніями, заразъ существующими въ духѣ. Если подъ ними разумѣется нѣчто безсознательное,-то вопросъ принимаетъ довольно темный и спорный характеръ и никакой серьёзный психологъ не согласится рѣшать его быстро и окончательно; если же это явленія и состоянія сознательныя, то ученіе новѣйшихъ нѣмецкихъ психологовъ прямо и положительно противорѣчитъ автору. По ихъ мнѣнію, духъ нашъ воспринимаетъ въ свое сознаніе всѣ впечатлѣнія и состоянія не иначе, какъ преемственно одни за другими, а не всѣ, или многія разомъ. Отсюда происходитъ у нихъ и понятіе о такъ называемой *узкости* (Enge) сознанія т. е. что заразъ оно принимаетъ только одно что-нибудь 1). Гдѣ же тутъ арена въ духѣ, открытая заразъ для множества впечатлѣній или состояній? Не будетъ ли она

---

1). См. H. Fichte, Psychol., 1864, S. 166; Ulrici, Leib u. Seele, S. 308....; Lotze, Mikrokos. S. 218....

чѣмъ-то въ родѣ вымысла? Если бы почтенный авторъ обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ, то онъ встрѣтился бы здѣсь съ другимъ, довольно труднымъ и серьёзнымъ вопросомъ; а именно, если духу нашему свойственно удерживать въ извѣстный моментъ только одно впечатлѣніе или представленіе, то какъ-же становится для него возможнымъ сравненіе чего-либо одного съ другимъ? Какъ возможно ему удерживать даже свое тождество? Рѣшеніе этихъ вопросовъ важно потому, что оно прямо ведетъ къ высшимъ свойствамъ духа, т. е., что въ духѣ его перцепціи не распадаются одно внѣ другаго какъ пункты пространства или атомы песчинокъ, но сводятся къ единству его соотносящею дѣятельностію. Что касается третьяго положенія, то въ разборъ его входить нѣтъ нужды, такъ-какъ оно и по сознанію автора содержитъ въ себѣ только продолженіе втораго (278). Оно касается собственно законовъ ассоціаціи, которыхъ до сихъ поръ никто еще не выяснилъ окончательно. Но по поводу этого положенія, авторъ высказываетъ свое сужденіе касательно ученія нѣмецкихъ психологовъ о *памяти* и находитъ, что въ немъ удержана схоластическая теорія памяти, какъ *резервуара*, *или складочнаго мѣста въ духѣ* (2-0). Казалось бы уже одно то, что прежней теоріи способностей души въ современной нѣмецкой психологіи не существуетъ, должно бы привести автора къ убѣжденію, что не могло уже въ ней удержаться и прежнее понятіе о памяти. Но авторъ не изучилъ различія между XIX вѣкомъ и XVIII-мъ, и отъ того опять

продолжаетъ утверждать то, чего давно уже нѣтъ, и безъ всякой нужды цитуетъ еще статью о схоластической теоріи памяти. Даже абсолютный идеализмъ XIX вѣка вовсе не признавалъ уже памяти за способность, и глубоко выяснилъ по крайней мѣрѣ ея значеніе въ ряду другихъ явленій психологической жизни. Современные же психологи германскіе прямо и положительно говорятъ, что память вовсе не есть какая либо особенная способность 1). Авторъ обращаетъ еще вниманіе на понятіе германскихъ психологовъ о дѣятельности *представленія*; но какъ ни важенъ былъ бы разборъ главныхъ понятій объ этомъ актѣ нашей души, мы ничего не нашли о немъ въ трактатѣ о психологическомъ анализѣ въ Германіи (стр. 291—2). Нѣсколько строкъ въ которыхъ упоминается слово *представленіе*, недаютъ никакого понятія объ этомъ самомъ жизненномъ психологическомъ вопросѣ особенно же о переходѣ представленій изъ темнаго состоянія въ ясное и т. д.

Но всего интереснѣе, что и какъ почтенный авторъ говоритъ о сознаніи, внутреннемъ чувствѣ и само-

---

1) Приводимъ здѣсь слова нѣкоторыхъ изъ нихъ:

Слова Фихте мл.: „Gedächtniss“ beruht nicht auf einem b e s o n d e r n Vermögen des Geistes, so wenig als die „Fassungskraft....“ Psychol. S. 406. Слова Ульрици: „Allein die einfachsten Fälle (о которыхъ выше была рѣчь у Ульрици).... beweisen gerade, dass es (т. е. Erinnerungsvermögen) kein besondres Vermögen der Seele ist.“ Grundz. einer Psych. d. Menschen.... стр. 476.

Точно такъ-же и Фортляге разсматриваетъ память вовсе не какъ какую-то особенную способность души. Syst. d. Psychol. I B., стр. 119.....

сознаніи. Вмѣсто того, чтобы представить очеркъ анализа сознательной жизни нашей души, дѣлаемаго германскими мыслителями и сопоставить его съ другимъ анализомъ, разсматривающимъ се, какъ преемство психическихъ явленій, почтенный авторъ только утверждаетъ, что «*сознаніе* не заключаетъ въ себѣ никакого новаго элемента нашей духовной конституціи (294),» что *память, воображеніе, сужденіе и умозаключеніе* не содержатъ въ себѣ никакого особеннаго въ психологическомъ отношеніи смысла (292), что «сознаніе есть простое присутствіе частныхъ духовныхъ явленій, безсознательность есть простой пробѣлъ ихъ (283).» Но эти то положенія именно и нужно было оправдать критическимъ разборомъ значительно несходнаго понятія о нихъ у большинства германскихъ психологовъ; тогда только и видно было-бы› который анализъ выше и глубже; но никакого разбора почтенный авторъ не представилъ. Никакая психологія не въ состояніи ни опредѣлить сознаніе, ни объяснить его происхожденіе; но нельзя сказать, чтобы оно не заключало въ себѣ ничего *новаго* въ сравненіи съ низшею степенью нашей жизни; а иначе, мы противорѣчили бы только наблюденіямъ надъ развитіемъ человѣка. Вопросъ только въ въ томъ, что именно *новаго* привносится сознаніемъ? Самый ли матеріалъ, содержаніе, или только разграниченіе, нужное для разработки матеріала? Говорить что „сознаніе есть простое присутствіе духовныхъ явленій, а безсознательность есть простой пробѣлъ ихъ,“ значитъ, только доказывать, что сознаніе неопредѣлимо,

что желая его опредѣлить, мы уже его предполагаемъ, какъ данное, но не то, что оно не составляетъ ничего новаго въ сравненіи съ низшею жизнію; потому что для кого-же существуютъ духовныя явленія? Для нашего сознанія, которое мы уже предполагаемъ, говоря о присутствіи явленій, но нисколько не опредѣляемъ. Изъ понятія о сознаніи, представленнаго авторомъ, слѣдовало бы заключить, что когда мебель есть въ комнатѣ, то она сознаетъ себя; но когда мебель вынесли и произвели въ комнатѣ пробѣлъ, то она перестала сознавать себя.

Далѣе, когда авторъ сказалъ, что *воображеніе, сужденіе, умозаключеніе* не содержатъ въ себѣ никакого особеннаго въ психологическомъ отношеніи смысла, то опять необходимо было представить, какъ именно объясняются эти степени душевной дѣятельности въ двухъ несходныхъ направленіяхъ психологіи; потому что здѣсь-то именно и обнаруживается между ними значительная разница. Въ особенности, для оправданія взгляда, нивелирующаго всѣ эти роды дѣятельности, нужно было доказать, что простое преемство психическихъ явленій тождественно съ тѣмъ сочетаніемъ представленій и понятій, которое содержится въ сужденіи и умозаключеніи.

Въ общемъ выводѣ, весь трактатъ о психологическомъ анализѣ въ Германіи, быть можетъ, былъ бы удовлетворительнѣе, еслибы обращено было вниманіе, во первыхъ, на отличительный характеръ германской психологіи XIX вѣка не только отъ декартовской, но и отъ кантовской, во вторыхъ, на самый характеръ ея анализа

Новѣйшая нѣмецкая психологія отличается не недостаткомъ психологическаго анализа, но тѣмъ, что, при помощи его, находитъ нужнымъ, въ основаніи наблюдаемыхъ психологическихъ явленій, предполагать и высшія свойства души, а это далеко не всегда мѣшаетъ дѣлу анализа.

Прибавленіе. Считаемъ нужнымъ сдѣлать къ послѣднему отдѣлу небольшое дополненіе.

Сказавши, что „сознаніе не заключаетъ въ себѣ никакого новаго элемента нашей духовной конституціи" (стр. 60), что „память, воображеніе, сужденіе и умозаключеніе не содержатъ въ себѣ никакого особеннаго въ психологическомъ отношеніи смысла" (стр. 61) авторъ, какъ намъ кажется, обнаружилъ какое-то довольно слабое пониманіе смысла этого вопроса и такое же слабое пониманіе новѣйшихъ германскихъ психологовъ (съ которыми сходны впрочемъ по направленію и нѣкоторые новѣйшіе французскіе мыслители). Мы нисколько не требуемъ отъ автора большихъ и исчерпывающихъ подробностей; думаетъ только, что вопросъ о сознаніи и о способностяхъ души и тѣла такъ важенъ, что въ критическомъ сочиненіи, направленномъ противъ германской психологіи, никакъ нельзя было остановиться на трехъ четырехъ строкахъ, но хотябы на трехъ, четырехъ страницахъ объяснить, что именно авторъ разумѣетъ подъ своими положеніями и каково именно то ученіе германской психологіи, противъ котораго онъ ихъ направляетъ.

Выскажемъ же, хотя въ немногихъ словахъ, что нужно для объясненія словъ автора; и во первыхъ, о сознаніи.

1). Прежде всего, спрашивается, противъ кого авторъ говоритъ, *что сознаніе не заключаетъ въ себѣ никакого новаго элемента нашей духовной конституціи?* Конечно, противъ германскихъ психологовъ, у которыхъ онъ находитъ отсталость и несостоятельность. Но вѣдь автору должно быть извѣстно, что именно германскіе-то психологи и говорятъ, что сознаніе не заключаетъ въ себѣ ничего *новаго*, въ порядкѣ проявленій и развитія душевной жизни (см. Fichte Psychologie, *Bewustsein*). Къ чему же авторъ это говоритъ? Мысль взята у германскихъ же психологовъ, и потомъ голословно брошена противъ нихъ же. Говоримъ голословно; потому, что тутъ только и начинается вопросъ, и притомъ вопросъ довольно важный.

Но что же именно значитъ, когда говорится, что сознаніе не содержитъ въ себѣ ничего новаго?—Мы сказали выше (стр. 61), что разумѣютъ германскіе мыслители, по крайней мѣрѣ нѣкоторые; когда говорятъ, что сознаніе не представляетъ ничего новаго (Ульрици и Фихте мл.). Мысль ихъ та, что въ сознаніи нѣтъ ничего новаго *по содержанію*, но не вообще, или по крайней мѣрѣ, со стороны *формы*. Но что же это значитъ по содержанію? Какой смыслъ этихъ словъ и къ чему онъ дальше препровождаетъ? Очень важный и жизненный смыслъ тотъ, что наше сознаніе не творитъ самаго содержанія,—понятій, идей, мыслей, что родникъ ихъ не въ сознаніи, а глубже; оно только даетъ ихъ теченію импульсъ и по частямъ правитъ имъ; но не созидаетъ его. Когда, на прим., мы желаемъ о чемъ нибудь говорить и

за тѣмъ говоримъ, то мы конечно нашею сознательною волею даемъ импульсъ теченію нашихъ мыслей и словъ и по временамъ имъ правимъ, можемъ даже исправлять его; но это не значитъ, будто нашимъ сознаніемъ мы въ самомъ дѣлѣ ставимъ всякое понятіе и всякое слово. Какъ это происходитъ и къ какимъ важнымъ слѣдствіямъ приводитъ выше упомянутое значеніе сознанія,—это еще требуетъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Переходимъ къ выводамъ изъ предыдущаго.

Изъ предыдущаго понятія о сознаніи, тотъ часъ возникаютъ *два* вопроса или слѣдствія, которыя окончательно выяснить очень трудно.

Во первыхъ, точно-ли въ сознаніи нѣтъ ничего новаго даже и со стороны *формы* или со стороны *озаренія* того содержанія, которое созидается какъ-то (еще неизвѣстнымъ агентомъ) въ нашей внутренней душевной сферѣ? Едва-ли. Если-бы это было такъ, то значило-бы, что безсознательность (хотя бы-то камня) и сознательность въ насъ-одно и тоже. Но едва ли кто рѣшится на такую нелѣпую нивелировку обоихъ состояній души. А какъ скоро такъ, то по формѣ сознаніе дѣйствительно вноситъ нѣчто новое въ сравненіи съ безсознательностію; какъ соотносящая дѣятельность, оно разграничиваетъ и соотноситъ представленія, а затѣмъ, и наше *Я* разграничиваетъ отъ перцепцій и представленій; происхожденіе же нашего *Я* въ сознаніи, хотя бы только по формѣ уже представляетъ въ себѣ нѣчто подобное происхожденію бытія изъ небытія. Объясненію происхожденія соз-

манія ничего не поможетъ и примѣненіе безконечно—малыхъ величинъ Лейбница; потому что какое бы громадное количество безконечно—малыхъ несознаваемыхъ впечатлѣній, мы ни слагали, всегда и въ суммѣ можетъ быть только несознаваемое. Количество новаго качества и новой степени жизни еще не даетъ.

Во вторыхъ, когда мы согласимся, что въ сознательности нѣтъ ничего новаго по отношенію *къ содержанію* то и это согласіе все еще не показываетъ, что намъ понятна широкость этого вопроса. Дѣло въ томъ, что коль скоро сознательность сама изъ себя не производитъ ни перцепцій и ихъ послѣдованія одного за другимъ, ни представленій и ихъ сцѣпленій, ни понятій и ихъ логическаго соединенія въ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ, и т. д., но только озаряетъ ихъ, то спрашивается: кто же, если такъ можно сказать, какъ бы изъ-за кулисъ сознанія, выдвигаетъ всѣ ряды перцепцій, представленій, понятій и ихъ связнаго, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго или цѣлесообразнаго теченія?

Ясно, что этотъ вопросъ опять ведетъ къ другому вопросу: какъ относится сознательная сфера душевной жизни къ другой, не сознаваемой? А этотъ вопросъ также ведетъ дальше къ другимъ вопросамъ; а именно, къ чему мы должны свести эту безсознательную сферу душевной жизни, къ молекюламъ ли (которыхъ впрочемъ никто не видѣлъ), тождественнымъ съ извѣстными намъ свойсгвами феноменальнаго вещества, или это особый источникъ, отличный покрайней мѣрѣ отъ наблюдаемаго

нами вещества. Далѣе, почему и какъ то, что совершается въ насъ помимо нашего сознанія и воли въ насъ (т. е, по видимому только на основаніи одной причинной связи), можетъ согласоваться съ тѣмъ, что мы сами ставимъ для выполненія по сознанной нами цѣли?—

Здѣсь предѣлъ психологическому рѣшенію, или покрайней мѣрѣ, объясненію вопроса; но психологія своимъ концомъ подводитъ къ началу другой, дальнѣйшей сферѣ философской науки, а именно, къ общей, космической или, какъ иногда говорятъ, метафизической. Раждается вопросъ, точно ли въ исторіи человѣчества господствуетъ только безмысленная причинная связь, и сцѣпленіе однихъ поколѣній съ другими совершается только по навыку, по привычкѣ младшаго поколѣнія къ дѣламъ старшаго (Юмъ), или въ ней, въ самой этой причинной связи, есть самая стройная цѣлесообразность? Точно ли и въ цѣломъ мірѣ ничего нѣтъ, кромѣ слѣпыхъ законовъ причиннаго послѣдованія явленій, или есть, кромѣ того, ей же присущая, и ее же движущая цѣль?

Таковы вопросы неразрывные съ вопросомъ о сознаніи, если мы имѣемъ въ виду понятіе сознанія, а не одно слово. Мы нисколько не требуемъ отъ автора рѣшенія ихъ; но намъ кажется, что въ критическомъ сочиненіи въ 500—600 страницъ, выдаваемомъ за ученое, необходимо было, по крайней мѣрѣ, показать, что намъ извѣстенъ, вопросъ въ значительной его широтѣ и что, кромѣ того, зная по крайней мѣрѣ главное, что сказано германскими новѣйшими психологами, мы стоимъ дальше

и выше, или что англійскіе психологи стоятъ дальше и выше.

Но быть можетъ, авторъ, отрицая что-либо новое въ сознаніи, разумѣетъ, вмѣстѣ съ Бенеке, что сознаніе есть только развитое ощущеніе. Положимъ, что и это ошибочное мнѣніе правильно. Но для чего же авторъ, опять спрашиваемъ, стаетъ этимъ положеніемъ въ оппозицію германскимъ психологамъ, когда и этотъ смыслъ его тезиса опять у нихъ же взятъ?

Не входимъ здѣсь въ оцѣнку, кто выше, англійскіе, или германскіе психологи; думаемъ только, что авторъ вопсе не объяснилъ и нерѣшилъ этого вопроса. Стоитъ внимательно прочесть, съ одной стороны, не только Вундта, Ульрици, Фихте м., Лоце, но и Бенеке, Гербарта, даже Розенкранца, Мишле, Іесена, Шаллера, а съ другой – Бэна, Спенсера, и тогда будетъ воочію видно какое между обѣими сторонами разстояніе. *) Авторъ цити-

*) Для сравнительной оцѣнки двухъ сторонъ нужно-бы прочесть, покраней мѣрѣ, Вундта (phys. Psych.), Ульрици, Фихте мл., Лоце, и Спенсера (4 кн. псих.). Тогда видно было-бы, до какой степени авторъ подтягиваетъ всѣ свои фразы подъ камертонъ предвзятой мысли. У англійскихъ психологовъ есть хорошія частныя физіологико-психологическія свѣдѣнія и соображенія, есть полезныя примѣчанія; но по широтѣ анализа, по глубокости и высотѣ взгляда, по систематической стройности и полнотѣ понятій о душевной жизни и ея значеніи, германскіе психологи выше англійскихъ. И если кто желалъ бы дальше и выше поставить психологическую науку, тому непремѣнно предстоитъ изучить тотъ предѣлъ, до котораго доведена психологія у германскихъ психологовъ. Что касается англійскихъ психологовъ, то они будутъ только пособіемъ въ нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ психологическихъ.

руетъ еще Броуна; но послѣ трудовъ Лоце, Вундта, Бенеке, Ульрици, Фихте странно пробавляться крохами Броуна.

Не входимъ также въ оцѣнку направленія, которому авторъ предпочитаетъ слѣдовать; это-дѣло ученой совѣсти. Примемъли мы направленіе *монистическое*, или *дуалистическое* конечно въ современномъ его видѣ, а не декартовольфіанское или кантовское,—это дѣло стороннее. Притомъ же, въ отдаленномъ концѣ концовъ—трудность рѣшенія психологическихъ вопросовъ будетъ одинакова.

2) Послѣ сказаннаго нами по вопросу *о сознаніи* уже понятнѣе будетъ такая же поверхностность словъ автора о *памяти*, *воображеніи*, *сужденіи* и т. д.; потому что между обоими вопросами есть много общаго и аналогическаго.

По словамъ автора: *память*, *воображеніе*, *сужденіе*, *умозаключеніе не содержатъ въ себѣ никакого особеннаго въ психологическомъ отношеніи смысла*. Тутъ все,—и ученое изслѣдованіе, и доказательства, и приговоръ; четырьмя строками авторъ рѣшаетъ важнѣйшій вопросъ въ ученомъ критическомъ сочиненіи; и конечно, онъ желаетъ, чтобы его положеніе было принято, какъ несомнѣнная почему-то истина.... Такъ и быть, согласимся; но раждается вопросъ, съ которымъ нельзя не обратиться къ соглашающемуся: понятно ли ему, съ чѣмъ онъ согласился? Мы думаемъ, что согласившемуся съ авторомъ, на основаніи этого его положенія, рѣшительно не понятно, съ чѣмъ онъ согласился, и причина тому очень простая:

потому что и у автора вовсе не выраженъ смыслъ его положенія.

Прежде всего, желательно знать, что авторъ разумѣетъ подъ словами: *въ психологическомъ отношеніи?*—Быть можетъ то, что всѣ душевные процесы и отправленія составляютъ дѣло одной и тойже души, или что они происходятъ не отъ самодѣятельности душевной, но просто отъ обыкновеннаго сцѣпленія впечатлѣній. Но чтоже тутъ важнаго, и какой тутъ смыслъ въ этомъ изолированномъ, двустрочномъ, отрицательномъ положеніи? Ровно никакого. Вѣдь смыслъ только тогда бываетъ, когда показано отношеніе чего-либо одного къ чему либо другому; тоже самое и здѣсь. О смыслѣ можно бы было говорить, если бы показано было, *во первыхъ*, отношеніе *памяти, воображенія*.... съ одной стороны къ самому душевному агенту, а съ другой—и къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, т. е. въ душевномъ ли агентѣ ихъ основа, или только во внѣшнихъ впечатлѣніяхъ; *во вторыхъ*, когда показано было бы и ихъ (т, е. памяти, воображенія и т. д.) взаимное отношеніе—что онѣ такое? Способности ли, или только частныя, послѣдовательныя функціи одного общаго отправленія, свойственнаго душевному агенту?—Тогда только, если-бы всѣ эти отношенія были выяснены, можно было бы говорить, какой онѣ имѣютъ смыслъ. А такъ читатель ровно ничего не пріобрѣтаетъ, кромѣ словъ. Но пойдемъ далѣе.

Противъ кого авторъ направляетъ этотъ свой отрицательный тезисъ?—Конечно, противъ германскихъ пси-

хологовъ. Но это снова доказываетъ, что автору крайне слабо извѣстна новѣйшая германская психологія; потому что нѣчто подобное именно и говорятъ германскіе психологи, съ тою разницею, что въ ихъ ученіи есть важный смыслъ, а въ словахъ автора объ этихъ способностяхъ ровно ничего нѣтъ.

Представимъ же теперь опять наши поясненія, что бы читатель могъ хотя сколько-нибудь видѣть, до какой степени авторъ, съ одной стороны слабо выполняетъ свою задачу, а съ другой—самонадѣянно относится къ унпчижаемымъ имъ психологамъ.

Когда авторъ ставитъ это свое отрицательное положеніе, то онъ, *во первыхъ*, ставитъ его противъ кого—то, онъ что-то опровергаетъ; *во вторыхъ*, онъ противопоставляетъ что-то, или опровергаетъ чѣмъ-то, что̀ уже выработано и принято, какъ лучшее. Пояснимъ оба пункта въ немногихъ словахъ, и дѣло будетъ понятно.

а) Итакъ, противъ кого авторъ возстаетъ? Что именно онъ опровергаетъ своимъ положеніемъ?

Тезисъ автора имѣетъ нѣкоторый смыслъ только въ то время, если его понимать, какъ возраженіе противъ прежней вольфіанской и отчасти канто-фризовской школы психологической. А обѣ эти школы отчасти сходно учили, что душа есть простая субстанція, надѣленная извѣстными способностями, теоретическими и практическими, и что эти способности (какъ это явственно высказано въ канто-фризовской школѣ) раздѣляются на два порядка или какъ бы на два слоя—верхній и ниж-

вій: низшій пластъ способностей приспособленъ къ чувственному міру, а высшій—къ идеальному или духовному. Тутъ сила дѣла въ томъ, что способности приписаны самой душѣ и что онѣ только приписаны душѣ, хотя вовсе не видно, какъ они соединены съ самымъ понятіемъ субстанціи, какъ простаго и не разрушаемаго существа. Между душою и способностями ей приписанными не видно никакой связи. Вотъ противъ кого и противъ чего можетъ имѣть мѣсто двустрочная филиппика автора. Не спрашиваемъ о томъ, есть ли тутъ опроверженіе; ибо его нѣтъ. Но умѣстно ли оно, идетъ ли оно къ задачѣ сочиненія, если бы оно и было? Вовсе не умѣстно; потому что эта теорія способностей вовсе не относится къ XIX вѣку, и никто ей не слѣдуетъ въ XIX вѣкѣ. Она принадлежитъ XVIII вѣку, а авторъ имѣетъ въ виду сопоставить послѣднія формаціи германской психологіи, т.е. XIX вѣка съ англійскою психологіею. Зачѣмъ же выставлять эту теорію, какъ германскую XIX вѣка, когда ее вовсе нѣтъ у психологовъ XIX вѣка. Если бы авторъ изучилъ духъ всей психологіи германской XIX вѣка, или вообще движеніе психологическихъ идей въ XIX в., то онъ именно указалъ бы и долженъ былъ бы указать на отличіе его отъ прежнихъ идей психологическихъ и разсмотрѣлъ бы именно то, что̀ говорилось объ этомъ предметѣ самаго замѣчательнаго въ XIX вѣкѣ.

б) Чтоже авторъ противопоставляетъ этому уже давнымъ—давно несуществующему взгляду на способности души? Читатель конечно долженъ ожидать, что коль ско-

ро авторъ такъ уничижаетъ германскую психологію XIX вѣка, то онъ противопоставитъ ей такой взглядъ на способности души, до котораго она еще не дошла и котораго не могла еще выработать. Ничего не бывало. Хотя авторъ прямо и не говоритъ, какой именно взглядъ на способности души онъ противопоставляетъ, какъ лучшій, но изъ этого мѣста и многихъ другихъ ясно видно, что онъ принимаетъ тотъ взглядъ на способности души, въ которомъ эти способности не признаются. И этого достаточно; потому что отрицаніе прежняго (XVIII в.) ученія о способностяхъ выработалось преимущественно и почти единственно въ Германіи. Стôитъ теперь, хотя бы коротенько разсказать главные оттѣнки этого отрицанія прежней теоріи, и читатель убѣдится, до какой степени странна ученая критика автора, который опять беретъ въ Германіи же наилучше выработанный результатъ, и затѣмъ, якобы своимъ хочетъ поразить германскую психологію, и при томъ въ такомъ видѣ, котораго, какъ мы сказали, давно уже, не менѣе 70 лѣтъ, не существуетъ. И такъ, перескажемъ, какъ можно короче, новый взглядъ германскихъ психологическихъ школъ въ XIX в. на способности души. Этотъ новый взглядъ психологическій на способности души часто былъ въ тѣсной связи съ новыми понятіями о жизни и духѣ вообще, или съ понятіями метафизическими; но не будемъ выступать за предѣлы психологическіе для большей краткости.

Мы уже знаемъ, что подъ вліяніемъ декарто-вольфіанскихъ началъ, о которыхъ мы упоминали выше, душу

и тѣло понимали какъ двѣ отличныя, отдѣльныя другъ отъ друга и противоположныя субстанціи, а потому, сперва говорили о свойствахъ вещества и всего тѣлеснаго, а потомъ, о свойствахъ и способностяхъ, принадлежащихъ душѣ. Нынѣшняго понятія въ философіи о цѣлостной душевно-тѣлесной жизни, о ея процессѣ и развитіи, о процессѣ и развитіи души еще не было и не могло быть; потому что для понятія подобнаго процесса и развитія, нужны не двѣ отдѣльныя другъ отъ друга, противоположныя и какъ-бы готовыя субстанціи, но какое-то, еще требующее объясненія, дѣятельное соотношеніе между началомъ формирующимъ и матеріаломъ формируемымъ. Тутъ-то и вкоренилось понятіе о способностяхъ души отдѣльно отъ тѣла и размѣщенныхъ въ готовомъ видѣ, подобно горошинамъ въ мѣшкѣ.

Германскій идеализмъ (Фихте, Шеллингъ и особенно Гегель и его школа), первый въ началѣ XIX вѣка начинаетъ существенную перемѣну въ понятіяхъ о душѣ и способностяхъ души. Въ основаніи этой перемѣны, онъ ставитъ иное понятіе одухѣ и веществѣ, о душѣ и тѣлесномъ организмѣ. Подъ душевно-тѣлеснымъ существомъ человѣка, онъ понимаетъ не соединеніе, не пребываніе и сосуществованіе двухъ противоположныхъ субстанцій, но такое непрерывное дѣйствіе дѣятельнаго идеальнаго начала въ тѣлесности съ первымъ же ея появленіемъ, въ силу котораго оно непрерывно и постепенно одолѣваетъ инерцію тѣлесности, все больше и больше обнаруживаетъ свое могущество, свое при-себѣ (даже въ своемъ отношеніи

къ другому, къ тѣлесности) пребываніе, свою неодолимость для чего-то кажущагося намъ только противоположнымъ, пока въ высшемъ, разумномъ сознаніи человѣка достигнетъ полнаго самовѣдѣнія и самообладанія. Вотъ въ немногихъ словахъ мысль, легшая въ основаніе психологическаго германскаго идеализма, называемаго абсолютнымъ, на томъ основаніи, что этотъ взглядъ на отношеніе двухъ сторонъ нашего существа, онъ выводилъ изъ аналогическаго процесса абсолютной идеи или міроваго духа и его дѣйствительнаго отношенія къ имъ же поставленному инобытію или къ вещественной природѣ.

Послѣ 30-тыхъ годовъ абсолютный идеализмъ палъ, но сущность его взгляда, какъ принадлежность XIX вѣка, на душевно-тѣлесную жизнь и на такъ-называемыя способности души, остался, хотя и получилъ у послѣдователей психологическаго идеализма нѣкоторыя измѣненія. Сущность же его взгляда состояла въ томъ, что такъ называемыя способности—собственно не способности, неизвѣстно какъ соединенныя съ простою субстанціею души, но послѣдовательныя функціи, отправленія дѣятельнаго душевнаго начала, состоящія въ томъ, что въ выполненіи ихъ онъ постепенно одолѣваетъ данный ему матеріалъ и непрерывно подвигается впередъ къ высшей степени самосознанія и самообладанія въ разумѣ и разумной волѣ. Способности—это какъ-бы частныя, послѣдовательныя функціи одной общей функціи, и потому, онѣ не безсвязны съ душевною жизнію (какъ способности съ простотою души), но прямо слѣдуютъ изъ

свойства этой жизни, и имѣютъ внутренно-присущую имъ цѣль.

Съ этимъ совершенно новымъ понятіемъ о способностяхъ, въ первый разъ высказаннымъ Фихте ст., неразрывно было и его слѣдствіе: коль скоро душа не есть только субстанція, но дѣятельный процессъ ея энергіи, предполагающій нѣчто другое, вещное, и, какъ *субъектъ* имѣетъ дѣло борьбы съ нимъ, какъ *объектомъ*, въ чемъ и состоитъ собственно развитіе самосознанія и самообладанія, то понятно, что самое низшее отправленіе душевнаго агента, не можетъ быть безсвязнымъ съ самымъ высшимъ въ разумѣ и чуждымъ ему: между ними есть единство склада и общей задачи. Значитъ, въ самомъ низшемъ отправленіи душевномъ долженъ быть зародышъ высшаго, какъ въ яблочномъ зернѣ, брошенномъ въ землю, есть зародышъ будущей яблони и яблока. Вотъ общій смыслъ сформировавшагося положенія, которое какъ-то очень темно у автора, что въ высшихъ душевныхъ отправленіяхъ, на прим., въ фантазіи, разсудкѣ и разумѣ, нѣтъ чего нибудь совершенно новаго въ сравненіи съ низшими; потому что и тамъ и здѣсь—непрерывная борьба и какъ-бы ассимилированіе объекта субъектомъ. Вотъ откуда понятенъ и смыслъ словъ, сказанныхъ Фихте (старшимъ), что между *побужденіемъ* (Trieb) и *разумомъ* (Vernunft) есть внутренняя связь. Общій смыслъ этой связи между ними можетъ быть именно только въ то время, когда мы признаемъ сходство общаго склада сознательной душевной жизни на низшей и высшей ея степени,

т. е. что —эта жизнь, какъ *субъектъ*, всегда имѣетъ дѣло съ *объектомъ* и какъ бы борется съ нимъ, стараясь одолѣть его и усвоить себѣ, и что это соотношеніе субъекта къ объекту повторяется какъ въ побужденіи и разумѣ, такъ и въ цѣломъ послѣдовательномъ порядкѣ способностей души, только въ различной формѣ, въ различной степени силы и совершенства. Здѣсь же основаніе и новому понятію объ *апріорности* или о врожденности законовъ теоретической и практической дѣятельности.

Этотъ взглядъ остался потомъ господствующимъ и во всѣхъ дальнѣйшихъ формаціяхъ психологическаго идеализма; существуетъ онъ теперь и въ послѣдней формаціи его, а именно, въ такъ называемомъ *идеальномъ реализмѣ*, къ которому присталъ отчасти и Вундтъ. Прежнее понятіе о душѣ, какъ субстанціи и ея способностяхъ,—никто и нигдѣ въ Германіи въ XIX вѣкѣ не повторяетъ. Вотъ этотъ-то новый взглядъ на способности души, какъ на послѣдовательныя частныя функціи одного общаго отправленія, свойственнаго душевной жизни, сформировавшійся преимущественно въ Германіи' автору и слѣдовало основательно разобрать, если онъ желалъ изобразить основной типъ психологическаго направленія XIX вѣка въ Германіи, долгое время преобладавшій, да и теперь, хотя въ измѣненномъ видѣ, имѣющій значительное количество послѣдователей. Тогда только, сопоставивши его со взглядомъ англійскихъ психологовъ, можно было бы видѣть, въ чемъ состоитъ существенное различіе между двумя школами психологовъ.

Главное, что потребовало бы особеннаго вниманія при этомъ сравненіи, касается вопроса: можно ли и должно ли, при изображеніи разнообразныхъ проявленій сознательной душевной жизни, принимать во вниманіе, кромѣ ихъ преемственной послѣдовательности, еще и внутреннюю, присущую имъ и движущую ихъ цѣль, т. е., кромѣ причинной связи между ними, еще и связь ихъ телеологическую? Тутъ, по нашему мнѣнію, самый главный пунктъ различія между германскими психологами, по крайней мѣрѣ съ идеалистическимъ направленіемъ, и англійскими. Кромѣ того, при оцѣнкѣ телеологическаго объясненія душевныхъ проявленій, должно имѣть въ виду, что оно было неодинаково, по своей исходной точкѣ опоры, и въ средѣ германскихъ психологовъ. У последователей абсолютнаго германскаго идеализма оно опирается на чисто-умозрительной идеѣ общаго развитія, свойственнаго мiровому духу; а у идеалистовъ позднѣйшихъ оно гораздо проще и ограничивается только индивидуальными предѣлами душевной жизни въ человѣкѣ, анализомъ и изученіемъ ея въ этихъ предѣлахъ.

Но не одни представители германскаго психологическаго идеализма уже совершенно чужды прежняго понятія о способностяхъ души: чужды его, какъ мы уже выше сказали, и послѣдователи психологическаго реализма. Стоитъ только принять во вниманіе то, что высказано главными изъ нихъ—Гербартомъ и Бенеке, и близость ихъ не къ XVIII, а къ XIX вѣку будетъ очевидна. Ибо что они говорятъ? Гербартъ для поверхностнаго

взгляда покажется вольфіанцемъ, но въ сущности онъ вовсе не сходенъ съ нимъ; потому что хотя онъ и признаетъ душу монадою или какъ-бы субстанціею, но способности означаютъ у него вовсе не то, что у Вольфа. Способности у него не принадлежатъ монадѣ; въ нихъ содержатся только различныя сочетанія представленій т. е. процессъ и степени этихъ сочетаній; происходятъ же изъ представленія не монады душевной, а сами собою, чрезъ взаимное сцѣплевіе, давленіе и отторженіе перцепцій на полѣ сознанія. Тоже самое должно сказать и о Бенеке; потому что и у него способности души вовсе не какія-нибудь принадлежности душевной субстанціи. Въ нихъ заключаются только различныя степени и формы сочетанія нашихъ перцепцій и представленій: опять процессъ, а не готовыя способности души. Даже если нѣкоторые психологи реалистическаго направленія употребляютъ въ примѣненіи къ психической жизни понятіе *превращенія силъ*, то и это только подтверждаетъ, что въ XIX в. психологи совершенно чужды прежнихъ понятій о способностяхъ души, и что они понимаютъ ихъ только какъ степени процесса нашей душевно-тѣлесной жизни; только по однимъ, этотъ процессъ начинается изъ-внутрь, и тутъ имѣетъ свою точку опоры, а по другимъ онъ происходитъ только отъ внѣшнихъ впечатлѣній и отъ собственнаго соотношенія представленій, безъ участія какой нибудь самодѣятельности душевнаго агента.

Теперь, надѣемся, читателю понятна безсодержательность фразы автора, что и *память, воображеніе и т. д. не представляютъ въ себѣ ничего особеннаго въ психологи-*

ческомъ отношеніи; прочитавши эти строки, читатель рѣшительно не пріобрѣтаетъ никакого понятія о способностяхъ души, да и вовсе не знаетъ, что́ именно высказываетъ авторъ.

в) Но быть можетъ, авторъ, отрицая что-либо особенное *въ памяти, воображеніи, въ разсудкѣ въ психологическомъ отношеніи*, разумѣлъ эти слова такъ, что въ нихъ, какъ и вообще въ высшихъ теоретическихъ и практическихъ проявленіяхъ душевной жизни, нѣтъ ничего такого, что дало бы основаніе какъ бы раздвоять внутреннее существо человѣка. Но это уже само собою слѣдуетъ изъ предыдущаго, коль скоро тамъ сказано, что высшее въ связи съ низшимъ. Нужно только не забывать, что признаніемъ связи между низшими и высшими способностями души, вопросъ не только не получаетъ еще окончательнаго рѣшенія, но и не объясняется. По нашему мнѣнію, когда мы утверждаемъ, что между началомъ и концомъ душевной жизни, между низшими и высшими ея отправленіями, есть внутренняя связь и аналогія, то этимъ еще не опредѣляется точно соотношеніе между ними; потому что хотя бы въ побужденіи и былъ зародышъ разума; однако никтоже не скажетъ, что между прыжками и кваканьемъ лягушки и танцемъ и пѣніемъ геніальной артистки, нѣтъ никакой разницы. Разница есть, и никто, со здоровою головою на плечахъ, отвергать ея не станетъ; но тутъ описанія разницы мало; да оно и не трудно; нужно добыть начало, чтобы осмыслить эту явственную разницу, не нарушая связи

и единства жизни (т. е. въ сущности совмѣстить монизмъ и дуализмъ). Мы не беремся за окончательное рѣшеніе этого вопроса, и, вполнѣ сознавая всю его важность и серьозность, постараемся въ немногихъ словахъ только объяснить его.

Мы сказали, что при всей связи и сходствѣ между низшими и высшими отправленіями душевной жизни, между ними есть различіе, и притомъ въ восходящемъ порядкѣ; то есть чѣмъ выше, тѣмъ рѣзче становится различіе, такъ что, наконецъ, не смотря на требованіе единства жизни, замѣчается не одно признаніе различія, но и какой-то приливъ къ одному причинному теченію явленій новой причинности. Приведемъ послѣдовательные примѣры: и животное, подобно человѣку, имѣетъ внутреннія перцепціи, подъ вліяніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ раздраженій, даже нѣчто подобное нашимъ представленіямъ, и узнаетъ въ нихъ либо тождество, либо несогласіе, при повтореніи впечатлѣній; но какая разница между перцепціями и ихъ сочтаніями у животнаго и у человѣка; тамъ онѣ совершаются пассивно, вовсе не перерабатываются въ болѣе и болѣе сложныя представленія, не переходятъ въ отвлеченныя, свободно и намѣренно составляемыя понятія; самое соединеніе или раздѣленіе представленій состоитъ только въ простомъ пассивномъ узнаваніи ихъ, т. е. въ признаніи, или въ не признаніи ихъ тождества въ данномъ случаѣ, тогда какъ у человѣка, кромѣ пассивнаго полученія перцепцій, есть и самодѣятельная непрерывная ихъ переработка, и са-

мое признаніе или непризнаніе тождества перцепцій, представленій, понятій также бываетъ не только пассивное, единичное, непосредственное, но совершается при посредствѣ ясно и опредѣленно понимаемаго, нерѣдко самаго обширнаго и длиннаго ряда среднихъ терминовъ, наприм. въ математическихъ вычисленіяхъ. Ясно, что тутъ отличительная черта цѣлаго ряда подобныхъ психическихъ проявленій у человѣка, состоитъ не въ одной большей ихъ сложности, не въ одномъ комбинированіи внутреннихъ операцій соотвѣтственно цѣпи внѣшнихъ событій (какъ думаетъ, по видимому, Спенсеръ; см. его трактатъ: *разумъ*), но въ чемъ-то другомъ, а именно, въ какой-то высшей, новой формѣ духовнаго *субъекта* и его соотносящей дѣятельности, его, при соотношеніи *къ объекту*, возрастающаго самосознанія и самообладанія, которое чѣмъ дальше, чѣмъ выше, становится все раздѣльнѣе, шире, глубже и самодѣятельнѣе. Коль скоро такъ, а оно дѣйствительно такъ, то никакъ нельзя сказать, что тутъ ничего нѣтъ новаго въ сравненіи съ животными въ психологическомъ отношеніи, что и тамъ, и здѣсь всѣ отправленія психическія одинаково составляютъ результатъ однихъ впечатлѣній внѣшнихъ. Не только у человѣка, но и у животныхъ, субъектъ не можетъ произойти отъ субъекта; а потому, не смотря на требуемое нашею мыслію единство даже цѣлаго космоса, нельзя остановиться на одномъ этомъ отвлеченномъ единствѣ; но необходимо признать въ этомъ развитіи психическаго субъекта, въ его отношеніяхъ къ объекту, появленіе по-

выхъ степеней его соотносящей дѣятельности изъ предпосланныхъ и невѣдомыхъ намъ основъ жизни.

Точно къ такому же заключенію необходимо придти, когда станемъ разсматривать *память*, и особенно *воображеніе* (активное) *и разумъ*. И у человѣка, и у животныхъ есть припоминаніе, по данному поводу, бывшихъ когда то перцепцій и представленій. Такъ напр. животное, почувствовавши голодъ, бѣжитъ туда, гдѣ оно прежде находило пищу. Человѣкъ, въ отличіе отъ животнаго, можетъ припоминать даже цѣлые, огромные ряды бывшихъ представленій и словъ въ томъ порядкѣ, какъ они прежде были намъ даны. Положимъ, что въ этомъ пассивномъ припоминаніи цѣлыхъ рядовъ бывшихъ представленій, нѣтъ еще ничего рѣзко выдѣляющагося въ качественномъ отношеніи отъ припоминанія у животныхъ, хотя и это невѣрно. Но есть видъ памяти у человѣка, въ которомъ она принимаетъ новый, высшій, активный характеръ. Примѣръ такого высшаго вида непрерывно повторяется, когда мы по данному поводу, или по собственному усмотрѣнію, въ нашей длинной рѣчи можемъ воспоминать цѣлую массу представленій и словъ не въ томъ порядкѣ, какъ мы ихъ заучили, но въ томъ какого требуетъ сознанная нами цѣль рѣчи. Тутъ психическій субъектъ еще рѣзче проявляетъ свои отношенія къ объекту и свое владычественное отношеніе къ нему.

Еще явственнѣе подобное отношеніе субъекта къ объекту обнаруживается въ дѣятельности активнаго воображенія и разума. Въ активномъ, художественомъ

воображенія мы не только произвольно соединяемъ и раздѣляемъ различные образы конкретныхъ предметовъ, наприм. крылья орла и туловище лошади, но употребляемъ ихъ еще, какъ орудіе, знакъ и символъ цѣльной, сознательной мысли. Также рѣзко проявляется нѣчто новое въ дѣятельности разума въ сравненіи съ одною координаціею перцепцій по данной координаціи вещей; ибо разумъ можетъ создать цѣлую систему представленій и понятій новую въ сравненіи съ тою суммою перцепцій и ихъ порядковъ которая ей предшествовала.

Но въ особенности рѣзко обнаруживается нѣчто новое въ человѣческой поэтической природѣ въ сравненіи съ животными, такъ-какъ въ его поэтической природѣ заключается корень и его теоретическихъ особенностей. Въ примѣръ можемъ привести способность человѣка къ чувству совѣсти и стыда. Глубокій смыслъ скрывается въ способности къ тому и другому чувству. Ибо что показываетъ противоположноть стыду и совѣсти, т. е. безстыдство и безсовѣстность? То, что существо, въ которомъ проявляется безстыдство и безсовѣстность, рабски вплетено только въ причинное теченіе явленій и дѣйствуетъ только по внутреннему толчку—въ страсти, и внѣшнему въ ударѣ. Но коль скоро приходитъ чувство совѣсти и стыда, то это—явственный признакъ, что существо, надѣленное имъ, хотя и вплетено въ причинный порядокъ явленій, но въ тоже время выше его, и можетъ какимъ-то образомъ сознавать, что оно именно выше его; можетъ какимъ-то образомъ (еще требующимъ объясне-

нія), нисколько не нарушая единства міровой жизни, быть причиною другаго ряда явленій, по собственному самосознанію или по самостоятельному сознанію ихъ смысла и цѣли. Вотъ гдѣ глубокая причина многихъ самыхъ обыкновенныхъ явленій между правильно-образованными людьми: человѣкъ прикрываетъ свою наготу, а животное ее не чувствуетъ; человѣкъ иначе относится къ половому процессу, нежели животное: онъ есть и у животныхъ, и у человѣка; но у человѣка стыдъ, соединенный съ этимъ процессомъ, и безъ словъ выражаетъ, что въ немъ—только дань причинному теченію явленій; но что эта дань не исчерпываетъ всей задачи и смысла человѣческой жизни. Разумѣется, могутъ быть люди совѣстливые и безстыдные, могутъ быть даже цѣлыя эпохи нѣкотораго безстыдства и безсовѣстности; но это нисколько не умаляетъ значенія чувства стыда и совѣсти, какъ не умаляетъ его и то, что животныя не имѣютъ ни стыда, ни совѣсти. Только съ такой точки зрѣнія получаютъ правильный смыслъ и всѣ проявленія нашей психической природы. Такъ, напримѣръ, положимъ, что по закону единства жизни, *борьба за существованіе* есть не только между животными, но и въ мірѣ человѣческомъ; но это единство нисколько не противорѣчитъ тому, что борьба за существованіе можетъ у человѣка принять совершенно иной характеръ, вовсе не сходный съ животнымъ. Тамъ въ средѣ, подчиненной животнымъ инстинктамъ, борьба за существованіе состоитъ въ употребленіи лапы, когтей, плутовства и разбоя; здѣсь,—не-

ревѣсъ силы состоитъ въ обаятельныхъ свойствахъ умственнаго и нравственнаго совершенства, дѣлающаго личность невольнымъ притягательнымъ центромъ другихъ силъ, а притомъ совершенно свободныхъ.

Изъ сказаннаго нами уже достаточно видно, что подобные смѣлые приговоры, нивеллирующіе всѣ проявленія душевной жизни и состоящіе изъ двухъ трехъ строкъ, въ ученомъ сочиненіи, вовсе неумѣстны, и вовсе не сооотвѣтствуютъ его цѣли. Понятно также, что вопросъ о взаимномъ отношеніи такъ называемыхъ способностей души и особенно низшихъ и высшихъ, въ тѣсной связи съ общимъ понятіемъ о происхожденіи и взаимномъ соотношеніи всѣхъ царствъ природы и ихъ видовъ, а потому, онъ существуетъ, въ другой формѣ, и въ естествознаніи. Такъ, напримѣръ, когда ведется споръ о значеніи *generatio æquivoca и generatio ex ovo*, то въ этомъ спорѣ одна сторона полагаетъ, что въ организмѣ все происходитъ только по законамъ физическаго и химическаго сочетанія веществъ, а другая находитъ въ организмахъ нѣчто непроизводное изъ этого сочетанія *). Повторяемъ, что мы нисколько не претендуемъ, что авторъ слѣдуетъ такому или другому направленію по взглядѣ на соотношеніе между способностями души. Мы думаемъ только, что голословное положеніе о единствѣ жизни вообще, какъ и отправленій жизни душевной, ничего не содержитъ въ себѣ, кромѣ безсодержательнаго отвлеченія, ничего не объясняющаго.

*) Къ подобному же роду споровъ относится и разногласіе въ сужденіи о дарвиновомъ происхожденіи видовъ.

Смыслъ самаго единства жизни можетъ объясниться только подъ тѣмъ условіемъ, когда основательно будетъ понято, какое именно различіе привходитъ къ каждой высшей степени ея въ сравненіи съ низшею.

IV.

Каково же слѣдующее за психологическимъ анализомъ изображеніе главныхъ направленій германской психологіи XIX вѣка (307—658)? Надобно отдать справедливость автору въ томъ отношеніи, что въ его очеркѣ психологіи кантовской школы, особенно Гербарта и Бенеке, видны слѣды внимательнаго изученія*). Чтобы сдѣ-

*) Замѣтить впрочемъ должно, что подробность изложенія кантовской психологіи не избавила автора отъ крупныхъ ошибокъ. Приведемъ теперь для примѣра только одно мѣсто. На стран 420-1-й авторъ говоритъ, что у Канта „Божество, разсматриваемое съ точки зрѣнія аналитической, есть только полный объемъ того, что мы называемъ явленіями —вселенная взятая въ цѣломъ и разсматриваемая въ системѣ; такое объясненіе достаточно убѣждаетъ насъ, что Кантъ благоговѣлъ передъ созерцаніями Спинозы; потому что скопировалъ своего Бога съ его „абсолютной субстанціи." Какими послѣдствіями сопровождалась подобная „спекулятивная" теорія божества, мы поймемъ, припомнивши Божество Гегеля, какъ „систему абсолютнаго знанія"—Не понимаемъ, какимъ образомъ авторъ, такъ категорически высказываетъ самыя ошибочныя и произвольныя понятія о Кантѣ. Отличительная черта Канта, въ отношеніи къ Спинозѣ и позднѣйшимъ идеалистамъ, заключается именно не въ томъ, что приписываетъ ему авторъ, а въ томъ, что не только въ понятіи о Божествѣ, но и о безсмертіи души онъ удерживается на точкѣ зрѣнія, такъ называемой *теистической*, т. е. на точкѣ зрѣнія общаго здраваго смысла. Божество у Канта есть существо премудрое, всемогущее и всеблагое, а не *вселенная взятая въ цѣломъ*. И это усиліе Канта—удержать здравомыслящее направленіе въ понятіи о Божествѣ находится у

лать подобное изложеніе каждаго психологическаго ученія, нуженъ долговременный ученый трудъ. Къ сожалѣнію, едвали не этою только даже излишнею подробностію въ изложеніи психическаго ученія Гербарта, Бенеке и кантовской школы и ограничивается свѣтлая сторона историко-критическвго изслѣдованія о направленіяхъ германской психологіи. Въ цѣломъ, крайне трудно признать весь этотъ огромный отдѣлъ соотвѣтствующимъ своей цѣли.

И во первыхъ, не извѣстно, почему это изображеніе главныхъ направленій германской психологіи начинается идеализмомъ; такъ-какъ психологія нѣмецкаго идеализма слѣдовала послѣ критической философіи Канта, и самый внутренній складъ идеалистической психологіи получилъ свои опредѣленныя очертанія только подъ вліяніемъ новыхъ стремленій, вызванныхъ философіею Канта. При объясненіи какого бы то ни было замѣчательнаго направленія философіи, какъ и жизни, весьма много зна-

него въ связи съ тою особенностію его ученія, что онъ отказывается разсматривать міръ, какъ выраженіе самаго Божества и его природы. Онъ ограничивается только тѣмъ, что указываетъ въ нашей нравственной природѣ требованіе идеи Бога, какъ верховнаго законодателя и судіи, а въ цѣлесообразномъ устройствѣ міра—премудраго создателя. Точнымъ знаніемъ понятій первостепенныхъ мыслителей пренебрегать не должно; изъ отдѣльныхъ понятій слагается система, а духомъ системы потомъ объясняется ихъ вліяніе на понятія о правѣ, нравственности, искусствѣ и т. далѣе. Больше распространяться мы не будемъ, и отсылаемъ къ кантовой критикѣ практическаго разума и телеологическаго сужденія. См. еще Философ. Лексиконъ, III-й томъ, 1866, Кіевъ, стран. 69 и 84.

чить какъ можно точное знаніе тѣхъ особенностей предшествовавшаго направленія, которыми вызвано было сознаніе потребности иного направленія, новой постройки философской системы. Безъ знанія внутренняго происхожденія новаго направленія, оно уже не можетъ быть понято какъ должно, какъ того требуетъ научное знаніе Чтобы убѣдиться въ неестественности исходнаго начала нѣмецкой психологіи, сдѣланнаго авторомъ, достаточно обратить вниманіе на первыя же страницы, гдѣ излагается происхожденіе идеализма Фихте и Шеллинга. Авторъ пріурочиваетъ идеализмъ Фихте(старш.) къ Беркли. Но во первыхъ, между идеализмомъ Беркли и Фихте нѣтъ никакой исторической связи; во вторыхъ, самое различіе между однимъ идеализмомъ и другимъ такъ велико, что смѣшивая ихъ, мы уже не поймемъ ни задачи, ни внутренняго строя нѣмецкаго идеализма. Беркли настаивалъ только на томъ, что познаніе внѣшняго міра зависитъ не отъ этого міра и не привносится намъ отъ него, но что оно зависитъ отъ духа; внѣшнему же міру свойственна только познаваемость, свойственно только быть предметомъ познанія (percipi); онъ какъ бы ставилъ только бытіе духа, тогда какъ все внѣ его, все познаваемое имъ какъ-бы отсѣкалъ и уничтожалъ; тогда какъ у идеализма, возникшаго въ видѣ противодѣйствія Канту, задача иная;онъ усиливается уловить самый процессъ происхожденія изъ самодѣятельности духа всѣхъ формъ и всѣхъ степеней знанія и жизни: Фихте сразу не ограничивается только утвержденіемъ бытія нашего Я или

абсолютнаго Я, но тутъ же изъ самаго этого Я онъ выводитъ НЕ Я или объектъ и всевозможныя отношенія къ нему теоретическія и практическія нашего Я. Разница большая; а потому, и объясненіе Фихтева идеализма идеализмомъ Беркли совершенно безполезно и не естественно. Германскій абсолютный идеализмъ прямо вышелъ изъ кантовской философіи, или по крайней мѣрѣ образовался подъ ея вліяніемъ. Вмѣсто непримиреннаго двойства знанія и жизни, поставленнаго Кантомъ, этотъ идеализмъ думалъ произвести изъ одной самодѣятельности духа всѣ полюсы жизни. А потому, смыслъ его былъ бы понятенъ только въ то время, когда и въ немногихъ словахъ, было бы высказано, что̀ именно было въ критической философіи, вызвавшаго такія напряженныя усилія нѣмецкаго идеализма XIX вѣка (313—314). Какъ мало авторъ обращаетъ вниманія на внутреннія основанія въ критической философіи, изъ которыхъ выросъ потомъ германскій идеализмъ, видно изъ того мѣста (317), гдѣ только вскользь говорится о причинахъ несходства между идеализмомъ Фихте и Шеллинга; такъ-какъ идеализмъ перваго закончен былъ въ то время, когда Кантъ не успѣлъ еще издать своей критики способности сужденія, а идеализмъ втораго образовался уже послѣ выхода въ свѣтъ этой критики. Авторъ нисколько не объясняетъ внутренней связи между отличительнымъ характеромъ того и другаго идеализма и тремя частями критической философіи *), и въ добавокъ, опять даже не вы-

*) На стран. 317 у автора говорится, „что Фихте за-

держиваетъ серьезнаго тона изслѣдованія. Какъ бы кто ни относился къ такому или иному направленію философскихъ системъ, но когда мы избрали задачею изслѣдовать—какими послѣдствіями на такую или другую науку обнаружилось вліяніе какой-либо философской системы, то первымъ дѣломъ должна быть вѣрная хотя бы и краткая передача сперва непосредственнаго содержанія системы и, за тѣмъ, ея внутренняго смысла въ примѣ-

кончилъ построеніе своего наукословія, не успѣвши ознакомиться съ другими сочиненіями Канта. По Шеллингу, изучившему Кантову критику *способности сужденія*, тотъ же чудный органъ открылъ еще данныя для философіи природы и искусства". Здѣсь только по видимому показывается связь между философіею Канта, а Фихте и Шеллинга; но если бы сказано было сперва, каково было содержаніе тѣхъ частей критической философіи, съ которыми Фихте успѣлъ ознакомиться, и каково содержаніе той части критической философіи, которою позднѣе могъ воспользоваться только Шеллингъ; то тотчасъ была бы ясна внутренняя связь Шеллинга и Фихте съ Кантомъ. Фихте до изданія „Наукословія" зналъ только *критику чистаго* и *критику практическаго* разума, а такъ—какъ въ первой критикѣ Кантъ доказывалъ только то, что формы и категоріи намъ прирождены, а содержаніе къ нимъ привносится отвнѣ, а во второй—что и нравственное сознаніе долга намъ прирождено и противостоитъ влеченіямъ природы, то Фихте и направилъ все къ тому, чтобы вывести эти противоположности изъ одного Я. Въ критикѣ же *способности сужденія*, вышедшей въ свѣтъ послѣ предъидущихъ критикъ, Кантъ, между прочимъ доказывалъ, что въ устройствѣ нѣкоторыхъ произведеній природы есть цѣлесообразность, но что идею цѣлесообразности, какъ произведеніе разума мы не можемъ примѣнять къ цѣлому міру. Подъ вліяніемъ этой критики и изъ противодѣйствія ей Шеллингъ сталъ доказывать полную гармонію въ мірѣ порядка механическаго и цѣлесообразнаго.—Знаніе внутренней связи между историческими явленіями очень важно. Она объясняетъ внутреннюю логику исторіи.

ненія къ главнымъ вопросамъ этой науки. Каждая система философская въ результатѣ препровождаетъ къ какому нибудь опредѣленному взгляду на дѣятельность познавательную, художественную, нравственную, на отношеніе міра физическаго къ нравственному, на понятіе права и нравственности и т. д. Эти-то именно выводы и нужно имѣть въ виду при изслѣдованіи вліянія нѣмецкаго идеализма и на психологію. Но авторъ мало обратилъ вниманія на эту внутреннюю связь между направленіемъ философскихъ системъ и психологіи; а начавши прямо съ психологіи нѣмецкаго идеализма уже рѣшительно не могъ выяснить, почему послѣ Канта этотъ идеализмъ такъ налегалъ на гармонію духа и природы, жизни физической и нравственной. Безъ знанія внутренняго склада философской доктрины, оттѣняемаго направленіемъ другой доктрины, не стало и внутренняго, если можно такъ сказать, остова, на которомъ могли бы держаться подробности трактата объ идеализмѣ: вездѣ у автора замѣтно преобладаніе какого-то разбѣгающагося разсказа, удаленіе отъ центральныхъ мыслей и слабость въ связываніи подробностей единствомъ крѣпкой мысли.

Непонятно также, на какомъ основаніи авторъ посвящаетъ такъ много страницъ кантовской психологической школѣ (356—480), тогда какъ о психологическомъ германскомъ идеализмѣ говорится у него относительно слишкомъ мало (314—355). Кантовской психологіи (Кантъ жилъ въ XVIII вѣкѣ) собственно нельзя относить къ направленіямъ германской психологіи XIX вѣка: ея уче-

ніе о душѣ и о способностяхъ души, объ отношеніи между міромъ физическимъ и нравственнымъ, между тѣломъ и душою до такой степени носитъ на себѣ слѣды прежней вольфіанской школы и такъ еще далеко отъ позднѣйшихъ понятій объ этихъ вопросахъ, что ей нельзя было давать такъ много мѣста въ ряду направленій XIX вѣка. Можно и должно было сказать и о кантовскомъ ученіи; но какъ и на сколько? Такъ и настолько, чтобы изъ его отвѣтовъ на вопросы о познаніи, объ отношеніи мышленія къ дѣйствительности, природы физической къ нравственной видно было потомъ, какъ совершалось зарожденіе новыхъ направленій философіи и психологіи. Но такое до утомленія растянутое и не сведенное ни къ чему цѣлому изложеніе его психологическаго ученія ровно ничего не даетъ для уразумѣнія психологическаго идеализма XIX вѣка. Кантъ имѣетъ значеніе для XIX вѣка не положительное, а отрицательное, по той реакціи, которую онъ вызвалъ противъ себя въ силахъ идеализма. Даже Фризу, какъ послѣдователю въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, Канта, и какъ второстепенному дѣятелю, авторъ также напрасно позволилъ занять такъ много мѣста. Объ немъ можно было даже умолчать, или ограничиться самымъ краткимъ и сжатымъ упоминаніемъ. Психологія нѣмецкаго идеализма имѣетъ несравненно больше значенія для XIX вѣка, нежели кантовская. Долгое время она оказывала сильное вліяніе и имѣла много даже даровитыхъ представителей. Къ сожалѣнію авторъ не только мало удѣлилъ ей мѣста, но

и въ этомъ сравнительно краткомъ обьемѣ ограничился только бѣглымъ и поверхностнымъ разсказомъ, какъ и о кантовской психологіи, въ родѣ журнальной хроники, такъ что читатель не можетъ составить себѣ никакого цѣльнаго понятія о каждой изъ психологическихъ доктринъ идеализма. Каковы бы ни были его недостатки, но научный характеръ сочиненія требовалъ, чтобы показано было происхожденіе каждаго изъ его направленій, за тѣмъ, общій типъ его міросозерцанія и тѣ начала, какія вытекли изъ него для задачъ психологическихъ, и тогда уже критика сама собою вышла бы объективнымъ путемъ изъ самаго существа доктрины; но у автора до такой степени мало обращено вниманія на это разграниченіе понятій, такъ перемѣшано далекое съ близкимъ, идущее къ дѣлу съ лишнимъ, что даже сколько нибудь знакомый съ нѣмецкимъ идеализмомъ не въ состояніи составить себѣ изъ всего изложенія типическое понятіе о каждой идеалистичекой школѣ. Между тѣмъ, въ идеализмѣ XIX вѣка и въ разнообразныхъ его направленіяхъ есть своего рода глубокій смыслъ, есть между ними и внутренняя связь. Слѣдовало только точно опредѣлить то и другое, и недостатки ихъ обрисовались бы сами собою. Такъ, Кантъ признавалъ апріорность формъ чувственности (пространства и времени) и категорій разсудка и прирожденныя намъ способности разума теоретическаго и практическаго, не обращая еще вниманія на то, какъ формы и категоріи соединены съ нашимъ разумомъ или съ самою дѣятельностію познавательною,

какъ разумъ практическій или сознаніе нравственнаго долга возникаетъ изъ самаго развитія нашей внутренней природы, какъ, наконецъ, механизмъ, и разумный или цѣлесообразный порядокъ природы соединяются и образуютъ одно цѣлое. Оттого, и психологія въ его школѣ удержала прежній характеръ, когда разсуждали о простотѣ души, какъ субстанціи, и о ея способностяхъ, не обращая вниманія на то, какъ именно относится весь механическій или безотчетный ходъ развитія нашихъ внутреннихъ силъ къ сознательному, нравственному и разумному. Послѣ Канта выступаетъ Фихте; но онъ еще не обращаетъ вниманія на послѣдній не рѣшенный у Канта вопросъ объ отношеніи механическаго порядка природы къ цѣлесообразному. Фихте пытался дать лучшій, по своему разумѣнію, отвѣтъ на первые два вопроса, нерѣшенные у Канта, и выводилъ изъ идеальной структуры или дѣятельности нашего *Я*, предшествующей его явленію и не подлежащей непосредственному сознанію, съ одной стороны, формы и категоріи познавательной дѣятельности, съ другой—нравственное сознаніе долга. Это построеніе привело его къ довольно важной мысли для психологіи, хотя она и была поставлена только теоретически—что между механическимъ преемствомъ нашихъ внутреннихъ состояній и разумнымъ, между безотчетнымъ началомъ нашего психическаго развитія, *побужденіемъ* (Trieb) и его концомъ—*разумомъ* (Vernunft) есть внутренняя связь*). Онъ почти не имѣлъ прямыхъ

*) Здѣсь отдаленное основаніе новому понятію объ *ап-*

послѣдователей; по тѣмъ не менѣе, когда доктрина его введена, какъ звѣно въ общей цѣпи идеализма, то нельзя было ограничиться только самыми общими понятіями о содержаніи ея, но необходимо было упомянуть именно о томъ, что̀ изъ общаго фона его системы выдѣлялось и для психологіи. А мысль его довольно важна, она сразу въ зародышѣ обрисовываетъ духъ нѣмецкой психологіи XIX вѣка. Почему же такъ? Потому что Фихте въ первый разъ уже разсматриваетъ способности души не какъ способности, неизвѣстно какъ вяжущіяся съ простотою душевной субстанціи, но какъ стадіи или степени развитія душевнаго субъекта и его энергіи или мощи теоретической и практической надъ противостоящимъ ему и ограничивающимъ его объектомъ или НЕЯ—взглядъ оставшійся съ тѣхъ поръ, хотя и съ, различными видоизмѣненіями. Послѣ Фихте выступаетъ Шеллингъ и сообщаетъ новое направленіе идеализму, своеобразно отразившееся и въ психологіи. Распространяется объ немъ и почтенный авторъ (страи. 317......); но опять въ такихъ чертахъ, что едвали можно было давать имъ мѣсто на страницахъ труда, названнаго историко-критическимъ изслѣдованіемъ. Что̀ новаго внесъ идеализмъ Шеллинга въ сравненіи съ идеализмомъ Фихте, что новаго сообщилъ онъ для психологіи, въ сравненіи съ Фихте и Кантомъ, —этого вовсе не видно,—до такой степени какъ—то рас-

---

ріорности или врожденности законовъ теоретической и практической дѣятельности.

ходятся представленія и понятія во всѣ стороны. Между тѣмъ, различіе было довольно важное. Уже одно то, что Шеллингъ не ограничивался ни выводомъ предметнаго міра изъ внутренней, или, какъ говорятъ идеалисты, предъ-опытной (предшествующей явленію) структуры нашего Я, ни кантовскимъ отдѣленіемъ мысли отъ «вещи въ себѣ», но желалъ провести идею тождества между дѣятельностію духа и устройствомъ природы, уже одно это сообщило прежнему отвлеченному содержанію психологіи болѣе жизни, указаніемъ на соотвѣтствіе между организмами тѣлеснымъ и духовнымъ. Фихте умозрительно угадывалъ гармонію между безотчетною и разумною природою только въ насъ, въ составѣ нашей жизни; Шеллингъ старается найти задатки этого свойства нашей жизни еще дальше—во внѣшней природѣ или въ цѣломъ космосѣ. Отсюда произошла и большая, въ сравненіи съ прежнимъ, роль аналогическихъ сужденій. Здѣсь же прочное начало новаго понятія о взаимномъ отношеніи наукъ физическихъ и нравственныхъ. Прежде не было опредѣленнаго и такъ широко поставленнаго понятія о внутренней связи между ними; часто представляли себѣ ее только въ видѣ взаимной ихъ пользы. Но подъ вліяніемъ философіи Шеллинга, широко развилась новая мысль, что физическій міръ не составляетъ чего-нибудь только внѣшняго для духа и чуждаго ему, что физическая природа внутренно служитъ основою и орудіемъ всего нравственнаго и духовнаго. Такимъ образомъ, развилось новое жизненное понятіе объ отношеніи между

цѣлями духа и работою природы, между порядкомъ механическимъ и нравственнымъ, цѣлесообразнымъ, между естественнымъ развитіемъ общества и требованіями идеи права, между исторіею и географіею, между художественнымъ помысломъ и чувственнымъ его выраженіемъ и т. д. Много и много было страннаго въ его доктринѣ, какъ много бываетъ иной разъ сору при созданіи самаго миньятюрнаго художественнаго произведенія; но мысль ея, какъ звено въ общей цѣпи умственнаго развитія, осталась; она разомъ озарила необъятный горизонтъ двухъ сферъ знанія и жизни. Но изъ разсказа автора о философіи Шеллинга нельзя составить себѣ ровно никакого опредѣленнаго понятія о ея результатахъ для психологіи. При томъ же, Шеллингъ не писалъ психологіи и потому, необходимо было обратить вниманіе на то, что̀ и какъ было выработано его школою въ области психологіи. Шеллингъ могъ слишкомъ расширить свои взгляды, могъ потерять изъ виду требованія строгой методы; но въ томъ употребленіи, какое сдѣлали его послѣдователи изъ его началъ въ области философіи, можно было бы видѣть скорѣе и проще—чѣмъ обнаружился его идеализмъ въ сферѣ психологіи и что̀ именно было въ психологіи, вышедшей изъ школы Шеллинга, несходнаго съ характеромъ психологіи того же идеализма, но въ новой формаціи, которую сообщилъ ему потомъ Гегель. Въ особенности, слѣдовало бы обратить вниманіе на два направленія въ разработкѣ философіи и въ частности психологіи, образовавшіяся въ школѣ Шеллинга—одно, имѣв-

щее въ виду упрощеніе его идей и сообщеніе имъ систематическаго, методическаго характера, напримѣръ, у Клейна, Трокслера, Эшенмайера, другое,— усвоивше себѣ мистическую сторону его ученія, что мы находимъ, напримѣръ, у Шуберта и Баадера. Эшенмайеръ заслуживалъ бы вниманія по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что превращая всю философію въ психологію, даетъ поводъ важному вопросу—какъ возможенъ переходъ отъ психологіи, занимающейся изслѣдованіемъ постепеннаго происхожденія явленій и состояній нашей психической жизни, какъ субъективной, къ той дѣятельности духа, которой мы приписываемъ предметное и всеобщее значеніе. Но авторъ разсматриваетъ только Шуберта (стран. 327—334), и притомъ, по обыкновенію, вовсе ненаучнымъ образомъ. Весь разборъ Шуберта состоитъ изъ небольшаго извлеченія (328—331), сдѣланнаго изъ его Geschichte der Seele, и потомъ, изъ непосредственно слѣдующихъ остротъ и насмѣшекъ. Какое же изъ подобнаго разбора слѣдуетъ сціентифическое понятіе о Шубертѣ? Извѣстно, что Шубертъ въ особенности пользовался аналогіями; на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ физіологическихъ, онъ дѣлалъ заключенія о назначеніи и свойствахъ души; а на основаніи нѣкоторыхъ явленій психической жизни, въ нынѣшнемъ состояніи, онъ дѣлалъ заключенія о состояніи ея въ загробной жизни. Слѣдовало обратить вниманіе на подобныя умозаключенія, привести главные образцы ихъ въ систематическомъ порядкѣ и отдѣлить мечтательное отъ серьоз-

наго, прочное отъ гадательнаго. Тогда только можно было бы видѣть, правильно ли Шубертъ пользовался общею идеею о единствѣ жизни, и въ низшихъ явленіяхъ ея видѣлъ указанія на высшія. Умозаключенія Шуберта тѣмъ достойнѣе вниманія, что онъ извѣстенъ глубокою и обширною ученостію, и всю жизнь занимался изученіемъ анатоміи, физіологіи и другихъ естественныхъ наукъ.

Отъ школы Шеллинга авторъ переходитъ къ послѣдней формѣ германскаго идеализма въ школѣ Гегеля и затѣмъ, къ психологіи этой школы, (338—355). И небольшое количество страницъ, посвященныхъ разбору этой школы, носитъ слѣды нѣкотораго знакомства съ ея ученіемъ. Авторъ довольно внимательно разсматриваетъ и діалектическую методу Гегеля; самый разборъ здѣсь свободнѣе отъ фельетонной примѣси; но намъ кажется, что и этому разбору авторъ не сообщилъ твердаго направленія къ опредѣленной цѣли, которой не слѣдовало терять изъ виду, когда дѣло у насъ идетъ о психологіи; и особенно, для этой высшей формаціи идеализма, самый первый вопросъ,—такъ сказать, предверіе гегелевской психологіи, котораго нельзя было не коснуться, заключается въ томъ, правильна ли мысль Гегеля объ отношеніи метафизики, или точнѣе, его общей умозрительной идеи духа къ психологіи, та мысль, что задачу и направленіе психологія получаетъ отъ [illegible] идеи? Для насъ это вопросъ, быть можетъ рѣшен[illegible], но въ историко-критическомъ изслѣдованіи необходимо было разсмотрѣть его съ той точки зрѣнія, съ которо[illegible] смотрѣли въ то

время на отношеніе психологіи къ общей системѣ философіи. Переходя за тѣмъ къ примѣненію, какое гегелевская школа сдѣлала изъ общаго построенія системы къ психологіи, нельзя было не обратить вниманія на общій духъ этой системы въ отношеніи къ задачѣ психологіи и на неразрывную съ нимъ связь діалектической методы. Коль скоро была бы вѣрно понята задача психологіи, вышедшая у Гегеля изъ его общей идеи духа и потомъ способъ ея развитія въ самой психологіи, типическій характеръ гегелевской психологіи обрисовался бы самъ собою со всѣми особенностями, которыми она отличается не только отъ психологіи вольфіанской, или кантовской, но и отъ шеллинговской. Что же именно думала выразить гегелевская школа въ своей психологіи, со стороны ея содержанія? Трудно передать ее въ немногихъ словахъ; но можно сказать, что эта школа усиливалась доказать, что развитіе нашей души составляетъ только субъективное звено развитія духа вообще, и что безотчетный ходъ ея развитія направленъ къ осуществленію и оправданію того же идеала духа, который ясно и отчетливо сознается нашею мыслію, что наконецъ, гармонія сознательнаго и безсознательнаго развитія души происходитъ отъ того, что безсознательныя условія жизни предпосланы самимъ же духомъ, въ высшемъ смыслѣ слова,—духомъ, какъ выражается гегелевская школа, абсолю[illegible]ъ. Какъ вся исторія, по смыслу этой школы, есть только возвращеніе духа изъ дикихъ, естественныхъ формъ жизни къ себѣ самому, такъ и наша

душевная жизнь есть только частица тогоже самаго возвращенія, свойственнаго духу вообще и выражающагося въ развитіи нашей души. Какъ абсолютная идея, поставивши свое инобытіе или природу, возвращается потомъ изъ инобытія къ себѣ или къ абсолютному духу, что̀ и ознаменовывается сперва различными царствами и порядками природы, а потомъ и различными степенями и порядками умственной и нравственной жизни до послѣднихъ и высшихъ ея степеней въ искусствѣ, религіи, и философіи; такъ точно и наша душевная жизнь, отъ данныхъ ей самою природою антропологическихъ, или психофизическихъ свойствъ, постепенно, въ своихъ сознательныхъ проявленіяхъ, начиная отъ ощувщенія и влеченія до разума и разумной воли, выработываетъ свое самосознаніе и самообладаніе, нужныя потомъ, какъ индивидуальныя орудія всеобщаго и объективнаго знанія и блага. Здѣсь душа разсматривается уже не какъ субстанція, и жизнь ея не какъ параллельная тѣлесному организму (у Шеллинга и его школы), но какъ процессъ развитія по внутренно присущей ей цѣли. Вотъ типъ психологіи Гегеля. Но какъ же доказать самымъ развитіемъ души, что въ немъ, въ каждомъ его звенѣ, дѣйствительно соединяются оба его предѣла—начало и конецъ, обѣ ея стороны—сознательная и безсознательная, явленіе и идея? Это Гегель взялся оправдать своею діалектическою методою, на томъ, какъ ему казалось, основаніи, что его метода есть дѣйствительный ритмъ всякой жизни, всякаго развитія, такъ-какъ она будто-бы

разомъ совмѣщаетъ въ себѣ синтезъ и анализъ, т. е., и отправляется отъ даннаго факта, и одушевлена общимъ присущимъ ей понятіемъ или внутренно-присущею ей цѣлію развитія. Очевидно, что Гегель довелъ свои понятія о зависимости психологіи отъ общей системы философіи до послѣдней крайности, что онъ совершенно выступилъ за предѣлы антропологическіе, наконецъ, что его діалектическая метода, силившаяся уловить высшее начало творящаго синтеза и анализа, оказалась непримѣнимою къ дѣлу изслѣдованія и знанія,—на все это указала бы научная критика; но въ результатѣ ея обрисовался бы и типъ этой психологіи, отличающій ее и отъ шеллинговской, и отъ вольфіанской. Говоритъ и авторъ о діалектической методѣ (341—352); но въ чертахъ до такой степени общихъ и не ясныхъ въ примѣненіи къ психологіи, что нельзя видѣть никакого опредѣленнаго результата до котораго дошла въ психологіи гегелевская школа. Самыя выпуклыя черты этого типа тѣ, что въ шеллинговской психологіи, какъ въ понятіи о взаимномъ отношеніи души и тѣла, такъ и въ самой послѣдовательности ея содержанія, не было такой опредѣленности въ какую потомъ заковалъ ее Гегель. Душа и тѣло, подъ вліяніемъ идеи тождества, имѣли характеръ только чего-то, какъ мы сказали, параллельнаго, сосуществующаго; тогда какъ Гегель усиливался самою методою своею представить тѣлесную жизнь, какъ низшую ступень въ развитіи жизни душевной. Въ отношеніи къ вольфіанской и кантовской психологіи, гегелевская школа окончательно перестаетъ разсматривать душу и тѣло, какъ двѣ противо-

положныя субстанціи и, что еще важнѣе, на способности души, какъ это изъ предъидущаго видно, смотритъ только какъ на степени ея развитія или, точнѣе, какъ на постепенно возрастающую въ ней силу самосознанія и самообладанія, и, такимъ образомъ, разомъ пытается объяснить и происхожденіе, и значеніе этихъ степеней развитія или способностей.

Въ крайностяхъ гегелевскаго идеализма была одна изъ немаловажныхъ причинъ поворота къ новому направленію германской психологіи. Этотъ поворотъ обозначился прежде всего замѣчательными произведеніями Гербарта и Бенеке; къ нимъ и слѣдуетъ переходить отъ Гегеля. Если Гегель пытался опредѣлить разомъ и про исхожденіе, и значеніе такъ называемыхъ способностей души, то Гербартъ и Бенеке обращали главное вниманіе на происхожденіе ихъ; а это очень важное различіе. Авторъ, какъ мы уже сказали, разсматриваетъ психологическое направленіе того и другаго весьма подробно. Но за то, тѣмъ умѣстнѣе становится сожалѣніе, что при такой роскоши въ дѣлѣ утонченныхъ подробностей, авторъ помѣстилъ эти два направленія тотчасъ послѣ Канта и Фризе и мало обратилъ вниманія на то, какъ именно обозначился особенный характеръ ихъ психологіи отъ противодѣйствія крайностямъ идеализма. Не высказанъ также общій итогъ направленія Гербарта и Бенеке въ историческомъ ходѣ германскихъ психологическихъ идей, и особенно въ отношеніи къ дальнѣйшему движенію германской психологіи. Напрасно также авторъ не обраща-

етъ вниманія на различное отношеніе психологіи къ метафизикѣ у Гербарта и Бенеке. Хотя бы даже рѣшено было, что содержаніе психологіи вовсе не зависитъ отъ метафизики, но въ критическомъ разборѣ психологіи миновавшихъ направленій нельзя не обращать вниманія на связь, въ какой они разсматривали задачи психологіи съ метафизикою и теоріею познанія. Разсмотрѣніе этого вопроса было бы тѣмъ интереснѣе, что во взглядахъ на него Гербарта и Бенеке можно найти два противоположныя направленія: у одного метафизика заправляетъ общимъ понятіемъ о душѣ, у другаго—метафизика слѣдуетъ только за психологіею и имѣетъ очень ограниченное значеніе.

На психологіи Бенеке у автора оканчивается историко-критическое изслѣдованіе нѣмецкой психологія XIX вѣка. Но можно ли прекращать изслѣдованіе на бенековой психологіи и выдавать его за изслѣдованіе нѣмецкой психологіи XIX вѣка. Едва ли? Послѣ Бенеке прошло уже очень много времени и было уже нѣсколько новыхъ замѣчательныхъ психологическихъ изслѣдованій: сюда относятся труды по крайней мѣрѣ Лоце, Фихте мл., Фехнера, Фортляге, Вундта и Ульрици; не упоминаемъ другихъ менѣе замѣчательныхъ. Изслѣдованіе автора тѣмъ труднѣе признать разборомъ и изображеніемъ нѣмецкой психологіи нашего вѣка, что въ немъ не только не разсмотрѣны новѣйшіе психологическіе труды, въ которыхъ такъ сильно обнаруживается болѣе зрѣлое направленіе германской психологіи, но вмѣсто нихъ занято болѣе ста страницъ (120) разсказомъ о психологіи кантовской шко-

зы, которая какъ мы уже сказали, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть представительницею направленія нѣмецкой психологіи XIX вѣка. И такъ, что вышло? Около двадцати лѣтъ и нѣсколько самыхъ живыхъ новыхъ направленій германской психологіи устранены; а на тридцать лѣтъ психологія XIX вѣка отодвинута назадъ въ область XVIII вѣка,—и остался только нѣмецкій идеализмъ и Бенеке съ Гербартомъ. Какъ-же такъ произвольно ограничивать предѣлы новѣйшей психологіи? Прекращать дѣло изслѣдованія на Бенеке было тѣмъ неумѣстнѣе, что для образца индуктивнаго анализа психическихъ явленій, авторъ часто пользуется самымъ новѣйшимъ англійскимъ психологомъ Бэномъ. Правда, авторъ говоритъ о Лоце, о Фортляге, Фехнерѣ, Вундтѣ; но нѣсколько строкъ сказанныхъ авторомъ о каждомъ изъ нихъ, странно было бы называть историко-критическимъ изслѣдованіемъ. О Фихте мл. авторъ говоритъ нѣсколько больше (536—645). Но что же содержится въ этомъ историко-критическомъ изслѣдованіи о Фихте? Сначала нѣсколько страницъ авторъ описываетъ, какъ Фихте мл. затѣялъ съѣздъ германскихъ философовъ и психологовъ, какъ на этомъ съѣздѣ пировали, но ничего не сдѣлали, и потомъ, въ заключеніе критическаго изслѣдованія, выписываетъ изъ Фихтева журнала небольшую статейку Низе (стр. 644), въ которой, въ немногихъ строкахъ, излагается сущность психологическихъ взглядовъ Фихте сравнительно съ Лоце. Въ оправданіе такихъ ограниченныхъ предѣловъ германской психологіи нашего вѣка, авторъ приводитъ (стр. 619),

по видимому, ту причину, что Гербартъ и Бенеке были лучшіе германскіе психологи. Но это нужно было еще доказать сравнительнымъ разборомъ дальнѣйшихъ германскихъ психологовъ; а этого доказать нельзя; скорѣе можно доказать противное, прочитавши хотя наскоро вышедшія въ Германіи послѣ Бенеке психологическіе труды. Да и дѣло у насъ не въ томъ, а въ историко-критическомъ изслѣдованіи всей германской психологіи, для опредѣленія отличительнаго характера ея отъ психологическихъ изслѣдованій у нѣкоторыхъ англичанъ. А позднѣйшія психологическія изслѣдованія нѣмцевъ болѣе обнаруживаютъ въ себѣ германскаго характера, нежели психологія Бенеке, Нѣмецкая психологія послѣдняго двадцатилѣтія, по прежнему, не ограничиваетъ своей задачи только преемствомъ явленій и состояній душевной жизни, но пытается объяснить—какимъ образомъ это преемство отъ механическаго и безотчетнаго постепенно возвышается къ сознательному и свободному и, вмѣстѣ съ нимъ, образуетъ одинъ цѣлый и замкнутый въ себѣ кругъ жизни. Но въ выполненіи этой задачи нѣтъ уже прежнихъ крайностей, выражавшихся особенно въ идеализмѣ, съ одной стороны, и у Бенеке—съ другой. У всѣхъ замѣтно теперь несравненно больше анализа и ссылокъ на тѣ данныя, какія представлены физіологическими и физическими изслѣдованіями. Но и въ этой группѣ новыхъ германскихъ психологовъ опять замѣтны частные оттѣнки въ рѣшеніи психологическихъ задачъ. У Фихте мл, и Ульрици психологія богата уже анализомъ и опирается

на наблюденіи и физіологическихъ данныхъ, но въ объясненіи связи между жизнію психическою и тѣлесною или перехода отъ одной къ другой, замѣтна еще значительная доля идеализма. Такъ, напримѣръ, Ульрици, разсмотрѣвши подробно чувство зрѣнія и доказавши, что ни внѣшними, ни внутренними раздраженіями нельзя объяснить происхожденія въ душѣ представленія пространства, идетъ потомъ далѣе къ идеалистическому предположенію—что психическое начало въ насъ не иначе можетъ образовать представленіе пространства и устремлять къ нему вниманіе подъ вліяніемъ раздраженій, какъ только подъ тѣмъ условіемъ, когда ему самому свойственно давать себѣ пространство. Таково же предположеніе и Фихте мл. Другіе—туже двусторонность нашей жизни пытаются объяснить преимущественно на основаніи изслѣдованій физическихъ и физіологическихъ, помощію какого-то превращенія силъ, идущаго снизу вверхъ, отъ жизни безсознательной, безотчетной къ сознательной и отчетливой. Таково направленіе Фехнера и отчасти Вундта. Вундту, напримѣръ, кажется совершенно выясненнымъ переходъ отъ жизни физической къ психической, сознательной, когда онъ говоритъ, что всѣ безсознательные процессы природы составляютъ только посылку огромнаго умозаключенія, а ощущеніе есть только его окончательный выводъ, результатъ (ergo) *). Мудрую сре-

---

Впрочемъ, въ своей *physiologische Psychologie* Вундтъ нѣсколько измѣняетъ свое направленіе.

дину между ними занимаетъ Лоце. Нѣчто среднее между ними образуетъ и Фортляге, такъ-какъ въ своей психологіи онъ занимается только анализомъ сознательной психической жизни, не касаясь вопроса объ отношеніи ея къ тѣлесной жизни. Такъ какъ у всѣхъ этихъ психологовъ при синтезѣ есть въ значительной степени и анализъ, то въ критическомъ изслѣдованіи нѣмецкой психологіи XIX вѣка ихъ психологическіе труды заслуживали бы особеннаго вниманія потому что только послѣ разбора ихъ ученій можно было бы показать, чѣмъ именно одинъ психологическій анализъ, имѣющій дѣло только съ преемствомъ психическихъ явленій и состояній, отличается отъ другаго, разсматривающаго ихъ не иначе, какъ по отношенію къ живой, цѣльной и сознательной жизни души. Пока не выяснено это различіе, до тѣхъ поръ нѣтъ данныхъ для заключенія объ относительномъ значеніи обоихъ направленій психическаго анализа. И это заключеніе тѣмъ труднѣе сдѣлать, что почтенный авторъ въ своемъ изслѣдованіи не представляетъ типической характеристики замѣчательнѣйшихъ психологовъ и мыслителей, оказавшихъ вліяніе на психологію, что̀ и повело къ большимъ недостаткамъ его критики.

Въ историко-критическомъ изслѣдованіи автора вся критика вездѣ почти служитъ выраженіемъ только субъективнаго настроенія и ограничивается безпрерывно повторяющимися однообразными фразами въ родѣ—схоластики, силлогистики, мистификаціи, богини музы и т. далѣе. Не такой родъ критики желателенъ въ ученомъ

трудѣ. Въ чемъ бы ни состояла односторонность направленія какой-нибудь философской, или психологической системы, за исключеніемъ развѣ вопіющей нелѣпости, оно не можетъ быть абсолютнымъ недостаткомъ; какъ болѣзнь не есть еще абсолютное отрицаніе жизни и здоровья. Въ своемъ истокѣ оно предполагаетъ какое-нибудь чувство недостатка, вызванное ошибками прежняго направленія; восполняя его, оно ставитъ себя, какъ потребность развивающейся мысли; но потомъ, въ свою очередь утрачиваетъ свою силу, отъ неизбѣжной каждому направленію ограниченности. На эту-то положительную сторону каждаго замѣчательнаго направленія автору слѣдовало бы сперва указать, какъ вообще въ германской психологіи XIX вѣка, по отношенію къ психологіи прежней, такъ и во всѣхъ главныхъ ея направленіяхъ, если онъ желалъ сообщить основательный характеръ самому разбору ихъ недостатковъ и каждое изъ нихъ оттѣнить свойственнымъ ему колоритомъ; но у автора нѣтъ и помину подобной предметной или объективной критики, нѣтъ и указанія типическихъ недостатковъ, свойственныхъ каждому направленію въ частности. Нѣкоторымъ исключеніемъ можетъ быть только разборъ психологіи Гербарта и Бенеке. Оттого происходитъ однообразіе въ пріемахъ отрицанія и немощное усиліе—придать имъ занимательность помощію оборотовъ, дѣйствующихъ тѣмъ непріятнѣе, что они неоднократно повторяются въ одномъ и томъ же видѣ *).

*) Мы не приводимъ здѣсь примѣровъ странной крити-

Отсутствіе научной критики въ сочиненіи—*нѣмецкая психологія* тѣмъ замѣтнѣе, что почтенный авторъ неоднократно, безъ всякихъ основаній, выдаетъ себя за самаго строгаго представителя науки и, съ непонятнымъ тономъ пренебреженія, относится къ психологическимъ трудамъ такихъ ученыхъ, какъ Лоце, Фехнеръ и Фихте мл. Здѣсь же, въ недостаткѣ широкой, предметной точки зрѣнія, въ недостаткѣ, отъ котораго произошли у автора немощи его критицизма, заключается причина и преувеличенныхъ понятій его о психологическихъ пріемахъ и трудахъ нѣкоторыхъ англійскихъ психологовъ. Каковы бы нибыли достоинства довольно неопредѣленной еще въ отношеніи къ психологіи, индуктивной методы и недостатки германской психологіи XIX вѣка, но для дальнѣйшихъ успѣховъ психологіи знаніе ея существенно необходимо. И если разработкѣ индуктивной методы предстоитъ совершить реформу въ состояніи психологіи, то—тѣмъ лучше. Но эта реформа не можетъ состоять въ от-

---

ки у автора, потому что ихъ слишкомъ много. О комъ-бы, авторъ ни заговорилъ—о Декартѣ, Лейбницѣ, Вольфѣ, Кантѣ, Гегелѣ, Шеллингѣ, Шубертѣ и т. д., для всѣхъ-характеристика одна и критика одна—это *силлогизація*, *сущности*, *мистика, буддизмъ* и проч. и проч. Изображеніемъ послѣдовательнаго порядка типовъ психологіи и основательнымъ хотя бы краткимъ указаніемъ на ихъ недостатки можно бы сообщить читателю представленіе цѣльнаго, органическаго развитія психологическихъ идей; тогда какъ механическій сборникъ разныхъ доктринъ, при совершенномъ отсутствіи объективной критики, безполезенъ, а при ложномъ пониманіи многихъ изъ нихъ, положительно вреденъ.

рицанія всѣхъ другихъ пріемовъ и результатовъ психологическихъ изслѣдованій. Благотворность ея вліянія на психологію должна ограничиться только возбужденіемъ большаго вниманія къ изслѣдованію происхожденія психическихъ явленій или ихъ послѣдованія однихъ за другими. Но она всегда будетъ безсильна въ опредѣленіи ихъ смысла и значенія; смыслъ же и значеніе психическихъ явленій могутъ быть поняты только подъ условіемъ пониманія—что́ ими выполняется въ цѣломъ, а цѣлое въ сознательной душевной жизни выражается не преемствомъ явленій, но внутренно-присущею имъ и постепенно въ нихъ же развивающеюся цѣлію.

V.

Въ заключеніе, обратимъ вниманіе еще на нѣкоторыя противорѣчія въ историко-критическомъ изслѣдованіи автора. Нѣтъ нужды входить здѣсь въ разсмотрѣніе какихъ нибудь частныхъ или второстепенныхъ противорѣчій, не имѣющихъ тѣсной связи съ основнымъ взглядомъ автора на задачу психологіи. Для насъ имѣютъ интерссъ тѣ противорѣчія, или, по крайней мѣрѣ, непослѣдовательности, въ которыхъ обнаруживается нѣкоторая шаткость понятія автора о задачѣ психологіи. Въ историко-критическомъ изслѣдованіи своемъ авторъ весьма часто возстаетъ противъ метафизики, хотя и не было нужды въ частомъ повтореніи одного и того же. И авторъ правъ по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что психологіи не должно смѣшивать съ метафизикою. Далѣе,

авторъ ограничиваетъ психологію только изслѣдованіемъ преемства психическихъ явленій и состояній. И въ этомъ отношеніи взглядъ автора на предметъ психологіи имѣетъ свои основанія, и успѣхъ его будетъ зависѣть отъ способа выполненія; дѣло мастера боится. Но на какомъ же основаніи почтенный авторъ однажды рисуется паѳосомъ негодованія противъ всего метафизическаго, а въ другой разъ усиливается отстаивать метафизическія истины, хотя ему кажется, что онъ не имѣетъ къ нимъ никакого дѣла. Такъ, напримѣръ, однажды авторъ возстаетъ противъ категорій и формъ познавательной дѣятельности, противъ всего апріорнаго; а въ другой разъ говоритъ о самобытныхъ законахъ духа (стр. 365), о его непротяженности и простотѣ (стр. 275)? И что еще удивительнѣе, тутъ же (365) рядомъ и допускаетъ самобытные законы духа и утверждаетъ, что всѣ теоретическіе и практическіе феномены объясняются въ послѣднемъ анализѣ изъ ощущенія. Подобныя положенія требовали бы по крайней мѣрѣ точнаго объясненія; по нашему мнѣнію, тутъ у автора поставлены рядомъ утвержденіе и отрицаніе; потому что коль скоро нѣтъ опредѣленныхъ формъ или нормъ душевной дѣятельности, то нельзя говорить и о самобытныхъ законахъ духа; коль скоро всѣ теоретическія и практическія проявленія объясняются въ последнемъ анализѣ изъ ощущенія, то опять невозможно говорить о самобытныхъ законахъ духа; потому что ощущеніе даетъ намъ знать только о кисломъ, сладкомъ, твердомъ, но не о качествѣ, количествѣ, причинѣ и дѣй-

ствіи, цѣли и средствѣ, о совѣсти и безсовѣстности и т. д. Ощущеніемъ дѣйствительно начинается порядокъ проявленій душевной жизни; но это нисколько не значитъ, что изъ него то и происходятъ всѣ дальнѣйшіе психическія проявленія, какъ изъ того, что за первымъ росткомъ растенія выходящимъ изъ земли, слѣдуютъ дальнѣйшія его коленца, нельзя заключать, что изъ этого видимаго ростка, а не изъ сокрытаго въ землѣ зерна, выростаетъ дерево.

Такія же противорѣчія мы находимъ и въ тѣхъ мѣстахъ его сочиненія, гдѣ авторъ желалъ бы даже утвердить нѣкоторыя метафизическія истины (стр. 357—358), какъ важныя для воспитанія и жизни. Нѣтъ ничего естественнѣе подобнаго серьознаго желанія. Но почтенный авторъ незамѣчаетъ, что онъ опять вноситъ на свои страницы прямое противорѣчіе. На стран. 357 и 358-ой авторъ выражаетъ ту мысль, что высшія руководительныя истины ни сколько не теряютъ оттого своей обязательной силы, если мы будемъ знать, что онѣ не составляютъ чего-то первичнаго, что онѣ, то есть, сами составляютъ нѣчто сложное изъ простѣйшихъ элементовъ образовавшееся подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній. Авторъ совершенно правъ, что эти истины нисколько не теряютъ оттого своей силы, если мы знаемъ постепенность ихъ происхожденія; но опять—странно говорить, что эти истины ни сколько не теряютъ своей силы, когда ни слова не сказано, откуда же онѣ получаютъ свою силу, если психологія, занимающаяся только психиче-

скими явленіями, нисколько не сообщаетъ, да и не можетъ, сообщить имъ этой силы. Быть не можетъ, что бы онѣ получали свою силу оттого, что мы узнали ихъ производность, или точнѣе, ихъ происхожденіе, генесисъ. Это противорѣчило бы показаніямъ практической психологіи цѣлаго человѣчества; а ему свойственно даже инстинктивно отличать генесисъ отъ самаго начала или основанія тѣхъ коренныхъ истинъ, которыя правятъ его жизнію.

Но сколько бы ни было подобныхъ противорѣчій въ историко-критическомъ изслѣдованіи автора о нѣмецкой психологіи, для насъ важны не самыя противорѣчія, а причины ихъ.

Намъ кажется. что почтенный авторъ, во первыхъ, не выяснилъ, какъ должно понимать ту сторону въ составѣ нашего познанія, которую обыкновенно называютъ апріорною. Оттого и происходитъ у него нѣкоторая зыбкость въ понятіяхъ объ этомъ составѣ. Авторъ чувствуетъ, что безъ нея нельзя объяснить происхожденія познанія, и потому, отстаивая *рефлексію* Локка, даже готовъ думать, что между этою рефлексіею и лейбницевымъ понятіемъ о врожденности разума нѣтъ никакого различія. Но есть ли оно, или нѣтъ, дѣло въ томъ, что Локкъ въ своемъ *опытѣ о разумѣ человѣческомъ,* хотя и призналъ рефлексію однимъ изъ источниковъ нашихъ идей, но эта рефлексія осталась у него только словомъ безъ всякаго значенія. Когда, напримѣръ, въ параллелограмѣ силъ мы опредѣляемъ среднее направленіе (рав-

подѣйствующую), происходящее подъ вліяніемъ двухъ, производящихъ его силъ, то естественно, что мы должны указать направленіе и степень каждой изъ этихъ послѣднихъ. Нѣчто подобное долженъ былъ сдѣлать и Локкъ, когда онъ сказалъ, что идеи происходятъ подъ вліяніемъ двухъ началъ, какъ-бы двухъ силъ—ощущенія и рефлексіи. Ему предстояло указать, какія стихіи во всемъ порядкѣ идей происходятъ подъ вліяніемъ ощущенія, и какія—подъ вліяніемъ рефлексіи. Но Локкъ ни гдѣ ни единымъ словомъ не показалъ, какія именно стихіи въ составѣ идей происходятъ подъ вліяніемъ рефлексіи. Даже и то голословное утвержденіе у Локка, что нѣкоторыя идеи происходятъ подъ вліяніемъ рефлексіи, неправильно и поверхностно; потому что коль скоро—два начала идей, то въ составѣ всѣхъ идей, больше или меньше, должно повторяться двойство этихъ производящихъ ихъ стихій. Чтобы понятна была безжизненность рефлексіи и безсвязность ея съ перечисляемыми у Локка идеями, стоитъ сравнить его объясненіе происхожденія идей, не только съ новѣйшимъ, но даже съ фихтовскимъ (въ его Wissenschaftslhere) выводомъ категорій, или съ объясненіемъ порядка такъ называемыхъ способностей души. Какая мертвая поверхностность у одного, и какая глубина и жизненная сила у другаго. Ея нельзя не сознавать, хотя бы мы и желали меньшихъ порывовъ умозрительности. Во вторыхъ, авторъ нигдѣ не выяснилъ, что именно должно разумѣть подъ именемъ метафизики, и употребляетъ это выраженіе въ томъ неопредѣленномъ

смыслѣ, какъ иногда употребляютъ его въ жизни—на скоро и наудачу. Изъ того, что метафизика имѣла странный характеръ въ средніе вѣка, а потомъ долго и въ новыя времена, еще не слѣдуетъ, что психологія можетъ оставить безъ вниманія свое отношеніе къ ней. Только вещественные предметы, напримѣръ, какой-нибудь минералъ, или плодъ, предстаетъ въ готовыхъ, опредѣленныхъ очертаніяхъ, данныхъ имъ независящимъ отъ насъ процессомъ природы: но все мыслимое, каждое понятіе а тѣмъ болѣе наука выдѣляется для насъ и получаетъ свои опредѣленныя очертанія не иначе, какъ умственною работою, выясняющею ихъ отношеніе къ другимъ, соприкосновеннымъ съ ними сферамъ знанія и внутренней жизни. Не можетъ и психологія установить съ точностію своихъ задачъ, не опредѣливши своего отношенія къ метафизикѣ, и тѣхъ границъ, которыми одна отдѣляется отъ другой. Для того, нужно только опредѣлить, что̀ должно разумѣть подъ метафизикою. Обыкновенно, при вопросѣ объ отношеніи психологіи къ метафизикѣ, тотчасъ представляютъ себѣ ее въ какой-нибудь опредѣленной формаціи—новоплатоновской, средневѣковой, вольфіанской и т. д., и отрицая всѣ подобныя формаціи и какое-бы то ни было отношеніе психологіи къ нимъ, думаютъ, что таково же отношеніе психологіи и къ метафизическимъ стихіямъ или къ тѣмъ истинамъ, которыя выступаютъ изъ ряда истинъ, касающихся только міра явленій. Но подобное понятіе психологіи было бы не основательно и опять не выражало бы той психологіи

человѣчества на которую указываетъ намъ вся его исторія. Психологія не есть метафизика и не можетъ быть метафизикою; она не вноситъ въ свою область и истинъ метафизическихъ; но съ другой стороны она не можетъ, по крайней мѣрѣ въ своемъ результатѣ, не придти къ такимъ предѣламъ, на которыхъ открывается для насъ высшая область знанія внутренней жизни. Занимаясь изслѣдованіемъ явленій нашей внутренней жизни, изображая ряды ихъ отъ низшихъ къ высшимъ, она открываетъ въ послѣднихъ тотъ органъ, который преимущественно приспособленъ къ содержанію высшихъ истинъ, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ. Такимъ образомъ, если психологія, занимаясь изслѣдованіемъ психической жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдитъ и за развитіемъ нашего самосознанія, какъ органа высшихъ истинъ, то другія части философіи занимаются указаніемъ предметнаго основанія ихъ*).

Подобныя же противорѣчія, но въ другомъ родѣ, мы находимъ у автора тамъ, гдѣ онъ касается отношенія индуктивной психологіи, ограничивающейся только изслѣдованіемъ преемства психическихъ явленій, къ практической жизни. Сказавши (на стр. 108-ой) что »нравственность могла бы направляться и интересами тѣла,« авторъ прибавляетъ, что »составъ ея естественныхъ яв-

(* Чтобы яснѣе было различіе между метафизикою и ея постановкою до XIX вѣка, и, за тѣмъ, покрайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ XIX вѣка, стоитъ прочитать, напримѣръ, какой нибудь курсъ метафизики вольфіанской школы и *Богъ и природа*—Ульрици. По содержанію, послѣднее сочиненіе есть метафизическое; но какое огромное различіе между этою метафизикой и вольфіанской.

женій отъ этого нимало не измѣняется: мотивы долга, правды и т. д., откуда бы они въ концѣ ни выходили и къ чему бы они въ концѣ ни направлялись,—а съ ними вмѣстѣ и существо наказаній, какъ возмѣщеніе недостатка или тупости естественныхъ мотивовъ—остаются въ своей фактической силѣ.» »Развѣ какой—нибудь членъ тѣла.“ говоритъ почтенный авторъ (357 стран.), ,,перестаетъ быть необходимою частію въ общей экономіи нашихъ физическихъ и духовныхъ интересовъ, когда мы узнаемъ, какъ и изъ какихъ элементовъ онъ сложился. Не тоже ли прилагается и къ высшимъ интересамъ духа? Не ужели гармонія личныхъ интересовъ съ интересами общества перестаетъ быть обязательнымъ началомъ морали, когда мы узнаемъ, какъ образуется и возрастаетъ система интересовъ и требованіе ихъ гармоніи?“ Не станемъ много распространяться о томъ, въ какой степени вѣренъ взглядъ автора на основанія нашей практической жизни. Что наша жизнь можетъ руководствоваться и потребностями нашей физической природы, что и нравственно-общественная жизнь, ея крѣпость и строй зависятъ отъ гармоніи личныхъ интересовъ съ интересами общественными, объ этомъ никто, конечно, спорить не станетъ. Сила вопроса, имѣющаго тѣсное отношеніе и къ психологіи, состоитъ далеко не въ томъ. Когда мы говоримъ, что нравственная жизнь можетъ руководствоваться и интересами тѣла, что гармонія личныхъ интересовъ не умаляется отъ знанія механизма этой гармоніи, что мотивы долга и правды и существо

наказаній остаются въ своей фактической силѣ, хотя бы мы принимали во вниманіе и потребности нашей тѣлесной природы, то для насъ возникаетъ вопросъ другой: достаточно ли для нравственныхъ мотивовъ жизни руководствоваться одними интересами тѣла? Далѣе, гдѣ окончательное и обязательное основаніе для гармоніи личныхъ интересовъ съ общими? Достаточно ли для наказаній имѣть только фактическую силу? Словомъ—сводя всѣ подобные вопросы къ одному общему,—достаточно ли для нравственной жизни тѣхъ мотивовъ, которые дѣйствуютъ на насъ только механически, т. е., вліяніемъ такъ поставленныхъ условій жизни, что они какъ—бы сами собою, помимо самостоятельной и самосознательной воли человѣка, заставляютъ его оставаться въ извѣстныхъ предѣлахъ, или нужны еще мотивы другіе, высшіе? Будутъ ли даже состоятельны первыя условія, какъ бы мы ни относились къ началу и цѣли мотивовъ долга и правды и къ высшимъ опорамъ нравственнымъ? Отвѣчать на эти вопросы утвердительно можно только при поверхностномъ понятіи о нравственной жизни и о характерѣ всѣхъ явленій нашей внутренней природы. Удерживаясь строго въ предѣлахъ механическаго строя нашей жизни, нельзя было бы достигнуть даже только условнаго, утилитарнаго значенія всѣхъ мотивовъ долга и правды; да и утилитарное, условное значеніе ихъ не то, что—нравственное. Есть много вещей въ мірѣ, имѣющихъ свое значеніе, въ смыслѣ явленія, вызываемаго обстоятельствами; но это значеніе ихъ нельзя назвать нрав-

ственнымъ, и даже и оно опирается не само на себѣ. Въ концѣ концовъ и это утилитарное значеніе мотивовъ долга и правды незамѣтно утверждается на основныхъ психическихъ свойствахъ человѣческой природы. Кантъ плохо ставилъ свою теорію такъ называемыхъ способностей души; но онъ зналъ, что дѣлалъ, когда утверждалъ значеніе нравственныхъ убѣжденій не на механизмѣ явленій практической жизни, а на идеѣ нравственнаго долга, на нравственномъ самосознаніи человѣка, когда говорилъ: двѣ вещи возбуждаютъ во мнѣ благоговѣніе— звѣздное небо надо мною и нравственный законъ во мнѣ. Просто, не мотивы долга и правды утверждаются на механизмѣ явленій практической жизни, а на оборотъ, единственная опора самого этого механизма утверждается на самостоятельномъ сознаніи нравственныхъ мотивовъ долга и правды, неразрывныхъ съ нравственнымъ самопознаніемъ человѣка. Только при этомъ условіи и существо наказаній можетъ имѣть не одну фактическую силу, — чего былобы слишкомъ мало, ибо и варварство и макіавелизмъ могутъ имѣть силу, —но и нравственную; фактическая сила должна быть только явленіемъ и выраженіемъ силы нравственной. Кажется, довольно ясно. Откуда же у автора такое несостоятельное представленіе свойствъ нравственной жизни? Оттого, какъ намъ кажется, что онъ смѣшиваетъ двѣ нетождественныя вещи: способъ происхожденія или историческій генезисъ нравственной и умственной жизни и дѣятельности съ основаніями и началами ихъ.

Но для насъ важенъ здѣсь еще одинъ вопросъ—правильно ли относится этотъ взглядъ на зависимость мотивовъ долга и правды къ задачамъ психологіи и къ практической жизни, какъ широкому выраженію нашей душевной жизни, составляющей предметъ психологіи? Имѣетъ ли какую либо связь одно съ другимъ? Если бы можно было разсматривать психическую жизнь только и не болѣе какъ преемство явленій и состояній психических, то переходъ отъ него къ самостоятельнымъ началамъ нравственной жизни былъ бы крайне затруднителенъ; тогда нужно было бы, чтобы вмѣсто одной души было у насъ двѣ: одна состояла бы только изъ преемства, какъ преемства, явленій, а другая въ этомъ преемствѣ заключала бы и развитіе отъ низшаго къ высшему, завершаемое нравственнымъ самосознаніемъ и самостоятельно—сознаннымъ содержаніемъ, превышающимъ всякія произвольныя надъ нимъ операціи іезуитства. Тогда и въ жизни психическія явленія съ ихъ преемствомъ служили бы только формою, въ которую можно было бы вносить какое-угодно содержаніе, какъ низкое, такъ и высокое. Къ счастію, наша психическая жизнь, въ томъ видѣ, какъ ее находитъ безпристрастное наблюденіе, представляетъ въ себѣ нѣчто гораздо болѣе, нежели одно преемство внутреннихъ явленій и состояній. Наблюденіе и вся наша жизнь окончательно убѣждаютъ насъ, что въ нихъ есть послѣдовательный ходъ отъ низшаго къ высшему, что въ ихъ преемственномъ ходѣ связуется въ одно живое цѣлое порядокъ механическій съ цѣлесо-

образнымъ, что преемственный ходъ ихъ, по мѣрѣ развитія, направляется нашимъ самосознаніемъ, такъ что въ его лонѣ всѣ они образуютъ одну цѣльную систему средствъ и цѣлей, что, наконецъ, вся эта самосознательная жизнь не есть только механизмъ и орудіе внѣшней силы, но и самостоятельное, самосознательное существо. А самосознательному существу свойственно не только принимать, но и самостоятельно сознавать основанія воспринятому въ своемъ собственномъ внутреннемъ существѣ.

Здѣсь только становится яснымъ, почему въ разсмотрѣніи явленій психической жизни никакъ нельзя всецѣло ограничиться тѣми пріемами какими пользуются при изученіи явленій физическихъ, и почему взглядъ на психологію, какъ на науку, занимающуюся только преемствомъ явленій психической жизни, не смотря на всю его пользу, долженъ составить только низшее, подчиненное звѣно другаго, высшаго взгляда на существо ихъ, хотя психологія оттого не только не теряетъ характера науки, а напротивъ, пріобрѣтаетъ его, потому что только въ такомъ случаѣ она соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Явленія физическія сами своей цѣли не сознаютъ; а потому, ихъ и изучаютъ только, какъ средство для достиженія цѣлей, сознаваемыхъ человѣкомъ. Но психическія явленія мы изучаемъ не для того только чтобы потомъ можно было кому нибудь одному пользоваться ими въ другихъ, какъ средствами для достиженія какихъ—нибудь своихъ цѣлей, но чтобы развить въ каждомъ чело-

вѣкѣ присущее его внутренней природѣ самосознаніе и самообладаніе.

Теперь мы можемъ, основываясь на высказанныхъ авторомъ практическихъ началахъ, повторить то, что мы отчасти уже говорили выше, а именно, что хотя авторъ и выдаетъ свой критическій трудъ за разборъ новѣйшей германской психологіи, однако не доказалъ, что ему извѣстно самое недавнее и довольно сильное направленіе одной изъ школъ германской психологіи. Это направленіе до такой степени важно, что если оно не разсмотрѣно, то мы имѣемъ новое основаніе думать что трудъ автора не соотвѣтствуетъ цѣли. Дѣло въ томъ, что авторъ высказывается, хотя и въ темныхъ выраженіяхъ, послѣдователемъ того психологическаго направленія въ отношеніи къ практической или нравственной жизни, которое полагаетъ, что основныя руководительныя начала ея происходятъ единственно отъ сложившагося какимъ-бы то ни было образомъ ея механизма; иначе говоря, что собственно нѣтъ какихъ-нибудь основныхъ практическихъ истинъ, которыя-бы больше или меньше заправляли образованіемъ самаго механизма жизни, и съ которымъ можно-бы было повѣрять самую человѣчность или безчеловѣчность этого механизма: будетъ ли механизмъ во вкусѣ турецкомъ, или мормонскомъ—этотъ вкусъ самъ себѣ судья. Не касаясь неопредѣленности выраженій, въ которыхъ авторъ высказываетъ свой взглядъ, мы выразили сомнѣніе въ возможности происхожденія и развитія исключительно такимъ путемъ

нравственныхъ и нравственно-общественныхъ формъ жизни, и противопоставили ему другой взглядъ, а именно Канта, по мнѣнію котораго въ основаніи самой возможности постепеннаго развитія нравственныхъ началъ жизни нужно полагать прирожденную человѣку, апріорную идею долга. Но тутъ же мы замѣтили, что и Кантъ плохо ставилъ свою теорію способностей души, а также само собою разумѣется, и свою идею долга. Прибавимъ же еще, что новѣйшая, довольно замѣчательная психологическая школа въ Германіи не принадлежитъ ни къ прежнему эмпиризму (локко-кондильяковскому), воображавшему, что въ самомъ дѣлѣ можно путемъ раздраженій и чувственныхъ перцепцій объяснить происхожденіе теоретическихъ и практическихъ идей, ни къ прежнему идеализму, принимавшему врожденныя идеи, напримѣръ субстанціи, пространства, долга и т. д.*) Сущность ученія этой школы, ограничиваясь не многими словами, состоитъ въ томъ, что она отвергаетъ и старый эмпиризмъ и старый идеализмъ, съ его врожденными идеями, и твердо проводитъ ту мысль, что на всѣхъ инстанціяхъ развитія теоретическихъ и практическихъ душевныхъ отправленій, не исключая и ощущенія, какъ самаго низшаго, въ основаніи ихъ заключается, кромѣ тѣлесныхъ

*) Прежнее ученіе о врожденныхъ идеяхъ нашло себѣ сильную поддержку въ дуализмѣ декартовскомъ, а потомъ вольфіанскомъ и даже кантовскомъ. Дѣло въ томъ, что коль скоро Декартъ призналъ всецѣлую отдѣльность двухъ субстанцій —мыслящей и протяженной, то уже не мыслима была идея развитія душевной жизни, понятной только подъ условіемъ, когда она дѣйствительно внѣдряется въ міръ явленій.

раздраженій, и участіе душевнаго агента; но что это участіе состоитъ не въ сознаніи врожденныхъ идей, такъ-какъ онѣ не существуютъ въ готовомъ видѣ и требуютъ нѣкотораго внутренняго развитія, но въ самой жизни, въ фактическомъ, реальномъ внѣдреніи его въ тѣлесный организмъ и въ жизненныхъ проявленіяхъ помощію тѣлеснаго организма, какъ своего органа и символа. Уже самое чувство свѣта, звука, гармоніи есть дѣло не однихъ раздраженій внѣшняго и внутренняго, но и психическаго агента. Еще виднѣе участіе этого агента при локализаціи ощущеній, при образованіи идеи пространства и т. д., хотя бы мускульное чувство и было вспомогательнымъ орудіемъ при перципированіи различныхъ измѣреній. Всѣ эти идеи образуются при посредствѣ опыта, или лучше въ процессѣ самой жизни; но самый опытъ, самая жизнь возможны только потому, что въ основѣ ихъ уже есть дѣйствіе взаимно-проникающихся началъ—психическаго и вещественнаго. Таково, говоря приблизительно, новѣйшее, довольно замѣчательное направленіе въ германской психологіи. Оно вовсе не похоже на то двойство началъ въ основѣ происхожденія идей, которое допускаетъ Локкъ, называя одно ощущеніемъ, а другое—рефлексіею. Быть можетъ, это направленіе разумѣется у автора подъ названіемъ примирительнаго; но авторъ только упоминаетъ о немъ, вовсе не разсматривая его; да и самое же названіе *примирительнаго* нисколько не выражаетъ его сущности, такъ что читатель не знаетъ, въ чемъ тутъ дѣло. Гораздо бли-

же мы будемъ къ характеру этого психологическаго направленія, если назовемъ его, какъ его и называютъ, идеальнымъ реализмомъ; оно—реализмъ, потому что въ основу развитія душевной жизни полагаетъ не врожденныя идеи, существующія какъ бы по другую сторону процесса жизни, но реальность, дѣйствительную жизнь и проявленіе психическаго агента при помощи имъ же образуемаго тѣлеснаго организма; оно—реализмъ идеальный; потому что эту реальность относитъ не къ веществу, не къ его молекюламъ, но къ процессамъ психическимъ. Вотъ то психическое направленіе, которое сформировалось въ Германіи довольно недавно. Мы не отстаиваемъ его во что-бы ни стало; но думаемъ, что игнорировать его въ критическомъ сочиненіи, цѣлію котораго было разсмотрѣніе новѣйшей германской психологіи, значитъ оставлять читателя въ полнѣйшемъ невѣдѣніи ея; и оно тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что авторъ подробно разсматриваетъ психологію канто-фризовской школы, а потому, незнакомаго съ дѣломъ читателя обрекаетъ на жалкое и наивное убѣжденіе, будто въ канто-фризовской психологической школѣ онъ дѣйствительно понялъ новѣйшую германскую психологію. Это невѣдѣніе достойно сожалѣнія еще и потому; что въ психологическомъ идеальномъ реализмѣ есть много жизненности и много совершенно новыхъ взглядовъ на глубины психической жизни *)

*) Для составленія основательнаго понятія о психологическомъ идеальномъ реализмѣ, достаточно изучить психо-

Сдѣлаемъ теперь наше общее заключеніе. Почтенный авторъ сдѣлалъ доброе дѣло, выдвинувши вопросъ объ отношеніи англійской психологіи къ германской изъ предѣловъ школы на арену печатныхъ разсужденій; но самаго рѣшенія вопроса у автора мы вовсе не нашли. Оно требуетъ предварительнаго, долговременнаго и основательнаго изученія главныхъ направленій и ихъ послѣдовательнаго порядка не только въ психологіи новыхъ временъ, но и въ философіи вообще.

С. Гогоцкій.

логическія сочиненія Ульрици, Фихте мл., и Гундта (Physiologishe Psychologie). Горвицъ, недавно выступившій съ своимъ психологическимъ сочиненіемъ, также очень близокъ къ этому направленію. См. его: Psychologische Analysen, auf physiologischen Grundlage.

Прибавленіе къ страницѣ 70.

Чтобы читатель могъ убѣдиться до какой степени авторъ (Нѣмецкой психологіи), не справляясь съ дѣйствительностію, ставитъ свои положенія о германской психологіи XIX вѣка,—что она, подобно картезіанству, занимается *мучительными вопросами объ отношеніи такихъ противоположныхъ субъ-станцій, какъ духъ и тѣло*, приведемъ, въ краткомъ видѣ, сперва программу психологіи Мишле (1840 года), а потомъ, программу вольфіанской психологіи по Винклеру. Онъ извѣстенъ полнымъ курсомъ философіи, господствовавшимъ долгое время и у насъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (духовныхъ).

Программа психологіи Мишле.

1) Антропологическая часть.

A) Естественныя свойства души.

a) *Общая* жизнь души. a) Космическая жизнь души b) Астрологія c) Симпатическая естественная жизнь души.

б) *Особенныя* различія въ человѣческомъ родѣ.

2) различіе расъ. Происхожденіе отъ одной пары. Географическое различіе частей земной поверхности. Физіо-

логическій характеръ племенъ. Душевное различіе между ними. Племена.

с) Мѣстныя душевныя черты (Localgeister). Восточные народы: китайцы, индійцы, и т. д. Греки и римляне. Христіанскіе народы: французы, англичане и т. д.

а) Половое различіе. Понятіе о немъ. Женщина, и мущина.

b) Естественная *опредѣленность индивидуума.*

с) Естественныя наклонности. Способности, талантъ, геній.

а) Темпераменты; слѣдуетъ подробное описаніе темпераментовъ.

b) Идіосинкрасіи.

Б) Естественныя душевныя *перемѣнчивости.*

а) Возрасты (слѣдуетъ подробное описаніе возрастовъ. б) Перемѣны сна и бодрствованія: Теллурическія условія ихъ. Физіологическое различіе между ними. Душевное различіе. в) Магическая душевная жизнь. а) Гаданіе, видѣніе, магическое вліяніе, ясновидѣніе; b) Двойная личность: Дитя въ утробѣ матери; животный магнетизмъ; отношеніе къ генію; с) Помѣшательство; происхожденіе, различные виды его и врачеваніе.

В) Дѣйствительность души.

а) Навыкъ, какъ внѣдреніе души въ тѣлесный организмъ—слѣдуетъ подробное объясненіе.

б) Физіогномика—подробное описаніе и исторія физіогномики.

в) Пантомимика—подробное объясненіе пантомимики и ея смысла.

2) Психологическая часть.

А) Познавательная дѣятельность.

a) Чувственность.

b) Ощущеніе. Понятіе ощущенія. Внѣшнія чувства—зрѣніе, слухъ и т. д. Цѣлостное ощущеніе. c) Воззрѣніе: самосознаніе, сознаніе, перцепція...a) наблюденіе анализъ его составныхъ моментовъ.

b) Воображеніе (въ обширномъ смыслѣ).

c) Дѣятельность представленія: образъ, воспоминаніе, представленіе, за тѣмъ подробный анализъ дѣятельности представленія. a) Фантазія;—слѣдуетъ подробный анализъ фантазіи; b) Способность знаковъ или обозначенія: языкъ образный; языкъ звуковой: членораздѣльные звуки, гласныя, согласныя и т. д.; сохраненіе звуковыхъ знаковъ. Письменное слово. б) Память.

в) Мышленіе.

b) Проявленія разсудка. Чистыя понятія разсудка или категоріи и подробное объясненіе по нимъ началъ философской граматики или частей рѣчи и синтаксиса. Наблюдающій разсудокъ. Опытъ. a) Дѣятельность сужденія. b) Разумъ: вѣра, просвѣщеніе, высшее знаніе.

Б) Проявленія желательной дѣятельности.

a) Чувственная воля (стран. 443—492);

б) воля разсуждающая (492—512); в) свободная воля (512—538), съ подробнымъ описаніемъ проявленій каждой изъ нихъ.

Вотъ въ сокращеніи программа психологіи Мишле, послѣдователя самаго крайняго германскаго идеализма (гегелевскаго). Въ ней и помину нѣтъ о мучительныхъ вопросахъ, упоминаемыхъ авторомъ *Нѣмецкой психологіи.* Сходны по направленію съ Мишле—Эрдманнъ и Розенкранцъ. Не приводимъ программъ другихъ позднѣйшихъ курсовъ германской психологіи, напрім., Бенеке, Лѳце, Вундта, Ульрици, Фихте мл., Фортляге; потому что нѣкоторыя изъ нихъ можно найти и въ русскомъ переводѣ. Достаточно разсмотрѣть всѣ эти программы, что бы увидѣть, что эти психологическіе курсы заняты преимущественно проявленіями душевной жизни, и притомъ въ ихъ связи съ физическими и физіологичеэки условіями. Если иногда въ нихъ дѣлаются и общія заключенія о душевной жизни, то весьма рѣдко, и притомъ въ видѣ гаданій и не иначе, какъ на основаніи данныхъ проявленій.

Приведемъ теперь программу психологіи Винклера, половины XVIII вѣка (Institutiones philosophiae universae Lipsiae, MDCCXXXXII, pag. 305—608), и при томъ, для большей точности, на латинскомъ языкѣ, на которомъ она и написана.

De psychologia in genere. Psychologia distribuitur (cum Wolfio) in *empiricam* et *rationalem.* Слѣдуетъ опредѣленіе эмпирической и умственной психологіи.

1) *Psychologia empyrica.* Раздѣляется на три отдѣла (membra): въ первомъ—говорится вообще о душѣ человѣческой и о связи души и тѣла; во второмъ—о спо-

Опечатки.

Напечатано			Исправить.
стран.	строки.		
43	27.	состояніе	достояніе
49	3,	дѣйствія и видоизмѣненія	причины и дѣйствія, субстанціи и видоизмѣненія.
57	11,	XIX вѣка,	XVII и XVIII вѣка,
60	16,	существенныхъ	чувственныхъ
89	23,	въ въ томъ, что	въ томъ, что́
137	17,	психическаго	психологическаго

собностяхъ (facultas) умственныхъ; въ третьемъ—о желательныхъ.

Membrum 1. De animo humano in genere; de primis notionibus, quae ad cognoscendum animum pertinent; de animi humani existentia; de animi corporisque commercio; de duplici mentis in corpore statu.

Membrum 2) Facultas cognoscendi.

De sensu; de phantasia; de memoria; de attentione e reflexione; de intellectu; de primariis intellectus operationibus; de perfectione intellectus humani.

Membrum 3) Facultas appetendi et aversandi.

De natura affectuum; de generibus et speciebus affectuum; de appeticinibus et aversationibus; de libertate e voluntate.

2 *Psychologia rationalis*.

Membrum 1. De animis.

De animi essentia logica; de continua animi agitatione. De ratione commercii, quod animo cum corpore intercedit. De essentia animi congrua ratione explicandarum ejus actionum. De ortu animorum. De animi humani immortalitate.

Membrum 2. De animis bestiarum.

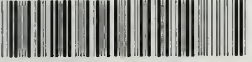
De animarum in bestiis existentia. De animarum bestialium existentia.

Въ такомъ родѣ были и всѣ курсы психологіи XVIII вѣка. Стоитъ теперь только обратить вниманіе въ этой программѣ на раздѣленіе психологіи на эмпирическую и умственную, на догматическіе трактаты de essen

tia animi logica, de animi corporisque commercio, de ortu animorum, de animarum immortalitate, de facultatibus animae и т. д., и во-очію будетъ ясно, что авторъ сочиненія *нѣмецкая психологія* XIX вѣка разбираетъ германскую психологію не XIX, но XVIII вѣка, что онъ оставилъ въ сторонѣ огромное различіе между этими двумя періодами психологіи, и такимъ образомъ, ведетъ неопытнаго читателя къ ложному убѣжденію, будто онъ и въ самомъ дѣлѣ получилъ изъ его критическаго сочиненія нѣкоторое понятіе о германской психологіи XIX вѣка.

Замѣченныя опечатки.

Напечатано, стран.	строк.		Исправить,
16	18	со	съ
18	28	чого	чего
25	26	телѣснымъ	тѣлеснымъ
27	1	міросозерцанію.	міросозерцанію,
44	2--3	приносимыя	привносимыя
48	20	коордированіе	координированіе
—	27	оощущеніенъ	ощущеніемъ
51	14	не физическое	не физическое,
54	17—18	съ другой)	съ другой,
55	17—65		103...124
88	5	вряду	въ ряду
—	6	психологической	психической
91	9	духовной,	духовной
96	8—9	гезиса	генезиса
110	10	цѣли	цѣни
	24	отъ субъекта	отъ объекта


Duke University Libraries
D03962983/